

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№1 (20) 2010

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Ан. А. – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Ал. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Формат 60x84 1/16.

Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 14,4 усл.п.л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Авраменко Ю. И.</i> Природный дар – владение словом	8
<i>Буркова О. М.</i> Художественно-изобразительная роль «золотого» цвета в поэзии С. Есенина и ее переводах на белорусский язык	15
<i>Жданова Е. В.</i> Психолингвистический образ русского человека в повести А.П. Чехова «Драма на охоте»	22
<i>Камышева О. С.</i> Монометафорические и полиметафорические модели со сферой-мишенью «музыка» в русской и английской художественной литературе XX века	28
<i>Курячая О. Г.</i> Функционально – смысловые особенности номинации персонажей в речи автора (на материале «Донских рассказов» М. А. Шолохова)	33
<i>Малетина О. А.</i> Лингвостилистические экспликатеры создания образа в романе Ф. С. Фицджеральда «Ночь нежна»	39
<i>Савельева У. А.</i> Образное представление о предательстве в русской лингвокультуре (на примере произведений художественной литературы)	46
<i>Юдина Ю. Г.</i> Репрезентация сравнения как модели образной мысли в языке художественной литературы конца XX – начала XXI веков	55

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Илова Е. В.</i> Лингвосемиотика театра в социальной игре (на примере номинаций устройства театра и театрального топоса)	62
<i>Квашнина Е. Н.</i> Социальная параметрическая норма в оценке профессиональной языковой личности	67
<i>Кушнерук С. П.</i> Нетерминологические многокомпонентные единицы документных текстов (к проблеме судебных лингвистических экспертиз документов)	75
<i>Лаврова Н. А.</i> О некоторых причинах маргинальности контаминации	83
<i>Малых Д. С.</i> Гендерные стереотипы в языке (брачные объявления)	88
<i>Пивоварчик Т. А.</i> Парадигма экспликаций модуса говорящего как субъекта речи в русском и белорусском речевом этикете	91

Погребняк Ю. В. Теоретическое моделирование интериоризованного дискурса	101
Ренц Т. Г. Семантика улыбки в романтическом общении	108
Тулеубаева С. А. Личность аль-Фараби в контексте языка и диалога цивилизаций	116
Шаповалова Н. Г. Коммуникативные характеристики виртуальной модельной личности «падонка»	121

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Марьянчик В. А. Аксиологический метатекст в медиа-политическом дискурсе	130
---	-----

ЯЗЫК СМИ

Агамян Е. Ю. Интерактив как полифункциональное средство радиостанции	135
--	-----

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Булатова Е. М. Семантическое поле отношение во фразеологических системах русского, английского и чешского языков	140
Булычева В. П. Жанровые характеристики и средства образности в тексте англоязычного учебника по экономике	146
Дьякова Т. В. Способы перевода естественных имен собственных в английских авторских сказках (на материале сказок А. Милна, П. Треверс, Дж. Роллинг, Л. Кэрролла)	160
Мороз Н. А. История переводов и знакомства англоязычной аудитории с литературным творчеством Н.В. Гоголя	164
Николаева А. В. Особенности функционирования «пустых» глаголов в рекламных текстах (на материале английской рекламы)	175
Fominykh M. V. The Use of Game Modeling for Vocabulary Presentation and Revision	181
Шаповалова Е. О. Приемы передачи коннотации фразеологизмов с именами собственными с итальянского языка на русский	185
Шатрович Н. В. Фразеологизмы с архаичным компонентом во французском языке как отражение этнокультурной ситуации	188

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Фефелова Г. Г. Лингводидактические основы обучения
русской орфографии193

АННОТАЦИИ200

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ208

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

<i>Avramenko Y. I.</i> Natural Gift is the Mastership of Word	8
<i>Burkova O. M.</i> Fine-art Role of “Golden” Colour in Poetry by S.Esenin and its Translations into Byelorussian	15
<i>Zhdanova E. V.</i> Psycholinguistic Image of the Russian Human in the story “Drama na okhote” by A.P.Chekhov	22
<i>Kamyshева O. S.</i> Monometaphorical and Polymetaphorical Models with Target Spere “Music” in Russian and English Fiction Literature of 20 th Century	28
<i>Kuryachaya O. G.</i> Functional-sense Peculiarities of Notions of Characters on Author’s Speech (Based on Materials of “Donskie Rasskazy” by M.A.Sholokhov)	33
<i>Maletina O. A.</i> Lingostylistic Explicators of Creation of Image in the Novel “Tender is Night” by F.S. Fitzgerald	39
<i>Savelyeva U. A.</i> Image Presentation about Betrayal in the Russian Linguistic Culture (Based on the Works of Fiction Literature)	46
<i>Yudina Y. G.</i> Representation of Comparison as a Model of Image Thought in the Language of Fiction Literature at the End of 20 th – the Beginning of 21 th Centuries	55

LANGUAGE STUDIES

<i>Ilova E. V.</i> Linguosemiotics of Thetre in Social Play (Based on Notions of Thetre Set and Theatrical Topos)	62
<i>Kvashnina E. N.</i> Social parametrical norm in the Estimation of the professional language person	67
<i>Kushneruk S. P.</i> Non-terminological Multicomponent Units of Documental Texts (to the Problem of Court Linguistic Expertise of Documents)	75
<i>Lavrova N. A.</i> About Some Reasons of Marginality of Contamination	83
<i>Malych D. S.</i> Gender Stereotypes in the Language (Marital Announcements)	88
<i>Pivovarchik T. A.</i> Paradigm of Explications of Modus of a Speaker as a Subject of Speech in the Russian and Byelorussian Speech Etiquette	91
<i>Pogrebnyak Y. V.</i> Theoretical Modeling of Interiorized Discourse	101
<i>Rentz T. G.</i> Semantics of Smile in Novelistic Communication	108

<i>Tulebaeva S. A.</i> Personality of al-Farabi in the Context of Language and Dialogue of Civilizations	116
<i>Shapovalova N. G.</i> Communicative Characteristics of Virtual Model Personality “Padonak”	121

LANGUAGE OF POLITICS

<i>Maryanchik V. A.</i> Axiological Metatext in Media-Political Discourse	130
---	-----

LANGUAGE OF MASS MEDIA

<i>Agamyan E. Y.</i> Interactive as a Polyfunctional Means of Radio Broadcasting	135
---	-----

LINGUISTICS AND TRANSLATION

<i>Bulatova E. M.</i> Semantic Field of Relation in Phraseological Systems of Russian, English and Czech	140
<i>Bulycheva V. P.</i> Genre Characteristics and Means of Imagery in the Texts of the English Textbook on Economics	146
<i>Dyakova T. V.</i> Means of Translation of Natural Proper Names in English Authorial Fairy-tales (Based on Fairy-tales by A.Miln, P.Trevers, J.Rolling, L.Carrol)	160
<i>Moroz N. A.</i> History of Translations and Acquaintance of English-speaking Audience with Literary Art by N.V.Gogol ...	164
<i>Nikolaeva A. V.</i> Peculiarities of Functioning of “Empty” Verbs in Advertising Texts (Based on English Advertisements)	175
<i>Fominyh M. V.</i> The Use of Game Modeling for Vocabulary Presentation and Revision	181
<i>Shapovalova E. O.</i> Means of Transfer of Connotation of Phraseological Units with Proper Names from Italian into Russian	185
<i>Shatrovich N. V.</i> Phraseological Units with Archaic Component in French as the Reflection of Ethnic Cultural Situation	188

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

<i>Fefelova G. G.</i> Linguistic Didactic Foundation of Teaching the Russian Orthography	193
---	-----

ABSTRACTS	200
------------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	208
--	-----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИРОДНЫЙ ДАР – ВЛАДЕНИЕ СЛОВОМ

Ю. И. Авраменко

В статье затрагивается важная и актуальная проблема состояния литературного языка и влияние на него различных сфер человеческой жизни. Рассматривается также роль и возможности художественной литературы сегодня. Помимо этих вопросов в статье дается обзор существующих точек зрения относительно человеческого мастерства владения словом.

Ключевые слова: литературный язык, художественная литература, язык художественной литературы, мастерство владения словом.

В настоящее время в огромном мире языка происходит нечто невероятное. В русском языке, например, теперь разрешено все, что не запрещено: ох уж эти договоры и договора, йогурты и йогурты; а исключений так много, что порой само правило теряет смысл. В Европе явно острее становится борьба за «чистоту» языка, поскольку отстаивать интересы своих родных языков в противовес все более широко распространяющемуся английскому, который в свою очередь тоже уже несколько американизировался, становится с каждым днем труднее и труднее. Но главной проблемой для многих ученых языковедов и литературоведов всего мира в настоящее время остается состояние литературного языка¹. Этот язык, по определению являясь средством общения культурных, образованных людей, к которым, несомненно, относятся писатели, художники, ученые претерпевает сегодня влияние самых разных сфер речевого употребления, поскольку литература определенно является отражением реальности.

Образцом, эталоном во все времена был, есть и остается язык художественной литературы. Мы обращаемся к печатному слову для

¹ Кстати, в других европейских языках нормированный, кодифицированный язык именуется «стандартным», и только в русском языке он получил название «литературного». По-мнению некоторых ученых, это обусловлено тем, что в XIX веке, когда образовывался язык русской нации и его высшее проявление – русский литературный язык, в центре русской культуры стояла именно литература, высшее духовное достижение русского народа.

повышения своей языковой культуры. И так было всегда. Но наступил XXI век. Мировой кризис затронул все сферы нашей жизни. А содержание языка всегда отражает процессы, происходящие в обществе. Другие времена – другие идеалы и потребности, другие политики, лидеры, другие писатели. Кто они наши современные писатели, чей язык определяет развитие языка в нашем обществе?

Несомненно, авторы современной литературы преследуют разные цели. Одни творят ежедневно, ежесекундно. Для них важно поделится с читателями своим потоком мыслей, переживаний и мечтаний. Они стремятся пробудить в человеке высокие чувства. Для этого они используют образную, выразительную и грамотную речь. Настоящие мастера слова любят своего читателя, т.к. их читатели – интеллектуалы, чувствующие любую фальшь, требовательные к оформлению мысли. Безусловно, такие писатели творят и в начале XXI века. И своими творениями повышают уровень языковой культуры человеческого общества. Но им приходится нелегко, ведь существует целая армия других писателей, которых тоже навещает вдохновение, но писательская деятельность в этом случае преследует другие цели.

Многие из них хотят завоевать громкое имя и популярность, другие отдают дань моде и пишут бульварные романы. А для кого-то писательская деятельность служит лишь источником дохода. Наши книжные магазины завалены книгами с яркими броскими обложками, но скудными по содержанию. В этих книгах нет ни пищи для ума, ни вдохновения для души. Как говорится, прочитал и забыл. Но самое страшное, что подобные книги проникли даже в детские библиотеки. Взрослые зарабатывают деньги, пересказывая своими словами множество сказок, при этом от авторского языка не остается ничего. Хотя дети больше всего нуждаются в красивых, ярких художественных образах, без подобных «адаптаций». А комиксы? Разве может подобная «литература» способствовать развитию наших детей? Невозможно не заметить, насколько актуальна данная проблема, что говорить о ней объективно, не обращаясь к личному опыту, просто невозможно. А самое главное, что и эти писатели влияют на уровень языковой культуры общества. Ориентируясь на читателей, не имеющих больших запросов к литературе, не утруждая себя знанием норм и правил языка, употребляя зачастую для остроты ощущений и правдоподобности ненормативной лексики, они понижают уровень культуры. Возможно, это связано с утрированным понима-

нием свободы слова, которая совсем не означает вседозволенность и отмену языковых норм.

Данная проблема, а именно засилье книжных рынков низкопробной литературой существовала уже и в XX веке, и особенно в переломные, перестроечные моменты, и не только в нашей стране. Так, например, в Германии в 60-е годы, с обострением внутренних противоречий империалистической системы и в связи с подъемом антиимпериалистического движения произошли перемены в литературной жизни. Повысилась ориентация издательского дела на прибыльность, что благоприятствовало в первую очередь засилью аполитичной литературы для массового читателя. Все жанры и все формы публикации открылись для таких модных течений, как «сексуальная волна» или «волна Иисуса», которые достаточно сильно отличались от тех, что были обращены преимущественно к интеллектуальной публике [4. С. 240–241]. Но в XXI веке, эта проблема стала звучать еще более резко, поскольку сегодня даже язык СМИ грешит небрежностью, а нередко и неграмотностью. Помимо этого, к ней добавилась и всемирная паутина, которая изобилует специализированными словечками. При ином положении дел, учитывая современный уровень развития коммуникационных технологий, и интернет, и СМИ могли бы играть положительную роль в развитии литературного языка.

Конечно, существуют и языковые средства, не входящие в арсенал общеупотребительных, которые вполне могут использоваться писателями, дикторами, а те, в свою очередь, должны при этом руководствоваться чувством меры, помноженным на эстетическое чувство. Для писателей вообще главным является не словоупотребление, а его эстетическая необходимость, поэтому использование только языковых средств литературного, кодифицированного языка привело бы к обеднению языка художественной литературы.

А всегда ли можно провести прямую зависимость достоинства художественного произведения от качества языка, на котором это произведение написано? Мы полагаем, это возможно. Определенно некоторые авторы умеют живописать самую банальную простую вещь так, что даже самый искушенный читатель не остается к ней равнодушным. А бывает и наоборот, интересный и увлекательный сюжет, рассказывается так косноязычно, что остается без должного внимания. Но, тем не менее, ряд исследователей, а среди них и Леонтьев А. А. отметили, что художественные достоинства не всегда

являются гарантом нравственной высоты произведения, что порой весьма недостойные вещи описываются достаточно красноречиво авторами, владеющими современной литературной, грамотной и образной речью [5. С. 78–79].

Рассуждая о чистоте литературного языка, о красоте языка художественных произведений, у мыслящего и неравнодушного человека обязательно возникнет вопрос, как повысить уровень языковой культуры. Предложений существует множество. Одни считают необходимым повысить уровень преподавания родного языка в школах, уделить больше учебного времени языку и литературе, что позволит детям полюбить художественную литературу и даст больше возможностей для того, чтобы научить их грамоте. Другие выступают за более тщательную подготовку и коррекцию, публикуемого текста. И эту задачу должно взять на себя именно государство. Некоторые задумываются о выпуске журнала о родном языке, где бы занимательно рассказывалось о его истории, графике, грамматике. Но все же, нам думается, что проблема кроется несколько глубже, и этих решений может быть недостаточно. И чтобы прояснить свою позицию по этому вопросу, обратимся к речи западногерманского писателя Генриха Бёлля, произнесенной им еще в 1958 году, в городе Вуппертале, по случаю вручения премии имени Эдуарда фон дер Хейдта, но актуальность ее и сегодня, на наш взгляд, бесспорна. «Выражение “если бы слова могли убивать” уже давно утратило сослагательное наклонение, давно перешло в изъявительное: слова могут убивать, и это вопрос совести, и только совести, дать или не дать языку скатиться туда, где он может стать убийственным <...> язык и совесть еще неотделимы друг от друга, покауда не возникнет то шизофреническое состояние, когда человек, в распоряжении которого есть язык, это неимоверное богатство, станет довольствоваться жалкой монеткой, которую сильные мира сего имеют обыкновение платить в качестве гонорара каждому, кто заявит о своей готовности пустить по ветру слова, доставшиеся ему в наследство <...> Писатель, кланяющийся сильным мира сего, предоставляет себя в их распоряжение, совершает тем самым наихудшее из преступлений хуже воровства, хуже убийства» [2. С. 93–94]. Иными словами писатели, философы, все те, кто несет культуру в наш дом, кто работает со словом, должны осознавать, какой груз ответственности они на себя берут.

Учитывая тот факт, что сегодня стремительно растут тиражи низкокачественной литературы, что язык СМИ становится все более

небрежным и даже распущенным, а наши дети практически поглощены всемирной паутиной, и жизнь вне сети теряет для них всякий смысл, напрашивается печальный вывод: проблема существует, она становится все серьезнее и всевозможные пути ее решения должны быть более тщательно продуманны. Но с другой стороны, ситуация вовсе не безнадежна. Мы не можем ответить за все страны, да и не беремся, а вот ситуация в нашей стране нам представляется более или менее ясной. Во-первых, несмотря на низкий процент маленьких читателей в нашей стране, более старшее поколение продолжает старые, русские традиции, увлекаясь творчеством Б. Акунина, В. О. Пелевина. А если не по душе современные авторы, можно всегда обратиться к классике. Кроме того, и на телевидение, и по радио, и в интернете есть проекты, которые достойны внимания. Кто-то скажет, чтобы стать духовно богаче сегодня, необходимо потрудиться. А почему бы и нет? Ведь пытливость ума есть не что иное, как душевный труд, и с этим трудно не согласиться.

Важно также быть более внимательным к людям, которые тебя окружают, среди них могут также оказаться такие, которые искусно владеют словом, и у кого стоит этому поучиться. На этот счет у ученых существует два мнения сегодня. Еще в начала XIX столетия в России, владение словом понимали только как «природную способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом» (Я. В. Толмачев, 1815 г.), или как «дар слова, которым Творец наградил свое любимое создание – человека» (Н. Ф. Кошанский, 1829 г.) [1. С. 290; С. 302]. И сегодня многие исследователи разделяют мнение своих предшественников. Они полагают, что владение словом – это природный дар, это своего рода талант, но который необходимо развивать, чтобы добиться настоящего мастерства. По их мнению, этот дар не просто дает человеку возможность стать писателем, философом, художником, способным создавать яркие, выразительные художественные образы, он придает человеку уверенность. Люди, владеющие словом, хорошо владеют собой, и это позволяет им развиваться гармонично.

Существует также иная точка зрения, согласно которой владение словом это умение, навык, который нарабатывается с годами и формируется с опытом. Так, например, начиная со школьной и студенческой скамьи, мы учимся писать сочинения, эссе, мы выступаем со всевозможными докладами, участвуем в свободных дискуссиях. Нередко, чтобы сформировать данный навык используют и опреде-

ленные методики. И так, следуя данному мнению, чтобы овладеть словом, необходимо проявить волю, изъять желание и не лениться. А главное, начинать формирование этого навыка необходимо как можно раньше, буквально с рождения. Именно поэтому многие психологи и педагоги рекомендуют общаться с детьми нормальным взрослым языком и не имитировать их детский лепет. Кроме того, способность к обучению с годами утрачивается и наш мозг, подобно бетону, который, если его постоянно не размешивать, затвердевает, коленеет.

Мы полагаем, что обе точки зрения имеют место быть. Настоящие философы, писатели, художники, это действительно одаренные люди, и нередко даже говорят: «Он художник от бога». А порой сама жизнь подстегивает человека развить и сформировать в себе это умение, этот навык. Ведь как велико, например, значение словесного общения для руководителя, будь то инструктаж с подчиненными, публичное выступление на совещании или собрании, постановка целей и задач перед коллективом, написание и составление контрактов, дружеская и воспитательная беседа, анализ ошибок подчиненных, разговор по телефону, деловые переговоры и многое другое. М. И. Станкин отметил: «Люди часто теряют уважение к тем, кто не умеет как следует говорить, и они, наоборот, проникают уважением к тому, кто легко манипулирует словами» [6. С. 58].

Вероятно, что мы затронули вопросы, которые уже не раз поднимались, и еще много раз будут рассматриваться разными исследователями. Но, возможно, что наша статья лишней раз привлечет внимание к тем проблемам, о которых в ней говорится и быть может, чем-то поспособствует поискам их решения.

Список литературы

1. Аннушкин, В. И. История русской риторики. М. : Флинта ; Наука, 2002. 413 с.
2. Бёлль, Г. Т. Язык как оплот свободы : речь западногерм. писателя произнес по случаю вручения премии им. Э. фон Хейдта в г. Вуппертале // Филос. науки. 1990. №4. С. 90–95.
3. Виноградов, В. В. Проблемы литературных языков и законо-

List of literature

1. Annushkin, V. I. Istoriya russkoy ritoriki. M. : Flinta ; Nauka, 2002. 413s.
2. Bell', G. T. Yazyk kak oplot svo-body : rech' zapadnogerm. pisatelya proiznes po sluchayu vrucheniya premii im. E. fon Heydta v g. Vuppertale // Filos. nauki. 1990. №4. S. 90–95.
3. Vinogradov, V. V. Problemy literaturnykh yazykov i zakonomer-

- мерностей их образования и развития. М. : Наука, 1967. С.83–91.
4. История немецкой литературы. В 3 т. Т.3. М. : Радуга, 1986. 464 с.
5. Леонтьев, А. А. Психолингвистические основы художественного текста. М. : Смысл, 1998. 380 с.
6. Станкин, М. И. Искусство убеждать // Управление персоналом. М., 1996. №11. С.53–59.
- nostey ih obrazovaniya i razvitiya. М. : Nauka, 1967. S.83–91.
4. Istoriya nemetskoj literatury. V 3 t. T.3. М. : Raduga, 1986. 464 s.
5. Leont'ev, A. A. Psiholingvisticheskie osnovy hudozhestvennogo teksta. М. : Smysl, 1998. 380 s.
6. Stankin, M. I. Iskusstvo ubezhdat' // Upravlenie personalom. М., 1996. №11. S.53–59.

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ «ЗОЛОТОГО»
ЦВЕТА В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА И ЕЕ ПЕРЕВОДАХ
НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК**

О. М. Буркова

В статье рассматривается художественно-изобразительная роль «золотого» цвета в оригинальной и переводной поэзии С. Есенина. Выявлены особенности перевода слов со значением «золотого» цвета на белорусский язык.

Ключевые слова: «золотой» цвет, оригинальная и переводная поэзия, С. Есенин, белорусский язык.

У каждого поэта есть своя цветовая палитра, своего рода спектр, изучение которого дает нам возможность глубоко проникнуть в его мироощущение.

Прилагательные со значением цвета делаются излюбленными в индивидуально-авторской практике отдельных писателей и поэтов конца XIX – начала XX вв. Они использовали цветные прилагательные как для создания колорита, для характеристики и оценки изображаемого, так и для передачи цветовой символики.

Мир красок С.А. Есенина необычайно богат. Творчество С. Есенина основано на фольклоре. Но традиционные приемы цветописи, даже при умелой обработке их, не всегда удовлетворяют поэта, и он стремится к новым средствам выразительности. Поиски протекают в двух направлениях. Это, с одной стороны, пересмотр художественных возможностей прежнего, хорошо освоенного арсенала поэтической техники и, с другой, – обращение к опыту современников, новаторов слова [2. С. 29].

Слова со значением цвета в поэзии С. Есенина изучались в работах Р.В. Алимпиевой, А.Д. Жижиной, А.Т. Кунгуровой, Е.А. Некрасовой, О.Е. Шелепиной и других. Однако до настоящего времени слова со значением цвета в переводных текстах С. Есенина на белорусский язык еще не были предметом внимания исследователей. В поэзии С. Есенина и ее переводах на белорусский язык художественные образы, построенные на осмыслении «золотого» цвета, подсказаны поэту самой жизнью.

В данной статье рассмотрим художественно-изобразительную роль «золотого» цвета в оригинальной и переводной поэзии С. Есенина.

Обратимся к переводам поэзии С. Есенина на белорусский язык, сделанным А. Кулешовым, Р. Бородулиным, М. Калачинским, Ю. Гавруком, М. Аврамчиком, Е. Миклошевским и другими.

Художественная выразительность слов группы «золотой» в произведениях С. Есенина во многом определяется их грамматическим многообразием: среди них имеются существительные (золото, позолота), прилагательные (золотой, златой, золотистый и др.), глаголы (золотиться, златиться, золотить), причастия (златящийся, золотеющий). Каждая из этих грамматических форм имеет свои потенциальные экспрессивные возможности.

Рассмотрим, например, конструкции с причастиями действительного залога настоящего времени, образованные от глаголов «златиться» и «золотеть»: *«Знаю я, что в той стране не будет/ Этих нив, златящихся во мгле»* – *«Знаю я, што ў тым краі не будзе/ Ніў, заліўшых золатам палі»* (Перевод А. Кулешова), *«Ведаю: у краі тым не будзе/ Гэтых ніў, што золатам плылі»* (Перевод А. Бачило), *«Знаю я, што ў краі тым не будзе/ Гэтых ніў, што золатам цвілі»* (Перевод Ю. Свирка); *«И золотеющая осень,/ В берегах убавляя сок,/ За всех, кого любил и бросил,/ Листвою плачет на песок»* – *«I восень золатам каліны/ Халодзячы ў бярозах сок,/ За ўсіх, каго кахаў і кінуў,/ Лістотай плача на пясок»* (Перевод Н. Аврамчика).

Белорусскому языку не свойственно употребление причастий настоящего времени, поэтому в переводе причастия «златящихся» и «золотеющая» заменены на существительное «золото». Эстетическая значимость есенинских словосочетаний с причастиями в сравнении с переводами на белорусский язык определяется их поэтической новизной.

Как известно, причастие называет признак, который проявляется во времени. Поэтому, обозначая признак, в данном случае цветовой, причастия вместе с тем как бы вызывают ощущение активного проявления этого признака, чего нет в переводе. «Златящиеся нивы» – это нивы, цветом подобные золоту, но в то же время и как бы излучающие этот цвет, отвечающие им. Во втором из приведенных примеров («золотеющая осень») действительное причастие, обозначая цвет, вместе с тем выражает и состояние, связанное с постепенным усилением цветовой интенсивности. Художественная значи-

мость употребления формы причастия «золотеющая» оценивается также и тем, что эта форма в силу своих семантико-грамматических признаков способна вызвать определенные ассоциации со словами *стареющий, седеющий, умирающий*. В результате таких ассоциаций причастие в значительной степени окрашивается эмоцией грусти, а это подготавливает и эстетически усиливает метафору «*листвою плачет на песок*», превращая ее в органическую часть сложного художественного образа.

Законы эстетического выделения слов посредством ритма в пределах стихового ряда используются в поэтике С. Есенина и его переводах на белорусский язык, в частности для семантического выделения слов группы «золотой»: «*Отговорила роща золотая/ Березовым, веселым языком*» – «*Адгаварыла восень залатая/ Вясёлай мовай залатых бяроз*» (Перевод А. Кулешова), «*Бярозаваю мовай залатою/ Адгаманіў вясёлы светлы гай*» (Перевод В. Жуковича), «*Адгаманіла зарась залатая/ Бярозавым вясёлым гаманком*» (Перевод М. Калачинского). В оригинале и переводе смысловая и экспрессивная выразительность традиционного эпитета «золотой», наряду с использованием изобразительных приемов, характерных и для прозы (инверсия, определенное лексическое окружение, метафорические конструкции), достигается также постановкой слова в сильную позицию, а именно выдвиганием слова в конец стихового ряда.

Употребление слов группы «золотой» как наименований цвета в поэзии С. Есенина и ее переводах на белорусский язык обусловлено их традиционным осмыслением. Основные сферы употребления слов группы «золотой» в поэзии С. Есенина и ее белорусских переводах те же, что и у поэтов-классиков: при обозначении цвета солнечных лучей и поверхностей, освещенных солнцем, при обозначении цвета волос, красок осени, спелых хлебов, цвета луны: «*Запрокинулась и отяжелела/ Золотая моя голова*» – «*Адхіснулася і ўраз пацяжэла/ Залатая мая галава*» (Перевод Р. Бородулина); «*И стоит береза/ В сонной тишине/ И горят снежинки/ В золотом огне*» – «*І стаіць бяроза/ Ў соннай цішыні/ І гараць сняжынкi/ Ў залатым агні*» (Перевод А. Кириковича); «*В лунном золоте целуйся и гуляй*» – «*Цалавацца ў промнях залатых*» (Перевод Е. Миклошевского).

Эмоционально-экспрессивное воздействие слов группы «золотой» в поэзии С. Есенина и ее переводах определяется тем, что словосочетания, в состав которых входят эти слова, как правило, отличаются свежестью и оригинальностью: «*Треплет ветер под облачной*

кущей/ Золотую его дугу» – «Свішча ў небе вецер-свавольнік/ Пад яго дугой залатой» (Перевод В. Зуёнка); *«Все равно остался я поэтом/ Золотой бревенчатой избы» – «Усё роўна хаце той драўлянай/ Прысягну ў сваіх радках не раз»* (Перевод Е. Янишиц); *«То сучья золотых стволов,/ Как свечи, теплятся пред тайной» – «Хай цепляцца сукі ствалоў;/ Як свечкі, перад таямніцай»* (Перевод Р. Бородулина). Как мы видим, в последних двух примерах белорусские переводчики опускают эпитет «золотой», что сказалося на образности перевода: образы как бы обмелели, эмоциональный план их померк, огонь потух.

Неповторимость есенинского стиля в большей мере создают такие словосочетания, в которых слова группы «золотой» связаны со словами, совершенно лишенными поэтического ореола, в силу того, что они обозначают предметы обыденные, связанные с повседневной крестьянской жизнью, например: «златятся рогожи», «златым щенком», «златых коров», «золотой порошей», «в золоченой хате», «золотой бревенчатой избы». При этом в силу особой внутренней организации есенинских текстов слова группы «золотой» не только сохраняют свою стилистическую окрашенность, но и переносят ее на все остальные компоненты словосочетаний. В результате происходит художественный сдвиг, при котором и сами обыденные слова, и обыденные предметы, ими обозначаемые, получают высокое поэтическое звучание. Так, в стихотворении «Песня о собаке» в оригинале и переводе слова группы «золотой» используются дважды: в начальной и конечной строфах, как бы создавая эстетически законченное поэтическое кольцо: *«Утром в ржаном закуте,/ Где златятся рогожи в ряд,/ Семерых оценила сука,/ Рыжих семерых щенят.../ И глухо, как от подачки,/ Когда бросят ей камень в смех,/ Покатились глаза собачьи/ Золотыми звездами в снег» – «Раніцою ў гугменным закутку,/ Дзе рагож залатіўся рад,/ Ашчаніла рыжая сука/ Рыжых сямёра шчанят.../ І глуха, як ад падачкі,/ Калі кінуць ёй камень на смех,/ Пакаціліся вочы сабачыя/ Залатымі зоркамі ў снег»* (Перевод Ю. Гаврука).

Сочетаемость слова группы «золотой», причем употребленного в оригинале в его церковнославянской форме, со словом обиходно-бытовой лексики (рогожи) и его непосредственное лексическое окружение в первой строфе (в оригинале – «сука», «оценила», «рыжих», «щенят», в переводе – «сука», «ашчаніла», «рыжих», «шчанят»), а также употребление традиционного поэтического оборота «золотые

звезды» («залатыя зоркі») в сравнении с глазами собаки во второй строфе не только оправдывается общим пафосом стихотворения, повествующего о подлинной трагедии (у собаки-матери отняли детей и на ее глазах убили), но и в значительной степени обуславливают этот пафос. В оригинале и переводе незаметное, повседневное, благодаря присутствию слов группы «золотой», как бы высветляется, получает глубинный просмотр, и то, что при равнодушном взгляде кажется обыденным, незначительным, приобретает истинную поэтическую ценность. Однако при этом эмоционально-экспрессивная окрашенность слов группы «золотой» и в оригинале, и в переводе также не остается без изменения. Под влиянием контекста слова эти как бы теплеют, частично утрачивая присущий их поэтической природе эмоциональный оттенок торжественности, приподнятости.

Среди прилагательных, кроме «золотой» и «златой», выделяются также и сложные прилагательные с первой частью «злат». Есенинским неологизмом является сложное прилагательное *злато-карий* в стихотворении «Заметался пожар голубой...»: «Мне бы только смотреть на тебя,/ Видеть глаз злато-карий омут...» – «Мне б сачыць толькі кожны твой міг,/ Кары вір тваіх воч з трывогай» (Перевод Р. Бородулина). В переводе первая часть прилагательного «злат» опущена. Но в оригинале неологизм – не просто способ обозначения определенного цвета. Будучи стилистически заряженным, это слово вместе с другими лексическими и поэтическими средствами («пожар голубой», «любовь», «поступь нежная», «легкий стан», «родимые дали», «любить», «тонко касаться», «волос цветом в осень») способствует передаче того возвышенного, одухотворенного чувства к женщине, которым пронизано все стихотворение.

Со свойственным только поэзии С. Есенина значением выступает и сложное субстантивированное прилагательное *златоглавый*. В «Словаре современного русского литературного языка» это слово толкуется следующим образом: «имеющий позолоченную голову, купол» [1. Стлб. 1234]. У С. Есенина это слово за счет соответствующего контекста (оно обозначает признак человека) получает семантическое обновление: «На лице часов в усы закрутились стрелки./ Наклонились надо мной сонные сиделки./ Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый,/ Отравил ты сам себя горькою отравой...» – «І гадзіннік закруціў вострых вусаў стрэлкі./ Хрыпла шэпчаць нада мной сонныя сядзелкі:/ «Залатою галавой выйшаў не ў пару ты,/ Атруціў ты сам сябе горкаю атрутай» (Перевод Р. Бородулина).

При этом существительное, основа которого является второй частью сложного прилагательного *златоглавый*, восстанавливает свое первичное значение (голова – верхняя часть тела человека), напротив, слово, основа которого является первой частью сложения, меняет свое первичное значение на вторичное (златой – цветом подобный золоту, блестящий, желтый). Общее значение сложного прилагательного определяется как «имеющий волосы, цветом подобные золоту». Это же значение имеет и словосочетание «залатоу галавой» в переводе на белорусский язык. Белорусскому языку не свойственны неполногласные сочетания. В оригинале в приведенном контексте сложное прилагательное видоизменяет не только свою семантику, но и эмоционально-экспрессивную окрашенность, а именно – торжественная окрашенность, свойственная этому слову в произведениях других поэтов, заменяется иронически-ласкательной. Стилистическое снижение слова обусловлено прежде всего его употреблением в распространенном обращении, выраженном местоимением второго лица и сопровождающемся междометием. Обращения такого типа свойственны преимущественно разговорной речи и характеризуются грубой, пренебрежительно-фамильярной окрашенностью. Обычно они сочетаются со словами этого же стилистического типа, поэтому в данном случае употребление поэтического старославянизма вызывает иронический эффект, обусловленный ощущением стилистической несовместимости. Но слово *златоглавый*, по своей стилистической и эмоциональной окрашенности будучи сильным словом, причем несущим в себе положительную эстетическую реакцию, несмотря на синтаксические и лексические особенности текста, в котором оно употребляется, все же не теряет окончательно свою прежнюю эстетическую сущность. Это проявляется в том, что иронический эффект сопровождается оттенком ласки и сочувствия, и этот оттенок в семантической структуре слова ощущается очень сильно.

Таким образом, нами были выявлены следующие особенности перевода слов со значением «золотого» цвета на белорусский язык: причастия заменены на существительные, так как белорусскому языку не свойственно употребление причастий настоящего времени; слова с частью «злат» при переводе опускаются или заменяются на слова с частью «золат», поскольку белорусскому языку не свойственно неполногласие. Однако в большинстве случаев слова группы «золотой» в переводах на белорусский язык сохраняются и употребляются при передаче положительной эстетической информации.

Список литературы

1. Словарь современного русского литературного языка. Т. IV. М. ; Л., 1955.
- Шелепина О.Е. Имена прилагательные со значением цвета в поэзии С. Есенина // Вестник Львовского университета. 1966. Вып. 4. С. 29–34.

List of literature

1. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. IV. M. ; L., 1955.
2. Shelepina O.E. Imena prilagatel'nye so znacheniem tsveta v poezii S. Esenina // Vestnik L'vovskogo universiteta. 1966. Vyp. 4. S. 29–34.

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА
В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ДРАМА НА ОХОТЕ»**

Е. В. Жданова

Статья посвящена проблеме описания психолингвистического типа человека в литературе, принадлежащего к русской лингвокультуре. Выявляется коммуникативное поведение людей разных типов, их вербальные и невербальные характеристики.

Ключевые слова: психолингвистический тип, коммуникативная личность, коммуникативное поведение, русская лингвокультура.

Анализ художественной литературы осуществляется по разным направлениям. Одним из наиболее перспективных аспектов является изучение коммуникативного поведения персонажных героев произведений, которых представляется возможным приобщение к определенному психолингвистическому типу, определяемому нами как образ, наделенный специфичными лингвопсихологическими параметрами, своеобразием сознания, особенностями мировосприятия.

Принадлежность коммуниканта – участника речевого общения к конкретному психолингвистическому типу детерминируется в большой степени его национально-культурной принадлежностью.

Изучение художественного произведения с этих позиций позволяет решить важную лингвистическую задачу – определить специфику коммуникативного поведения не только одного человека, а целых групп, выделенных по конкретным признакам, которые функционирует в пределах одной лингвокультуры в какой-то период времени.

Таким образом, взяв за основу нашего исследования повесть А.П. Чехова «Драма на охоте» [1], написанную в 1884 году, мы выделим ряд характерных признаков поведения людей различного социального статуса, возраста, гендерной принадлежности эпохи конца XIX века.

А.П. Чехов был очень наблюдателен и ни одно явление русской жизни того периода не ускользало от него, что он и стремился отразить в своих произведениях.

В повести «Драма на охоте» очень ярко представлены все перво-степенные персонажи.

Нашу характеристику начнем с таблицы, в которой выделим персонажей с их социальным статусом и принадлежностью к психолингвистическому типу.

Таблица 1.

Список главных героев и их психолингвистический тип

Имя персонажа	Его социальный статус	Психолингвистический тип
1. Сергей Петрович Зиновьев	Судебный следователь, дворянин	«свободолюбец»
2. Карнеев	граф	«игрок»
3. Урбенин Петр Егорыч	Управляющий графа	«собственник»
4. Ольга Николаевна	Дочь лесничего, низкий социальный статус	«сдержанно-расчетливый тип»
5. Надежда Николаевна Калинина	Дочь мирового судьи, дворянина	«доверчивый тип»
6. Пшехоцкий Казимир Каэтаныч	Дворянин, не имеющий состояния	«сдержанно-расчетливый»
7. Павел Иванович Вознесенский (Щур)	врач	«советчик»

Невербальные характеристики представленных психолингвистических типов следующие.

Таблица 2.

Психолингвистический тип коммуникантов и его невербальные характеристики

Психолингвистический тип	Невербальные характеристики
1. «собственник»	Спокойствие, решимость, жесткость, властность, серьезность, самолюбие, самостоятельность, честолюбие
2. «сдержанно-расчетливый»	Хладнокровие, сдержанность, отсутствие чувства юмора, безэмоциональность

3. «советчик»	Спокойствие, снисходительное отношение к другим людям, рассматривает себя в качестве наставника для лиц, не умудренных жизненным опытом коммуникантов
4. «доверчивый тип»	Наивный, привык верить и доверять людям, скромность, стеснительность, замкнутость, отсутствие жизненного опыта
5. «свободолюбец»	Ценит свободу и независимость от других, нейтральное отношение к собеседнику.
6. «игрок»	Азартный, коммуникабельный тип, умеет адаптироваться к любой ситуации и извлечь из нее пользу для себя.

Общие речевые характеристики исследуемых психолингвистических типов представлены также в виде таблицы.

Таблица 3.

**Психолингвистический типаж коммуникантов
и его вербальные характеристики**

Психолингвистический тип	Речевые характеристики
1. «собственник»	Четкая речь, нет склонности к компромиссу, преобладают глаголы, обозначающие модальность.
2. «сдержанно-расчетливый»	Следит за своей речью, «ледяная вежливость», речь не насыщена стилистически маркированными словами, практически отсутствуют оценочные прилагательные, сравнительные конструкции. Синтаксическое оформление предложений лишено сложности.
3. «советчик»	В речи преобладают конструкции, выражающие модальность.

4. «доверчивый тип»	Нет четко сформированного мнения по поводу отношения к реальной действительности, поэтому в речи часто используются вопросительные конструкции. Коммуникант обращается к собеседнику с вопросом, ссылаясь на его авторитет и собственную неопытность.
5. «свободолюбец»	Использует в большей степени нейтральную лексику, мало стилистически окрашенных высказываний, за исключением стратегий обращения.
6. «игрок»	Правильная, тактичная речь, позитивно настроенная.

Теперь рассмотрим подробнее коммуникативное поведение некоторых персонажей повести.

Для Сергея Петровича Зиновьева, относимого нами к типу «свободолюбец», характерно использование разноплановой стратегии обращения, как с позитивной, так и с негативной коннотацией, что свидетельствует о том, что коммуникант не придерживается каких-либо этикетных норм, независимо от того, к какому социальному статусу принадлежит его собеседник. Он высказывает все, что думает. Например:

«– Здорово, Сычиха! – сказал я ей.

Она искоса поглядела на меня и молча прошла мимо... Я взял ее за плечо...

– Не бойся, дура <...> Где граф?» [1. С. 76].

В данном случае Сергей Петрович разговаривает с женщиной, которая занимает более низкое социальное положение. Он позволяет себе использовать «инвективное обращение», а также определенное жесты, показывающие его власть и превосходство («я взял ее за плечо»).

По отношению к своему слуге Сергей Петрович также использует неуважительное обращение. Например:

«– Поздравляем, – проворчал он. – Получил удовольствие!

– Молчи, дурак! – сказала я». [1. С. 106].

В разговоре с другом своим врачом Сергей Петрович допускает насмешливое обращение в шутливой форме. Например:

«– Будет вам, барабошка! – остановил я его медицинскую болтовню <...> – Неужели вы не знаете, как все это скучно?» [1. С. 110].

Даже с графом, занимающим более высокое социальное положение, Сергей Петрович использует бесцеремонное обращение.

Но если речь идет о девушке, которая ему нравится, то Сергей Петрович «не скупится» на языковые средства, выражающие его благожелательность и интерес. Например:

«– Не всем же, душа моя, жить так роскошно, как граф, – сказал я. – Но оставим в покое мое богатство. Какой добрый гений занес тебя в мою берлогу?» [1. С. 118].

В числе психологических характеристик Сергея Петровича необходимо назвать раздражительность, чрезмерную гордость, которая заставляла его вести себя против воли души и сердца, нежелание связывать себя какими-то обязательствами, ответственностью, что подчеркивается эпизодом, в котором он рассказывает как он услышал, что его назвали женихом без его ведома. Этой информации оказалось для него достаточно, чтобы забыть дорогу в дом, в котором он часто бывал до этого.

В целом, следует отметить, что психолингвистический тип, к которому отнесен Сергей Петрович, является в большей степени конфликтным, поскольку он предпочитает во всем полагаться на силу, угрозу, требование.

Часто он руководствуется конфликтно-провоцирующей стратегией, смешанной с иронией и вызовом. Например:

1. «– Что же вы молчите? – начал я. – Говорите, я слушаю вас! Ха, ха! Я ужасно люблю, когда люди с серьезными, солидными физиономиями говорят детскую чушь! Это такая насмешка, такая насмешка над человеческими мозгами! Лица не соответствуют мозгам!» [1. С. 101].

2. «– Я буду приставать к вам до тех пор, пока вы не станете отвечать мне, – продолжал я. – Что вы хмуритесь? Нешто и теперь слышите в моем голосе смех?» [1. С. 99].

Психолингвистический тип «советчик», отображенный в повести в лице доктора Щура (Павла Ивановича Вознесенского), склонен к использованию в своей речи стратегий совета, наставлений, рекомендаций. Например:

1. «– Сегодня четверг! – сказал доктор. – Так это, голубчик. Вы изволили всю среду проспять? Мило! Очень мило! Сколько же вы выпили, позвольте вас спросить?» [1. С. 108].

2. «Мне пора, друже! Прощайте и смотрите вы мне! Эти графские кутежи добром не кончатся! Не говорю уже о Вашем здоровье...» [1. С. 111].

Невербальное поведение доктора выражается через описание его действий, жестов, из чего можно сделать вывод о мягкости Павла Ивановича, его доброй натуре:

«Павел Иванович загородил мне дорогу, стал передо мной и продолжал, глядя мне в лицо умоляющими, почти плачущими глазами» [1. С. 119].

Более того, для него очень важно держать свое слово и не быть лгуном:

«— Обязательно приезжайте! Я дал слово, что вы непременно приедете. Не сделайте же меня лгуном...» [1. С. 111].

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что А.П. Чеховым создано богатство разнообразных русских характеров, использующих вариативное коммуникативное поведение в зависимости от ситуации общения. Тем не менее, могут быть выделены типические черты, присущие представителям русской лингвокультуры, группируемые в конкретные психолингвистические типы. Эти типы детерминируют выбор тактико-стратегических средств участников общения.

Список литературы

1. Чехов А.П. Драма на охоте: повести и рассказы. Ставрополь: Книжное изд-во, 1984. 511 с.

List of literature

1. Chehov, A. P. Drama na ohotе : povesti i rasskazy. Stavropol' : Knizhnoe izd-vo, 1984. 511 s.

**МОНОМЕТАФОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИМЕТАФОРИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ «МУЗЫКА»
В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА**

О. С. Камышева

Исследование посвящено музыкальным метафорам, которые отображают объекты и процессы музыкального искусства в русской и английской литературе. Музыкальные метафоры были классифицированы согласно теории монотемафорических и полиметафорических моделей.

Ключевые слова: художественная литература XX века, монотемафорическая модель, полиметафорическая модель, метафора.

Данное исследование посвящено изучению метафор со сферой-мишенью «Музыка» на материале известных произведений из русской и английской художественной литературы XX века. Метафоры со сферой-мишенью «Музыка», притягивая иные ментальные сферы, позволяют отразить объекты и явления музыкального искусства наиболее экспрессивно.

В основе анализа была положена теория метафорического моделирования (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов) и методика монотемафорических и полиметафорических моделей Е. Б. Рябых [3. С. 6].

Проведенное нами исследование показало, что, описывая сложный и многогранный мир музыки, русские и английские авторы также обращаются к монотемафорическим и полиметафорическим моделям.

Монотемафорические модели чаще всего относятся к конвенциональным метафорам и в рассматриваемом практическом материале встречаются редко.

Примером может послужить метафора человеческой речи, характеризующая звучание рояля. Ср.:

Ко мне ты вошла, хороша, как печаль, / Вошла, подняла утомленные взоры... / За тонкой стеной зарыдала рояль (В. Брюсов «Стихи о любви»).

Звучание музыки отождествляется с монотонными звуками пилы. Ср.:

Far down in the bass the Last Trump was hugely blowing, and with such persistence, such resonance, that its alternative tonic and dominant detached themselves from the rest of the music and made a tune of their own, a loud, monotonous see-saw (A. Huxley «Yellow Crome»).

Как в русской, так и английской художественной литературе большинство примеров представляют собой полиметафорическую модель, которая включает инкорпорирующую и коррелятивную модели. Такие модели обеспечивают создание объемного образа музыки.

Инкorpopирующая модель рассматривается как сложная связь между метафорами, которая позволяет сфокусировать внимание на каком-то одном объекте или процессе музыкального искусства. При этом в рамках данной модели выделяются простые и сложные развернутые метафорические образы.

Полиметафорическая инкорпорирующая простая развернутая метафора создается в результате объединения разных смысловых признаков объекта или процесса музыкального искусства за счет привлечения одной сферы-источника.

Например, развернутая метафора животного передает форму архаичной лиры и историю ее происхождения из панциря черепахи. Ср.:

Нерасторопна черепаха-лира, / Едва-едва беспалая ползет, / Лежит себе на солнышке Эпира, / Тихонько грея золотой живот. / Ну кто ее такую приласкает, / Кто спящую ее перевернет? / Она во сне Терпандра ожидает, / Сухих перстов предчувствуя налет (О. Мандельштам «На каменных отрогах Пиэрии»).

В романе Дж. Голсуорси развернутые природоморфные метафоры позволяют изобразить звучание музыки К. Глюка: полет птиц передает движение мелодии в рамках диапазона и подвижный темп, солнечный свет – высокий регистр звуков, многообразие цветов – экспрессивность мелодии. Ср.:

Again Irene stopped.

“Would you like some Gluck? He used to write his music in a sunlit garden with a bottle of Rhine wine beside him.”

“Ah! Yes. Let’s have “Orfeo.” Round about him now were fields of gold and silver flowers, white forms swaying in the sunlight, bright birds flying to and fro (J. Galsworthy «The Man of Property»).

Сложная расширенная метафора музыкального искусства состоит из нескольких областей-источников, привлекаемых для реализации одной сферы-мишени. При этом возможны различные комбинации сфер-источников.

Например, рояль может быть представлен в природоморфно-антропоморфной метафоре. Поднятая дека инструмента сравнивается с крылом птицы, белоснежный цвет и форма – с айсбергом, антропоморфная метафора отражает динамику звука. Ср:

Большой рояль, от блеска бел, / Подняв крыло, стоял, как айсберг.
/ Две-три триоли взяты наспех... / Нет, не рыдал он и не пел... (И. Сельвинский «Лебединое озеро»).

Использование глагола “to leap” указывает на антропоморфность музыки. Одновременно звуки музыки сравниваются с языками пламени, которые находят силы в полуистлевших дровах. Ср.:

It seemed to him that he heard notes of fitful music leaping upwards a tone and downwards a major third, like triple-branching flames leaping fitfully flame after flame, out of a midnight wood (J. Joyce «A Portrait of the Artist as a Young Man»).

Под коррелятивной метафорической моделью понимается складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя и более группами сфер-источников, представляющих метафорический образ двух и более объектов или процессов музыкального искусства. При этом количество концептуальных метафор зависит от индивидуальных предпочтений конкретного автора.

Так, процесс создания музыки представлен как пейзаж, где звуки музыки – это плеск моря, руки музыканта – птицы, струны арфы – деревья. Ср.:

Длится звук, то далекий, то близкий, / И под плеск задремавших лагун / Лебединые руки арфистки / Бродят в роще серебряных струн (Р. Рождественский «Арфа»).

В английской литературе пальцы музыканта становятся антропоморфными. Они метафорически поют и двигаются по одной и той же дороге ладов на грифе гитары. Ср.:

This journey from fret to fret and string to string... / a familiar route / almost a circuit / that offers nuance in place of surprise. / Listen, my fingers are singing (J. Thompson «Notes on the Guitar»).

Заметим, что коррелятивная метафорическая модель может состоять из нескольких инкорпорирующих метафор, которые взаимодополняют друг друга, образуя сложные системы.

Подводя итоги, отметим частотность монометафорических и полиметафорических моделей, инкорпорирующих и коррелятивных метафор в русской и английской художественной литературе.

Таблица №1
Монометафорические и полиметафорические модели со сферой-мишенью «Музыка»

Метафорическая модель	Кол-во русских метафор	В % от общего числа метафор	Кол-во английских метафор	В % от общего числа метафор
<i>Монометафорическая</i>	30	6	48	9,6
<i>Полиметафорическая</i>	470	94	452	90,4
<i>Всего</i>	500	100	500	100

Исследование показало, что при описании музыкального искусства в русской и английской художественной литературе преобладают полиметафорические модели, в которых метафора стремится распространить свое влияние, подчиняя себе относительно широкий контекст. Вероятно, это объясняется желанием поэтов и писателей детально описать сложный мир музыки, производящий сильное впечатление.

В русской и английской художественной литературе по-разному представлено соотношение полиметафорических метафор, входящих в рамки инкорпорирующих и коррелятивных моделей.

Таблица №2
Соотношение инкорпорирующих и коррелятивных метафор

Метафорическая модель	Кол-во русских метафор	В % от общего числа метафор	Кол-во английских метафор	В % от общего числа метафор
<i>Инкорпорирующие</i>	201	42,8	357	79
<i>Коррелятивные</i>	269	57,2	95	21
<i>Всего</i>	470	100	452	100

Согласно полученным результатам, английские авторы предпочитают использовать метафоры, входящие в инкорпорирующие модели, что позволяет сконцентрировать внимание на отдельном объекте или процессе музыки. В то же время русские авторы отдают предпочтение коррелятивным моделям, которые, объединяя инкорпорирующие метафоры, раскрывают целостный музыкальный образ.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991. С. 184–193.
2. Кобозева, И. В. Лингвистическая семантика : учеб. Пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
3. Рябых, Е. Б. Метафорические концепты природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 22 с.
4. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург, 2003. 248 с.

List of literature

1. Baranov, A. N. Oчерk kognitivnoy teorii metafory // Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu. M., 1991. S. 184–193.
2. Kobozeva, I. V. Lingvisticheskaya semantika : ucheb. Posobie. M. : Editorial URSS, 2000. 352 s.
3. Ryabyh, E. B. Metaforicheskie kontsepty prirodnyh yavleniy v poeticheskom diskurse (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2006. 22 s.
4. Chudinov, A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii: monografiya. Ekaterinburg, 2003. 248 s.

**ФУНКЦИОНАЛЬНО – СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РЕЧИ АВТОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ДОНСКИХ РАССКАЗОВ»
М.А. ШОЛОХОВА)**

О. Г. Курячая

Статья посвящена рассмотрению изображения в речи автора внутреннего мира героев с помощью формы номинации персонажа в «Донских рассказах» М.А. Шолохова. Рассмотрены и проиллюстрированы наиболее характерные случаи использования форм номинации в данном аспекте.

Ключевые слова: форма номинации персонажа, речь автора, персонаж-референт, художественный текст.

Номинация персонажа является важным средством создания художественного образа, способствует пониманию идейно-эстетического содержания художественного произведения, мировоззрения автора, подтекста. Все виды номинации делятся на *онимные* (содержащие в себе имена собственные) и *безонимные* (апеллятивы, местоимения, субстантивированные прилагательные и причастия, перифразы и др.). В нашей статье мы будем рассматривать разные виды номинации, при этом будем называть их «формами номинации (персонажа)».

Рассматривая формы номинации персонажей, следует различать их употребление в речи персонажей и в речи автора. В статье мы будем рассматривать употребление форм номинации персонажей в речи автора.

Следует отметить, что в речи автора можно выделить собственно-авторскую речь (когда повествование ведётся только от лица автора), так и другие виды авторской речи (когда точки зрения автора и персонажей сочетаются тем или иным образом), например, это может быть несобственно-прямая речь, полупрямая речь и др.

В статье мы рассмотрим, как в речи автора употребление различных форм номинации способствуют передаче внутреннего мира персонажей.

В «Донских рассказах» писатель зачастую встаёт на место одного из персонажей и употребляет форму номинации не от своего лица, а

от лица данного персонажа. Это позволяет читателю лучше понять внутренний мир персонажа. Надо заметить, что в пределах одного рассказа автор может вставать на место не одного, а нескольких персонажей. При этом иногда бывает трудно отделить точку зрения героя от точки зрения самого автора.

В речи автора можно выделить следующие наиболее характерные формы номинации, которые употребляются от имени одного из героев:

1. Неполная форма имени с суффиксами оценки (Витька, Федька, Прошка, Наташка и др.)

2. Апеллятив, принадлежащий к разговорному стилю (поп, попадь, сиделец, баба, батя, чеботарь, соседки-пересудки., казак-богатеи и др.)

3. Апеллятивы с оценочными суффиксами (маманька, папанька, сынишка и др.)

4. Неопределённые местоимения (кто-то)

5. Субстантивированные прилагательные (конные, верховые и др.)

6. Субстантивированные причастия (уходящие и др.)

7. Субстантивированные порядковые числительные (первый, третий)

8. Метонимические номинации (папахи красноверхие, бороды цветастые и др.)

9. Описательные номинации (человек с серьгой, солдат с трубкой и др.). Подобные описательные номинации могут иметь апеллятивы и прилагательные, принадлежащие к разговорному стилю (*низенький* человек в шинели, *большуший* солдат в чёрной шинели, *маленький лобастый* человек с протянутой рукой, *высоченный* человек в красной рубахе и др.).

В речи автора писатель может передавать *мысли персонажа в форме прямой речи*, при этом осуществляется точная, дословная передача мыслей персонажа:

Свист повторился. «*Федьку застучали!*» – мелькнула у деда (деда Захара) мысль [2. С. 300] .

В данном эпизоде форма номинации *Федька* передаёт взволнованное состояние персонажа (деда Захара).

В «Донских рассказах» есть и другие способы передачи внутреннего мира персонажей в речи автора.

Так, автор использует *несобственно-прямую речь*. Как известно, несобственно-прямой речи свойственны черты прямой и косвен-

ной речи. «С прямой речью её сближает то, что в ней сохраняются синтаксический строй, эмоционально-экспрессивные, лексические особенности речи говорящего лица, эмоциональность и непосредственность его переживаний, с косвенной речью несобственно-прямую речь сближает то, что в ней личные формы глаголов и местоимений употреблены от лица автора повествования» [1. С. 714]. В несобственно-прямой речи М.А. Шолохов обязательно употребляет формы номинации от лица того персонажа, которому эта несобственно-прямая принадлежит:

Притворил Мишка за собой дверь, сначала думал послушать в сенцах, о чём будет разговор в хате, но потом вспомнил: никто ещё из *ребят* не знает, что пришёл *батянька* ... [2. С. 120]

Здесь формы номинации *ребята* и *батянька* употреблены от лица мальчика Миши, они являются «эмоционально-экспрессивной, лексической особенностью» его речи, показывают взволнованность героя, его отношение к персонажам-референтам.

Кроме того, автор может изображать *сон персонажа*. В рассказе «Нахалёнок» автор описывает сон маленького мальчика Мишки, который был впечатлён рассказом отца о В.И. Ленине:

Не успел уснуть, увидел во сне город <...> Дома точь-в-точь, как *отец* рассказывал <...> Идёт Мишка по улице, голову кверху задирает, рассматривает, и вдруг откуда ни возьмись шасть ему навстречу *высоченный человек в красной рубахе* (Ленин) [2. С. 130].

Мы видим ситуацию глазами ребёнка, от лица которого употреблены формы номинации *отец* и *высоченный человек в красной рубахе*. Данные формы номинации показывают отношение мальчика к персонажам-референтам.

Шолохов может описывать видения персонажей, при этом, аналогично, формы номинации употребляются с точки зрения персонажа, а не писателя. В том же рассказе:

Перед тускнеющим Мишкиным взором поплыли цветные круги ...

Прошёл мимо *батянька*, усы рыжие крутит, смеётся <...> Дед прошагал, укоризненно качая головой, *маманька*, потом *маленький лобастый человек с протянутой рукой* (В.И.Ленин), и рука указывает прямо на него, на Мишку. [2. С. 144]

Формы номинации *батянька*, *дед*, *маманька* выражают отношение ребёнка к соответствующим персонажам; номинация *маленький лобастый человек с протянутой рукой* показывает В.И.Ленина таким, каким его рисует в своём воображении мальчик.

Кроме того, автор может изображать ситуацию через «призму восприятия» одного из персонажей, при этом могут употребляться (или подразумеваться!) глаголы чувственного восприятия (увидеть, глянуть, услышать и т. п.). При этом автор употребляет формы номинации от лица данного персонажа:

За ужином кое-как наспех поглотал хлёбова – и опрометью в горницу. Далеко за сундук швырнул штанишки, с разбегу нырнул в постель<...> Притаился и ждёт, когда придёт *батянька* про войну рассказывать [2. С. 127].

Здесь форма номинации *батянька* употреблена от лица мальчика Миши, она показывает любовь мальчика к своему отцу.

Изображая ситуацию через «призму видения» одного из героев, писатель может показывать, как объект, за которым наблюдает этот персонаж, приближается к нему. При этом происходит узнавание наблюдаемого объекта. Например, в рассказе «Кривая стёжка» главный герой по ошибке убивает свою возлюбленную вместо её матери:

С той стороны к речке подходили *бабы* <...> Уже перед темной из проулка вышла *баба*, направляясь к речке <...> К речке шла *Нюркина мать*. *Пуховый платок* на самые глаза. Как видно, торопится <...> Такой *ярко-жёлтой кофты*, как у *Нюркиной матери*, не носит никто в станице.

Васька по-охотничьи поймал на мушку *голову в пуховом платке* <...>

Грохнул выстрел. *Баба* бросила ведра и без крика побежала к дворам.

–Эх, чёрт!.. Промах!..

Вновь на мушке запрыгала *жёлтая кофта*. После второго выстрела *Нюркина мать* нехотя легла на песок и свернулась калачиком.

Васька <...> подошёл к *подстреленной*.

Нагнулся <...> Увидал Васька *распахнутую кофту* и *разорванный ворот рубахи* <...>

Заглянул Васька под надвинутый на лоб платок, и прямо в глаза взглянули ему тускнеющие *Нюркины глаза*.

Нюрка шла в материнной кофте за водой [2. С. 183–184].

В данном эпизоде читатель вместе с героем наблюдает за девушкой, читатель, как и персонаж не знает, кто перед ним, что создаёт эффект неожиданности. Читатель видит ситуацию глазами героя, проникает в его внутренний мир, лучше понимает, каким потрясением становится для персонажа открывшаяся правда.

Изображая ситуацию через призму видения героя, автор может показывать, как этот персонаж постепенно знакомится с наблюдаемым человеком, меняет о нём своё мнение. Подобный случай можно встретить в рассказе «Нахалёнок», в сцене встречи мальчика Миши со своим отцом:

Протёр Мишка глаза и видит: дверь открылась, хлопнула, дед в горницу бежит, <...> да следом за дедом прёт в горницу *чужой большущий солдат в чёрной шинели и шапке с лентами, но без козырька*, а мамка на шее у него висит, воет.

Посреди хаты стряхнул *чужой человек* мамку с шеи <...>

– Минюшка, сыночек, что ж ты спишь? Батянька твой со службы пришёл! – кричит мамка <...>

– А помнишь, сынушка, как в позапрошлом годе я тебе пароходы делал? Помнишь, как мы в пруду их пуцали?

Помню! – крикнул Мишка и несмело обхватил руками *батянькину* шею [2. С. 118–119].

В данном эпизоде читатель, как и мальчик, не знает, кем является солдат в шинели. Вместе с героем читатель постепенно это узнаёт. По формам номинации в речи автора, которые употребляются с точки зрения мальчика, *чужой большущий солдат в чёрной шинели и шапке с лентами, но без козырька* → *чужой человек* → *батянька* мы можем наблюдать за постепенным знакомством персонажа с отцом, изменением отношения к нему мальчика. Писатель намеренно не знакомит нас заранее с персонажем, за которым наблюдает герой, так как это позволяет лучше понять внутреннее состояние ребёнка, его мысли и чувства в данной ситуации, т.е. происходит более сильное эмоциональное воздействие на читателя. Надо отметить, в подобных случаях постепенного узнавания или знакомства часто используются неопределённые местоимения, метонимические и описательные номинации, в которых содержатся важные для наблюдающего персонажа черты персонажа-референта.

Итак, в «Донских рассказах» М.А. Шолохов в речи автора часто встаёт на место одного из персонажей и употребляет форму номинации не от своего лица, а от лица данного героя. Повествование становится эмоционально насыщенным и напряжённым. Читатель видит различные ситуации глазами персонажей, лучше понимает их внутренний мир, их мысли, чувства, отношение к другим героям, ситуации. Мы узнаём, что чувствует, о чём думает тот или иной персонаж (ребёнок, отец, старик, молодой человек и т.д.) Можно ска-

зять, что подобная особенность употребления форм номинации персонажей становится в рассказах важным средством психологизма.

Список литературы

1. Современный русский язык / Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1971.
2. Шолохов, М. А. Донские рассказы. М., 1982.

List of literature

1. Sovremennyy russkiy yazyk / Pod red. D. E. Rozentalya. M., 1971.
2. Sholohov, M. A. Donskie rasskazy. M., 1982.

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ СОЗДАНИЯ
ОБРАЗА В РОМАНЕ Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «НОЧЬ НЕЖНА»**

О. А. Малетина

Цель статьи заключается в анализе образов, стилистических и лексических средств, используемых в произведении «Ночь нежна», написанном Ф.Фитцджеральдом. Наиболее важные образы в произведении являются образами персонажей, так как они помогают читателям понять смысл книги. Существует множество портретных описаний, которые помогают создать образ. Необходимо проанализировать портреты, стилистические и лексические средства, которые используются для создания образов, чтобы лучше понять мысль, которую автор хочет донести до нас. Стилистические и лексические приемы создают особую атмосферу и персонажей, что помогает нам проникнуть в смысл романа.

Ключевые слова: лингвостилистические экспликации, образ, Ф. С. Фицджеральд, автобиографический роман.

В романе «Ночь нежна» (1934) Френсис Скотт Фицджеральд изобразил жизнь американской элиты 20-х годов, и поскольку роман является автобиографическим, то в нем описана боль и битва автора за сохранение брака с любимой женой, страдающей шизофренией.

Все герои этого романа больны любовью: аристократ Девре Уоррен, испытывающий не отцовские чувства к своей дочери Николь; Николь, которая пытается излечить порочную страсть с помощью любви к доктору Дику Дайверу; Дик Дайвер, нарушающий грань допустимых отношений между доктором и пациенткой, ощущающий непреодолимую страсть к восходящей звезде Голливуда Розмэри Хойт; Томми Барбан, влюбленный в жену своего друга Дика.

Доктор Дайвер – главный герой, уверенный и перспективный молодой человек, врач. Первый портрет, на который мы обращаем внимание, это описание внутренних качеств, как личностных, так и профессиональных:

He seemed kind and charming – his voice promised that he would take care of her, and that a little later he would open up whole new worlds for her, unroll an endless succession of magnificent possibilities (Fitzgerald, TN, p. 47).

Мы видим, что данному персонажу присущи такие качества, как доброта (*kind*), обаяние (*charming*), надежность (*he would take care of her*), душевное богатство (*he would open up whole new worlds for her, unroll an endless succession of magnificent possibilities*).

Наряду с положительными личностными качествами, герою еще присущ и профессионализм, который проявляется в его поведении: ему удалось (*he managed*), ненавязчиво дал понять (*let her know easily*), а также в произведенном на девушку впечатлении (*a courtesy that Rosemary had not met with save from professional people since her success*):

He managed the introduction so that her name wasn't mentioned and then let her know easily that everyone knew who she was but was respecting the completeness of her private life – a courtesy that Rosemary had not met with save from professional people since her success (Fitzgerald, TN, p. 32).

На протяжении всего романа Дик описывается как человек аристократичный (не по происхождению), для него характерна острота ума (*the old hypnotism of his intelligence*), которой мало кто может противостоять (*she could not break or even crack*):

While he did not answer she began to feel the old hypnotism of his intelligence, sometimes exercised without power but always with substrata of truth under truth which she could not break or even crack (Fitzgerald, TN, p. 145).

Однако при всех его положительных качествах у него было силы характера, поэтому не именитого профессора Розмэри встречает на пляже, а клоуна в жокейское шапочке, развлекающего своих друзей:

Beyond her was a fine man in a jockey cap and red-stripped tights... was giving a little performance for this group; he moved gravely about with a rake, ostensibly removing gravel and meanwhile developing some esoteric burlesque held in suspension by his grave face (Fitzgerald, TN, p. 78).

Следует отметить, что в данном отрывке используется наречие «*gravely (looking very serious and worried)*» и прилагательное «*grave (so serious that you feel worried)*», что подчеркивает наличие такой черты характера как серьезность.

В конце произведения Дик, зрелый мужчина (*not young anymore*), склонен к размышлениям и мечтам (*with a lot of nice thoughts and dreams to have about himself*), чье душевное богатство и доброта передаются через искреннюю любовь к детям (*glad he had given so*

much to the little girl, wanted to lift their beautiful heads off their necks and hold them close for hours).

The day before Doctor Diver left the Riviera he spent all his time with his children. He was not young anymore with a lot of nice thoughts and dreams to have about himself, so he wanted to remember them well...He was glad he had given so much to the little girl – about the boy he was more uncertain – always he had been uneasy about what he had to give to the ever-climbing, ever-clinging, breast searching young. But when he said good-bye to them, he wanted to lift their beautiful heads off their necks and hold them close for hours (Fitzgerald, TN, p. 278).

Автор уделяет огромное внимание описанию внутреннего мира Дика Дайвера и лишь изредка останавливается на деталях одежды. Основными чертами характера данного героя являются доброта, проницательность, обходительность и надежность.

Рассмотрим портретные описания Николь, жены Дика, чей образ складывается из портретных описаний внешности:

She sat in the car, her lovely face set, controlled, her eyes brave and watchful, looking straight ahead toward nothing. Her dress was bright red and her brown legs were bare. She had thick, dark, gold hair like a chow's (Fitzgerald, TN, p. 24).

Автор романа многократно повторяет описания одежды и ювелирных украшений героини (*her dress was bright red*) вместе с отсутствием улыбки (*her lovely face set, controlled*), ее взгляд устремлен в никуда (*looking straight ahead toward nothing*), что заставляет читателя относиться к ней с осторожностью. Внешность отражает внутреннюю уверенность Николь, которую ей также придают деньги. Волосы героини (*thick, dark, gold hair like a chow's*) описываются через сравнение их с шерстью собаки породы чау-чау (*chow – a dog with long thick hair and a purple tongue, originally from China*).

Николь с легкостью забывает о муже и обо всем, что он для нее сделал, погружаясь в новую страсть. Она чувствует себя обновленной и счастливой (*new and happy*), мысли ее чисты как замечательные колокольчики (*her thoughts were clear as good bells*), что говорит о беззаботности, эго, расцветающее как прекрасная роза (*her ego began blooming like a great rich rose*), привлекает внимание читателя к эгоистичности героини:

Nicole relaxed and felt new and happy; her thoughts were clear as good bells – she had a sense of being cured and in a new way. Her ego began blooming like a great rich rose as she scrambled back along the

labyrinths in which she had wandered for years. She hated the beach, resented the places where she had played planet to Dick's sun (Fitzgerald, TN, p. 195).

Противоречивость и неоднозначность образа Николь выражается в смешанности ее чувств: ощущая себя абсолютно счастливой (*happy, her ego began blooming*), здоровой (*cured*), она чувствует ненависть (*hated*) к человеку, который способствовал ее нынешнему состоянию, негодование по поводу всего, что с ним связано (*resented*).

Портретные характеристики, складывающиеся в образ Николь, противопоставляют красоту героини отсутствию морали и нравственности. Ей присущи уверенность, решительность и эгоизм.

Томми Барбан, друг Дика и возлюбленный его жены Николь, является полной противоположностью своего друга:

Barban was less civilized, more skeptical and scoffing, his manners were formal, even perfunctory (Fitzgerald, TN, p. 21).

Читатель получает краткое и четкое представление об этом персонаже: менее воспитанный (*less civilized*), более недоверчивый (*more skeptical*), с незамысловатыми манерами (*formal, even perfunctory*).

Все его портреты достаточно прозрачны, нет никакого подтекста, все предельно ясно:

Well, I'm a soldier<...> My business is to kill people. I fought against the Riff because I am a European, and I have fought the communists because they want to take my property from me (Fitzgerald, TN, p. 53).

Дело его жизни заключается в убийстве людей (*business is to kill people*), а также в войнах и противостояниях тому, кому ему сказали (*I fought against the Riff, the communists*). Один второстепенный персонаж считает Томми глупым никчемным человеком:

McKisco knew what ideas were, and as his mind grew he was able to recognize and sort an increasing number of them – but faced by a man whom he considered 'dumb', one in whom he found no idea was he could recognize as such, and yet to whom he couldn't feel personally superior, he jumped at the conclusion that Barban was the end product of an archaic world, and as such, worthless (Fitzgerald, TN, p. 59).

Помимо глупости автор приписывает персонажу мужественность и отвагу (*courage*), которые передаются как его личностными качествами – он был командиром (*ruler*), героем (*hero*), внешним видом – не было восьмой части черепа (*an eighth of the area of his skull had been removed*), так и боязливым отношением к нему со стороны окружающих (*his companions were always a little afraid of him*):

Tommy Barban was a ruler; Tommy was a hero...his martial laugh... as a rule he drank little; courage was his game and his companions were always a little afraid of him. Recently an eighth of the area of his skull had been removed by a Warsaw surgeon and was knitting under his hair, and the weakest person in the café could have killed him with a flip of a knotted napkin (Fitzgerald, TN, p. 82).

Томми отличает простота, неприхотливость, отсутствие изысканности, он не похож на Дика, и это привлекает Николь. Томми – привлекательный мужчина (*handsome face*), утративший присущее его лицу обаяние (*have lost the pleasantness*):

His handsome face was so dark as to have lost the pleasantness of deep tan, without attaining the blue beauty of negroes – it was just worn leather. The foreignness of his pigmentation by unknown suns, his nourishment by strange soils, his tongue awkward with the curl of many dialects, his reactions attuned to odd alarms – these things fascinated and rested Nicole... (Fitzgerald, TN, p. 121).

Описывая манеры персонажа, Ф.С. Фицджеральд рисует в воображении читателя образ грубого, невоспитанного и некультурного человека: невнятная речь (*his tongue awkward with the curl of many dialects*), «выдрессированность» (*his reactions attuned to odd alarms*). Томми Барбан производит впечатление внешне небрежного человека, ограниченного, но в то же время преданного делу.

Еще один персонаж, Розмери, представляет собой романтическую натуру (*romantic*), несамостоятельную и зависимую морально от своей матери, у которой свои планы по поводу карьеры дочери (*with the idea of a career for Rosemary*):

Rosemary was a romantic and her career had not provided many satisfactory opportunities on that score. Her mother, with the idea of a career for Rosemary, would not tolerate any such spurious substitutes as the excitations available on all sides, and indeed Rosemary was already beyond that – she was in the movies but not at all them. So when she had seen approval of Dick Diver in her mother's face it meant that he was 'the real thing'; it meant permission to go as far as she could (Fitzgerald, TN, p. 37).

Розмери чувствует себя по-настоящему счастливой рядом с любимым мужчиной (*the happiest*), рядом с ним она расцветает с двойной силой и не боится это демонстрировать (*like a bright bouquet, a piece of precious cloth*).

Afterward she remembered the times when she had felt the happiest. The first time was when she and Dick danced together and she felt her

beauty sparkling bright against his tall, strong form as they floated, hovering like people in an amusing dream – he turned her here and there with such a delicacy of suggestion that she was like a bright bouquet, a piece of precious cloth being displayed before fifty eyes (Fitzgerald, TN, p. 162).

Розмери беззаботна, она летает по жизни как пестрая бабочка, поэтому в ее жизни события стремительно сменяют друг друга (*counting benefits, counting hopes, telling off Dick, Nicole, her mother, the director she met yesterday*), и все, казавшееся таким серьезным, может легко отойти на второй план, давая место новым эмоциям (*full of emotions no one else knew of*).

Rosemary opened her door full of emotions no one else knew of. She was now what is sometimes called a 'little wild thing' – by twenty four full hours she was not yet unified and she was absorbed in playing around with chaos; as if her destiny were a picture puzzle – counting benefits, counting hopes, telling off Dick, Nicole, her mother, the director she met yesterday, like stops on a string of beads (Fitzgerald, TN, p. 241).

Итак, проанализировав портретные описания основных персонажей, составляющие их образ, мы составили таблицу основных черт и их лексическую репрезентацию в художественном тексте:

Персонаж	Основные черты	Лексическая репрезентация
Дик	доброта проницательность обходительность надежность	Kind; hypnotism of his intelligence; a courtesy; he would take care of her
Николь	уверенность решительность эгоизм	felt new and happy; her eyes brave and watchful, looking straight ahead toward nothing; to scramble back along the labyrinths in which she had wandered for years; to begin to slight that love; to hate the beach, to resent the places where she had played planet to Dick's sun.

Язык художественной литературы

Томми	глупость невежество пре- данность делу	'dumb'; one in whom he found no idea; manners were formal, even perfunctory; my business is to kill people
Розмери	романтичность беззаботность моральная зависи- мость	romantic; full of emotions no one else knew of; approval in her mother's face it meant permission

**Список названий использованных художественных
произведений и их сокращений**

TN – Fitzgerald F. Tender is night. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1961.

**ОБРАЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

У. А. Савельева

В данной статье представлен анализ образного осмысления предательства в русской лингвокультуре, проделанный на примере произведений художественной литературы. Рассматривая книги, к которым больше всего апеллируют в России при характеристике предательского поступка, автор приходит к выводу о том, что образ предателя представлен в развитии и характеризуется такими атрибутами как «скрывающий истинные мотивы», «лицемер», «расчетливый и злой». Кроме того, анализ поступков и внешности предателя показывает, что большинство литературных персонажей символичны и несут на себе отпечаток коллективного бессознательного.

Ключевые слова: архетип, архетипическая дуальная категория, лексические и фразеологические единицы, лингвокультурология, миф, оценка, прецедентное имя, прецедентный феномен, процесс социализации. художественное произведение, эмоционально-оценочная картина мира.

В соответствии с тезисом о том, что абстрактное всегда тяготеет к языковому воплощению, нами было выявлено, что абстрактное понятие «предательство» осмысливается в тесной связи с наиболее яркими случаями совершения рассматриваемого поступка, встречающиеся в литературных источниках русской лингвокультуры. Так, имеется некое постоянное усредненное представление о предателе, выявляемое как образное представление о человеке, готовым пойти на все ради собственной выгоды.

Данный образ во многом обусловлен характером и поведением такого библейского персонажа, как Иуда Искариот. Данное прецедентное имя носит универсальный характер, поскольку Библия является универсальным прецедентным феноменом, и степень апеллируемости к ней особенно высока в европейских лингвокультурах. Имя одного из апостолов стало хрестоматийным при номинации лица, совершающего предательство. В этой связи представляется

оправданным наличие во многих лингвокультурах как лексических и фразеологических единиц, так и образов, связанных с библейскими событиями, ставшими основой возникновения архетипического образа Предателя. Именно этот образ находит отражение, осмысление и развитие в таких знаковых для русской культуры художественных образах, как Иудушка Головлев, герой романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», Мальчиш-Плохиш, персонаж произведения А.П. Гайдара «Военная тайна», предатель Кротов из романа Ю.С. Семенова «Противостояние».

В самом прозвище героя романа «Господа Головлевы» заложена оценка его поведения и характера: как и библейский Иуда, выдавший своего Учителя за деньги, он не остановится ни перед чем святым для достижения своих целей. С младенческих лет любил Порфиша – Иудушка *«приласкаться к милому другу маменьке, украдкой поцеловать ее в плечико, а иногда и слегка понаушничать»*. Недаром, когда он был еще ребенком, мать смотрела на него с сожалением: *«И сама понять не могу, что у него за глаза такие, - рассуждала она сама с собою, - взглянет – ну, словно вот петлю закидывает. Так вот и поливает ядом, так и подманивает»*.

В данном отрывке особенно отчетливо проступает такие составляющие образа предателя, как «сокрытие истинных намерений», «лицемерие», «расчетливая жестокость». При этом подчеркивается, что перечисленные качества были присущи герою с раннего детства, то есть изначально были частью его природы. Эта характеристика представляется важной, так как и ответы информантов, и анализ газетных статей, и другие литературные источники свидетельствуют о том, что совершить предательство можно под тяжестью обстоятельств, из страха и испытывать впоследствии глубокое раскаяние. Доносительство для героя романа так же органично и само собой разумеющееся, как еда, материнская ласка. Фигурирующие в данном примере выражения «петлю закидывает» и «ядом поливает» создают ощущение расчетливого, ловкого зверолова, со знанием дела убивающего добычу: известно, что некоторые охотники, чтобы заманить зверя и нанести смертельный удар, предварительно разбрасывают отравленные приманки, и, когда жертва поймана, одним ударом завершают задуманное. Мать Иудушки сама не может понять и объяснить характера сына – как и заманиваемый в ловушку зверь, она не осознаёт таящуюся опасность и слишком поздно обнаруживает его истинные намерения.

В отношении образа Мальчиша-Плохиша следует отметить, что он несет на себе отпечаток «революционной мифологии», в начале XX века пришедшей на смену религиозному мировоззрению, поскольку известно, что миф, являясь групповой эмоционально-оценочной картиной мира, неуничтожим в обществе, и разрушение одного мифа приводит к утверждению другого.

Как и все архетипические образы, образ Мальчиша-Плохиша символичен: его характер является ничем иным, как противоположностью другого персонажа этого романа, героя со знаком «+» – Мальчиша-Кибальчиша. В трактовке К. Юнга его следовало бы отнести к архетипу «Тени», иначе его можно назвать «антигероем».

«Больно тогда Мальчишу стало. Выскочил тогда Мальчиш-Кибальчиш на улицу и громко-громко крикнул:

– Эй же, вы, мальчиши, мальчиши-малыши! Или нам, мальчишам, только в палки играть, да в скакалки скакать? И отцы ушли, и братья ушли. Или нам, мальчишам, сидеть и дожидаться, чтоб буржуины пришли и забрали нас в свое проклятое буржуинство?

Как услышали такие слова мальчиши-малыши, как заорут они на все голоса! Кто в дверь выбегает, кто в окно вылезает, кто через плетень скачет. Все хотят идти на подмогу. Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство. Но такой он был хитрый, этот Плохиш, что никому ничего он не сказал, а подтянул штаны и помчался вместе со всеми, как будто на подмогу». (А. Гайдар «Военная тайна»).

В данном отрывке обращает на себя внимание тот факт, что предатель – это тот, кто идет против всех. Он хитро скрывает своекорыстные мотивы (*захотел идти в буржуинство*). Он притворяется «своим» (*никому ничего не сказал*), хотя мысленно (пока) уже перешел на сторону «чужих». Цена его предательства – *«целая бочка варенья да целая корзина печенья»*.

Ему противопоставляется образ Мальчиша-Кибальчиша, героя, готового пожертвовать собой ради спасения других. Это безусловный лидер, за которым следуют все. Он пользуется уважением и авторитетом у других «малышей». Он – совесть и честь молодого поколения, и поэтому его призыв находит живой отклик в сердцах товарищей (*все хотят идти на подмогу*).

Кроме того, примечателен и тот факт, что сами имена героев носят символический характер. Так, часть имени Мальчиша-Кибальчиша перекликается с фамилией Н.И. Кибальчича (1853–1881), русского

революционера, изобретателя первого в России проекта ракетного двигателя для полета человека. Кибальчич заведовал лабораторией взрывчатых веществ исполнительного комитета «Народной воли» и участвовал в подготовке покушения на царя Александра II. Он был арестован, приговорен к смертной казни и повешен. Образ революционера, таким образом, по канонам новой революционной мифологии отождествляется с образом положительного героя. В приставке «Плохиш» в имени отрицательного персонажа содержится отрицательный оценочный знак, который сразу же лишает слушателя или читателя возможности дать самостоятельную оценку действиям героя. Слово «Плохиш», являясь производным от прилагательного «плохой» а priori выдвигает на передний план основные черты Мальчиша – его подлость, коварство, предательскую натуру (*«Бьются мальчиши от темной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьется, а все ходит да высматривает, как бы это буржуинам помочь»*).

Примечательно, что Мальчиш-Кибальчиш, воплощая все только положительные, а Мальчиш-Плохиш – все отрицательные черты человека, ставящего личные мотивы выше интересов коллективных, представляют собой новые архетипы советской эпохи: известно, что коммунистическая идеология в своем классическом варианте предполагает приоритет коллективного над личным. В образах обоих персонажей отчетливо прослеживается лишь один ключевой признак: «плюс» (Мальчиш-Кибальчиш) – «минус» (Мальчиш-Плохиш), оттесняя на задний план все остальные их характеристики. Данный факт позволяет причислить их к разряду имен-символов, своеобразных эталонов, в соответствии с которыми возможна оценка всех похожих действий реальных людей. Важно отметить, что «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» стала одним из главных источников воспитания детей и подростков времен Советского Союза. Факты истории свидетельствуют о том, что в непростой для страны период 20–30-х годов XX столетия требовалась новая идеология, новые отважные герои. Являясь мощным оружием воздействия на подсознательный уровень психики, новая мифология породила своих героев и антигероев, «мучеников» и «злодеев», при этом часто реальные события искажались, а действительные участники этих событий приобретали вымышленные черты. Ярким примером этому может служить история Павлика Морозова, имя которого причисляется к прецедентным феноменам и часто встречается

в ответах респондентов и в специальной литературе именно в связи с ситуацией предательства «своих».

Архивные и исторические источники свидетельствуют о том, что четырнадцатилетний Павлик, председатель совета пионерского отряда, был сыном Трофима Морозова, председателя сельского совета в селе Герасимовка в Зауралье в 1929 году во время «сплошной коллективизации». В течение некоторого времени его отец за деньги продавал заверенные сельсоветовскими гербовыми печатями различные фиктивные документы не только так называемым «кулакам» и «вредителям», не желавшим вступать в колхозы и отдавать свое имущество, но и криминальным элементам. В ходе следствия по этому делу, проводимому органами ЧК, показания безграмотного Морозова записал на листе школьной тетрадки его сын, что послужило поводом в это непростое время его родственникам считать, что Павлик донес на собственного отца. Вскоре после того, как Трофим Морозов был отправлен в ГУЛАГ, Павлика и его девятилетнего брата зарезали их родные дед и дядя. Факты этой трагедии официальной пропагандой были представлены с точки зрения основных понятий «классовой борьбы»: пионер Павлик Морозов донес властям, что отец укрывает хлеб от сдачи государству, и его убивают за это ближайшие родственники – классовые враги. При этом, по нашему мнению, форма имени «Павел» употребляется в уменьшительно-ласкательной форме «Павлик» не случайно, а чтобы подчеркнуть юный возраст погибшего и вызвать у слушающих к нему симпатию. Этот миф достаточно прочно укрепился в сознании представителей русского лингвокультурного сообщества, о чем свидетельствует широкая апеллируемость к этому прецедентному имени и в разговорной практике, и в письменных, и в Интернет-источниках.

Важно отметить, что данное имя перешло в разряд нарицательных существительных и получает такую же амбивалентную оценку, что и слова «разведчик», «агент», «информатор». В честь Павлика Морозова сочинялись гимны, стихи, его именем назывались пионерские отряды, школы, колхозы. То есть, на смену христианским понятиям о страданиях Христа и святых пришли новые мученики, пострадавшие за веру в новую жизнь и потому достойных почитания и поклонения. Одновременно с этим существовало совершенно противоположное мнение: всякого, подозреваемого в доносительстве, называли «павликом морозовым», давая при этом понять, что во все времена и у всех народов считалось святотатством доносить на род-

ного отца, и что особенно презирается предательство «своих».

Таким образом, становится очевидным, что в образах Мальчиша-Плохиша и Павлика Морозова вновь фигурирует неделимость понятий «верность - предательство», основанное на архетипической дуальной категории «плюс-минус». Более того, не вызывая образа конкретного, реально существующего человека, образ Мальчиша-Плохиша, тем не менее, может служить в качестве прецедентного феномена, свернутой метафоры, выступающей, подобно Библейскому Иуде, символом предательства.

Следует подчеркнуть, что в соответствии с идеей К. Леви-Стросса о том, что основной характеристикой мифа является его повторяемость, в мифе о «военной тайне» повторяются многие символы-атрибуты библейской истории: и в евангельской истории, и в «Сказке о военной тайне» присутствуют герои: Христос – Мальчиш-Кибальчиш, которым противопоставлены отрицательные образы Иуды и Мальчиша-Плохиша. В обоих случаях обозначена цена предательства: 30 сребреников – банка варенья и корзина печенья. Попытки и гибель Мальчиша-Кибальчиша отдаленно напоминают крестные муки и Голгофу, которые претерпел Христос. Данные наблюдения, на наш взгляд подтверждают мысль о том, что миф является неуничтожимым в обществе, а также, что мифу принадлежит главенствующее положение в сознании человечества.

В романе Ю.С. Семенова «Противостояние» раскрывается еще один яркий образ предателя – Кротова, во время войны перешедшего к фашистам и ставшего вражеским диверсантом, жестоко убивающим не только немцев, не подчиняющихся режиму Гитлера, но и своих соотечественников. В произведении отчетливо описывается мотивы поведения предателя, его отличительные черты. Бывший «коллега» Кротова, отсидевший за измену в тюрьме, дает ему следующую характеристику:

«Вторым - по мере опасности – я должен назвать Кротова Николая. Он был известен нашей разведгруппе <...> тем, каким образом перешел к немцу. В отличие от меня, взятого в плен в бессознательном состоянии, а затем путем пытки голодом доведенного до отчаяния и согласившегося из-за этого пойти на службу к злейшим врагам нашего героического народа, он, Кротов, принес на руках зарезанного им комсорга его роты...и планирует с картами и документами немецким оккупантам и, таким образом, заслужил их доверие».

В данном отрывке отчетливо представлены возможные мотивы, толкающие человека на путь предательства: человека можно запугать, довести до бессознательного состояния и путем мучений вызвать в нем слабость и принудить его стать изменником. В то же время человек может согласиться добровольно, то есть, по собственному желанию встать на сторону врага. Именно так и поступил Кротов. В романе дается объяснение его готовности сделать решающий шаг: в разговоре с немецким вербовщиком он высказывает ненависть к своим соплеменникам:

«...Дело заключается в том, что мы придаем вам пять человек, которым мы верим. Да, да, верим <...> Однако они, в силу своих умственных способностей, лишь компрометируют нас своим сотрудничеством. Понятно? Вы ведь встречали в тюрьме тех славян, которые вызывали у вас брезгливость?»

– Встречал.

– А почему они вызывали у вас брезгливость? – тихо, другим голосом спросил черный. – Объясните мне, пожалуйста, Кротов, причину возникшей у вас брезгливости по отношению к людям одной крови?»

– Безмозглые. Быдло <...> Вроде стада...

– ...А не вызывало в вас брезгливости то, что они были слишком русскими?»

– Это тоже. Мужики»

То есть, налицо внешняя стадия конфликта, определяемого нами выше как «противоречие мотивов, целей и ожиданий сторон». Являясь русским человеком, Кротов фактически утрачивает всякую духовную и кровную связь со «своими». Они разочаровали его, у него нет больше интереса быть частью общего с ними целого: они кажутся ему слишком слабыми, глупыми, «стадными». Примечательна также манера поведения предателя:

«– А как он себя вел в критических ситуациях?»

– Реакция моментальная: удар ножом или выстрел.

– Очень был сильный?»

– Невероятно».

Данный пример свидетельствует об особой жестокости Кротова: в минуту опасности он не рассуждает, а убивает. Перед читателем встает образ хитрого, расчетливого и смертельно опасного хищника, который предельно четко обозначен в характеристике, данной ему следователем Костенко:

«– Пауль, – Костенко достал из кармана конверт. – Здесь один лишь палец. Один отпечаток. Других у меня нет. Речь идет о кровавом преступнике. О волке. Знаете, как волк режет стадо? Он слепо бежит сквозь, разрывая горло всех, кто стоит на пути, всех без разбора, а берет себе в добычу лишь одну тушу. Этот человек – волк, страшнее даже».

Особого внимания заслуживает внешность предателя:

«– Какие-нибудь особые слова, запоминающиеся, ему одному приущие, употреблял?»

– Да что-то не помню <...> Вроде бы нет, он старался быть неприметным, серым, чтоб, кто мимо прошел, на нем и глаза не остановил».

Выбор фамилии «Кротов» представляется нам неслучайным. Крот – неприметное подземное животное, ведущее ночной образ жизни. Подобным образом, Кротов старается быть неприметным и серым, не привлекающим внимания, так как именно неприметность – основное условие для достижения его корыстных целей. Такого человека трудно запомнить, и в случае необходимости почти невозможно описать его внешность, благодаря чему предатель может долгое время оставаться непойманным и безнаказанным. Его речь также ничем особенным не отличается: нет особенных, присущих лишь ему слов и оборотов. Даже от приобретенного в детстве заикания, способного привлечь к нему внимание, он избавляется в фашистской разведшколе. Этот человек реально существует, и вместе с тем его как бы нет.

Образ Кротова интересен еще и тем, что показан в развитии – писатель пытается прояснить причины, по которым тихий и застенчивый подросток превращается в кровавого убийцу и изменника Родины. Примером для него послужил собственный отец, жестоко относившийся к своей жене и враждебно настроенный к людям вообще:

«...умный у меня батька, пристраивал помаленечку, чтоб зазря никого в зло не вводит, а главное зло – зависть людская; черви всегда крокодилу завидуют, не зря батя говорил, что крокодил – умное животное и попусту никого не обижает: «Голод не тетка, того хватает, кто сам попадает под зуб, – а ты не попадайся. Попал, зараза – сам виноват». В этих словах слышится оправдание жестокости по отношению к другим – если есть цель, к ней нужно стремиться любыми путями и сметать на пути всех, кто мешает ее осуществлению. Отец привил ему практицизм: *«что нельзя пощу-*

пать и увидеть – то не существует, обман и химера». Данные слова звучат в адрес морали и нравственности. Согласно его идеологии, слабый обречен быть жертвой сильных и умных, поэтому свои права нужно заявлять и брать всегда только силой:

«– Иван Ильич был очень резким человеком; никто не знает, что произошло тогда у них на вечеринке, но он ударил завуча Завьялова, удар пришелся по виску, Завьялова увезли в больницу с сотрясением мозга. Потом над Иваном Ильичом был суд, дали два года тюрьмы. ...Никто не знает, что творилось в доме у Кротовых, только соседи слышали, как пронзительно кричал Коля, очень кричал. А после исчез, и нашли его в море через четыре дня. ...После этого он и стал заикой. Покойница две недели не выходила из дома, но с той поры совершенно исчезла ее былая самостоятельность и красота – она как-то съежилась и постоянно смотрела на покойника рабскими глазами побитой собаки...». Пример свидетельствует о приоритете грубой физической силы для отца Кротова, о необходимости мести, при этом чувства близких людей не учитываются. Неокрепшая детская психика совершенно ломается под давлением подобного мировоззрения отца, которого подсознательно всегда копирует подросток. Внутренний конфликт достигает критической формы, в результате чего он начинает заикаться. После инцидента с матерью в Кротове происходит резкая перемена:

«Из бутылки выпустили джинна»: он...понял значение силы. Только ее ведь и боятся люди. И он стал главным драчуном - как что не по его норову – сразу в драку!». С этого момента для него существует лишь императив силы и собственного блага. Интересы и боль других людей в расчет не берутся. Все ценностные ориентиры в жизни Кротова начинают включать только страх пред смертью и жизнь любой ценой:

«А вот бы выйти на дорогу и сказать: «Братцы, я вам тайну открою, тогда, может, жизнь сохраните, а больше мне ничего не надо».

Благодаря той динамике, с которой преподносится образ предателя Кротова, становится возможным заключить, что предатель – не всегда изначально подлый человек. Склонность превозносить свои интересы может быть приобретена в процессе социализации, иными словами, адаптации к явлениям окружающей действительности, при этом следует отметить важность существования авторитетной фигуры (отца, учителя) при формировании нравственных приоритетов личности.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СРАВНЕНИЯ КАК МОДЕЛИ ОБРАЗНОЙ
МЫСЛИ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ**

Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 – 2013»

(Госконтракт № 02.740.11.0367)

Ю. Г. Юдина

Статья посвящена описанию специфических черт образной репрезентации в языке художественной литературы конца XX – начала XXI веков. Материалом для анализа послужили сравнительные конструкции, в структуру которых входят предмет речи и вводимый образ. Процедура анализа основывается на соотношении понятийного и образного содержания сравнений.

Ключевые слова: образ; образная репрезентация; сравнительная конструкция, сравнение.

Одной из закономерностей художественного мышления является стремление к осмыслению мира через конкретные образы. Образ издавна является предметом пристального анализа философов, фольклористов, культурологов, литературоведов и лингвистов (Н.Ф. Алефиренко; Н.А. Илюхина; Е.Ю. Ильинова; Л.А. Шестак и др.). Сегодня в гуманитарной науке существуют разные подходы к определению данного понятия. В когнитивной лингвистике установлено, что образ – часть концепта. Подтверждение этому находим в работах С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова, В.А. Масловой, В.И. Карасика. Однако, несмотря на всю важность для теории лингвистики, понятие художественного образа не является вписанным в терминологический аппарат науки о языке. Так, составители лингвистической энциклопедии «Языкознание» не рассматривают художественный образ как лингвистическое понятие.

В настоящей статье образ рассматривается как результат авторского отражения действительности, актуализируемый в рамках стилистических приемов с помощью языковых средств, с целью эмоционального воздействия на реципиента [5. С. 7]. В этой связи нами изучается один из основополагающих приемов – прием сравнения,

который, являясь одним из средств образной репрезентации, актуализирует одновременно изобразительную и выразительную стороны речи.

Сравнение называют элементарной моделью образной мысли, прообразом всех экспрессивных средств. Сравнение трактуется нами как образное словесное выражение представленное в языке в виде конструкции, некоторой общей схемы построения сложного знака, который несет в себе компаративную функцию независимо от внешнего окружения.

Цель данной статьи – рассмотрение специфических черт образной репрезентации содержания (на примере сравнительных конструкций) в текстах художественной литературы конца XX – начала XXI вв.

Материал для анализа сравнительных конструкций был извлечен приемом сплошной выборки из восемнадцати рассказов конца XX начала XXI вв. и романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Корпус единиц материала составляет 315 сравнительных конструкций.

Структура сравнительной конструкции в нашей работе задается следующей формулой:

$$A + C + \beta + B,$$

где А – предмет речи (то, что сравнивается), В – вводимый образ (то, с чем сравнивается), С – модуль (признак, по которому сравнивается), β (вслед за М.И. Черемисиной [6]) – оператор (формальный показатель сравнения). Например: *Другие девушки маленькими паровыми утюжками прессовали складочки, и они делались жесткими и острыми, почти как листья осоки, только что палец не порежешь* (Улицкая Л. Казус Кукоцкого). В данном примере *складочки* – предмет речи; *листья осоки* – вводимый образ; *жесткими и острыми* – модуль; *как* – оператор.

В неполных по структуре сравнительных конструкциях модуль и оператор могут быть представлены имплицитно. Модуль может быть опущен в том случае, когда в структурах *того, что сравнивают* и *того, с чем сравнивают* достаточно много материально выраженных общих признаков [1. С. 11]. Например: *<...> от частых границ света и тени длинные водоросли походили на полосатых змей или кошачьи хвосты* (Осокина И. Степунок). Здесь модуль материально не выражен, однако он легко восстанавливается: модулем является признак *узкий*, который характеризует и предмет речи (водоросли) и вводимые образы (змеи, кошачьи хвосты).

Операторы (союзы), соединяющие *то, что сравнивают* и *то, с чем сравнивают*, могут быть также опущены. Например: *Сигарета сгорела почти до фильтра: столбик пепла отвалился и лежал в пепельнице длинной серой гусеницей* (Болмат С. Муж). Этот пример символизирует особый случай, который в лингвистической литературе получил название – «творительный сравнения». Творительный сравнения – это иллюстрация имплицитности оператора. По мнению ученых, неполные сравнения в большой степени активизируют восприятие, чем их полные варианты [7. С. 77].

В ходе анализа материала нами были выявлены следующие особенности образной репрезентации в языке художественной литературы.

1. В художественных текстах наблюдается усложнение и схематизация предмета речи за счет образной репрезентации. Как известно, сравнения делятся на две группы: сравнения конкретизирующие и сравнения абстрагирующие. В конкретизирующих сравнительных конструкциях (сравнение с конкретным предметом) происходит схематизация предмета речи, исключение каких-либо свойств и качеств, чтобы выделить в предмете речи главное. Следует отметить, что абстрактные понятия также могут конкретизироваться посредством материального образа: *Память о тесноте жизни, о страхе, растворенном в воздухе, как сахар в чае* (Улицкая Л. Казус Кукоцкого). В абстрагирующих сравнительных конструкциях происходит усложнение конкретного предмета речи за счет сравнения с абстрактным понятием.

Как показал наш фактический материал, «образы конкретного характера»: зооморфные, антропоморфные, фитоморфные, артефактные образы, которые составили 95% объема корпуса единиц, преобладают над «образами абстрактного характера» (абстрактными, культуроморфными). Эта особенность отмечена и в работе Л.А. Шестак [8. С. 92].

Внутри сфер конкретизирующих и абстрагирующих сравнений существует определенная неравномерность. Так, в сфере конкретизирующих сравнений, преобладают зооморфные образы (75%). Зоонимы регулярно употребляются в качестве зооморфной характеристики человека [4]. Животный мир как образный код представлен в сравнениях очень широко: млекопитающие, хищники, птицы, пресмыкающиеся, насекомые. Например: <...> [полевой командир] *часто заморгал слипшимися в крови тяжелыми ресницами, ровно*

как не умеющая взлететь бабочка крыльями (Прилепин З. Убийца и его друг).

Только 5% объема корпуса единиц приходится на долю сравнений сферы нематериального: абстрактных, культуроморфных. В культуроморфных сравнениях используются образы из сферы литературы, музыки, живописи, скульптуры. Примечательно, что авторы, апеллируя (при создании образа) к прецедентам мировой культуры, не дают развернутого основания сравнения, рассчитывая на подготовленную аудиторию. Например: *Вот здесь у нее врубелевский поворот, словно Царевна-лебедь, совсем нездешняя, глаза огромные* (Василькова И. Ниночка). Здесь очевидна апелляция к одноименной картине Врубеля.

Кажется, будто ее нарисовал Обри Бердслей – чистота, слитая с порочностью (Василькова И. Ниночка). Наиболее полным воспроизведение образа будет у человека, имеющего представление о скандальных по содержанию рисунках Обри Бердслея, английского художника-графика, в которых порок и невинность, романтическое и циничное сплелись в единый клубок.

2. Образные репрезентации действительности различаются по тем сенсорным каналам, по которым они поступают в сознание. Еще Аристотель выделил основные каналы получения сенсорной информации: зрение, слух, вкус, обоняние и тактильные способности. Образы, которые входят в сравнительные конструкции в изучаемых нами художественных текстах, чаще всего возникают на базе зрительных (76%), слуховых (10%), вкусовых (8%), тактильных (6%) ассоциаций.

Как показал наш фактический материал, сравнительные конструкции, в которых образ возник на базе зрительных ассоциаций, наиболее многочисленны и разнообразны. Они составили 76% корпуса материала. Это обусловлено значимостью зрительных представлений. Большую часть чувственно воспринимаемой информации человек получает благодаря зрению. В сравнительной конструкции восприятие зрительной картины, предлагаемой читателю, не усложнено. Например: *<...> он сверкнул крупными, как белые фасолы, зубами* (Улицкая Л. Казус Кукоцкого). Здесь усилены сразу несколько чувственных признаков: образное кодирование получает размер и цвет предмета речи.

Высокочастотные и стереотипизированные образы свидетельствуют об определенном уровне обобщенности чувственных представлений. Однако, как показал содержательный анализ фактиче-

ского материала, художественная литература конца XX начала XXI вв. в основном идет по пути слома стандартных образов. Например, Людмила Улицкая в своем романе «Казус Кукоцкого» предлагает следующую образную зарисовку утра с нестандартными образами: Оно [утро] было крепким, как неразведенный спирт, голым как свежеснесенное куриное яйцо, безукоризненным, как алфавит (Улицкая Л. Казус Кукоцкого).

3. Как показали наши исследования, для языка художественной литературы конца XX – начала XXI вв. **характерно наличие образных полей** и сложных образных параллелей. В рамках одного произведения, например, рассказа, один предмет речи может приобретать многочисленные образные репрезентации. Строго говоря, могут обнаруживаться разные компоненты «рассыпанного» по тексту образа – представления о форме, вкусе, цвете, характерных деталях, весе, высоте, ширине предметов, их типичных действиях и т.д. Совокупность образов, которые обозначают один и тот же денотат, мы вслед за Н.А. Илюхиной называем образным полем [3]. Так, например, Ирина Василькова в рассказе «Ниночка», описывает отношение преданной и чуткой жены «Елены Ивановны» к девушке Нине, «новой знакомой» мужа, через целую серию образов, сравнивая Ниночку то с ландышем, то со зверьком, то с маленькой хищной птицей, то с черным ангелом. Созданное автором образное поле открывает нам двойственность характера Ниночки: она глубоко переживает события, открыта миру, честна и при этом необузданна в страстях.

Один и тот же предмет речи может рождать в уме писателя разные аналогии. Так, Л. Улицкая в романе «Казус Кукоцкого», давая характеристику двум ровесницам, Тоне и Тане, использует и зооморфные, и фитоморфные образы, создавая одновременно сложные образные параллели: воробей / стрекоза; подорожник / королевская лилия. Эти образы вызваны ассоциациями по контрасту.

Тоня была из самых мелких, из недоростков, невзрачная и неценная, как воробей или подорожник <...> Таня была не воробей и не подорожник, она была что-то редкостное, вроде королевской лилии или большой прозрачной стрекозы (Улицкая Л. Казус Кукоцкого).

4. Как нам представляется, особенностью образной репрезентации может быть признан тот факт, что связи между понятием и образом в пределах сравнительной конструкции отличаются разной степенью «тесноты», т.е. предмет речи и вводимый образ могут лежать в одной или в разных смысловых плоскостях. В 35% сравнений от всего

корпуса единиц предмет речи и вводимый образ лежат в одной смысловой плоскости. Например: <...> *и солнечный свет, чересчур яркий для московского вечера (будто не солнечный свет то был, а долгая-долгая фотовспышка)* <...> (Василенко С. Русалка с Патриарших). В данном примере образная репрезентация опирается на четкий зрительный аналог: солнечный свет и свет от фотовспышки.

В 65% сравнений в нашем материале предмет речи и вводимый образ мотивированы ситуацией и находятся в далеких смысловых плоскостях. Например: <...> *мне безумно, безумно, будто золотого пера жар-П-птицы, вдруг захотелось картошки, и именно жареной* (Василенко С. Русалка с Патриарших). Важно отметить, что этот индивидуальный образ *пера жар-птицы* смоделирован с помощью лингвокреативного мышления в отличие от образа, основанного лишь на актуализации фоновых знаний и частотных ассоциаций. Примечательно, что в словаре сравнений русского языка К.С. Горбачевича этого образа нет [2].

В заключение представляется правомерным сделать следующие выводы. Для восприятия образа характерна определенная двойственность: абстрактное и конкретное соотношены в сравнительной конструкции. В русской художественной литературе конца XX – начала XXI вв. наблюдается максимальное разнообразие и богатство образов, возникших на базе ассоциаций, большая часть из которых носит не стереотипный, а индивидуально-авторский характер. Образные поля и сложные образные параллели содержат впечатляющие, чувственно-осязаемые, наглядные образы, которые способствуют моделированию лингвовременной картины мира.

Понятие и образ в рамках сравнительной конструкции находятся в комплементарных отношениях. Те признаки, которые не заложены в понятие, могут развиваться в образе, обогащая художественное впечатление. С другой стороны, в образе может нейтрализоваться та существенная информация, которую несет в себе понятие. Представляется обоснованным констатировать, что образ выполняет регулятивную функцию.

Сравнение, как модель образной мысли, представляет собой сложный феномен, онтологически связанный с человеком, отражающий взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. Исследуя образные репрезентации на примере сравнительных конструкций, можно приблизиться к пониманию специфики художественного восприятия мира носителями языка.

Список литературы

1. Абсаматов, С. Б. Структурно-семантические особенности синтаксических единиц со значением сравнения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 18 с.
2. Горбачевич, К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: Около 1300 словарных статей. М.: АСТ : Астрель : Ермак, 2004. 285 с.
3. Илюхина, Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара : Изд-во «Самарский университет», 1998. 204 с.
4. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый. М. : Гнозис, 2004. 318 с.
5. Степанова, А. Н. Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы 19 и 20 вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 21 с.
6. Черемисина, М. И. Сравнительные конструкции русского языка. М. : КомКнига, 2006. 272 с.
7. Чернец, Л. В. «Плыло облако, похожее на рояль»: о сравнении // Русская словесность. 2000. № 2. С. 75–79.
8. Шестак, Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: Монография. Волгоград: Перемена, 2003. 312 с.

List of literature

1. Absamatov, S. B. Strukturno-semanticheskie osobennosti sintaksicheskikh edinitz so znacheniem sravneniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 1997. 18 s.
2. Gorbachevich, K. S. Slovar' sravneniy i sravnitel'nyh oborotov v russkom yazyke: Okolo 1300 slovarnyh statey. M.: ACT : Astrel' : Ermak, 2004. 285 s.
3. Ilyuhina, N. A. Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte. Samara : Izd-vo «SamarSKIY universitet», 1998. 204 s.
4. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar': Vyp. pervyj. M. : Gnozis, 2004. 318 s.
5. Stepanova, A. N. Intertekstual'naya priroda obraza i obraznosti (na materiale obraznyh sravnitel'nyh konstruksiy angliyskoy i amerikanskoy literatury 19 i 20 vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2006. 21 s.
6. Cheremisina, M. I. Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka. M. : KomKniga, 2006. 272 s.
7. Chernets, L. V. «Plylo oblako, pohooshee na royal'»: o sravnenii // Russkaya slovesnost'. 2000. № 2. S. 75–79.
8. Shestak, L. A. Russkaya yazykovaya lichnost': kody obraznoy verbalizatsii tezaurusu: Monografiya. Volgograd: Peremena, 2003. 312s.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ТЕАТРА В СОЦИАЛЬНОЙ ИГРЕ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ УСТРОЙСТВА ТЕАТРА И ТЕАТРАЛЬНОГО ТОПОСА)

Е. В. Илова

Театр и театральность пронизывают все виды деятельности человека. При транспозиции театральной лингвосемиотики на социальные сферы положительная коннотация лексем театрального дискурса часто меняется на отрицательную, что и доказывается в статье на примере отдельных номинаций.

Ключевые слова: лингвосемиотика, театральность, положительная/отрицательная коннотация, социальная игра, демонстрационная коммуникация.

Многочисленные элементы театра являются неотъемлемой частью различных видов деятельности человека. Выбранные нами для анализа основные элементы семиотики театра имеют прямую проекцию в жизнь и представляют собой компоненты театральности. Лингвистические знаки лингвосемиотического пространства английского театра, используемые в жизненных ситуациях, часто приобретают иные признаки: положительная коннотация лексем, употребляемых в сфере театра, чаще всего меняется на отрицательную в связи с использованием их в сфере социальной игры (например, политической). Рассмотрим некоторые из них:

1) stage/backstage/ scene

Сцена (от греч. skene – балаган, подмостки) – место для исполнения театрального представления. В древних ритуально-обрядовых действиях, а затем в фольклорном предтеатре таким местом была, с одной стороны, окружавшая человека реальная природная, производственная, бытовая среда его жизни (лес, поляна, холмы, горы, дорога, улица, крестьянский двор, сам дом, его внутренние помещения и т.п.), с другой, специально очерченная площадка (круглая, квадратная – соответственно мифопоэтическим метафорам солнца, земли), а также разные сооружения в виде плывущего корабля, ладьи, лодки

или повозки, телеги, воплощавшие модель мироздания, Вселенной [Кругосвет, www]. Второй тип стал прообразом современной сцены, а первое место послужило метафорическому переносу названия «сцена» на «место любой демонстрации или деятельности» (a place where something is exhibited or done; a centre of attention), как, например, the political stage: - *She was forced to the center of political stage.* - *Ее заставили стать лидером на политической арене.*

В данном значении синонимом выступает лексема “scene”. Этимологический анализ слова показывает, что англ. “scene” произошло от греч. “skene”, так же как и англ. “stage” имеет одним из значений “the place where the action is laid” (место событий):

- *The scene of the crime was surrounded by a crowd of people.* - *Место преступления было окружено толпой людей.*

В основе переносного значения лежит сходство сцены из спектакля, во время которой разворачиваются события, с жизненными ситуациями, в которых также есть те, кто производит какие-то действия (играет) и те, кто наблюдает за этим (зрители).

Другим переносным значением лексемы “scene” является значение “an exhibition of anger or indecorous behavior” (проявление гнева или неприличного, некорректного поведения), репрезентируемая в следующих контекстах:

- *He hoped she would be civilized enough not to make a scene.* - *Он надеялся, что она достаточно цивилизована, чтобы не устроить сцену.*

- *De Gaulle was too embarrassed to make a scene of it.* - *Он был слишком смущен, чтобы устроить сцену.*

- *You see, I didn't dare make a scene as I should have done if I'd been married.* - *Видишь ли, я не осмелился устроить сцену, как бы я сделал, будь я женат.*

- *She left his office quietly, too raw to make a scene and attract attention, wanting only to crawl into a corner and hide.* - *Она покинула офис тихо, будучи слишком неопытной, чтобы устроить скандал и привлечь внимание; она просто хотела спрятаться в уголке.* Выражение “make a scene” противопоставляется таким характеристикам, как «цивилизованный» (civilized), «смущенный» (embarrassed), «не осмелиться» (not to dare), «ранимый, незащищенный» (raw). Следовательно, тот, кто устраивает сцену (“make a scene”) обладает негативными качествами и вызывает неодобрение.

Производное от “stage” “backstage” – «кулуарный, тайный» также негативно маркировано, поскольку обозначает закулисные раз-

говору, которые часто представляют собой просто слухи и сплетни: - *Backstage passes!* – Слухи, кулуарные разговоры быстро распространяются. На сцене «секретный» основано синонимичное значение выражения “**behind the scenes**”: “**out of public view, in secret** (секретно); in a position to see the hidden workings” (скрытая, невидимая для глаз работа):

– *They were taken behind the scenes and told just how in fact the actual government <...> has operated.* – Их провели в кулуары и рассказали, как работает правительство.

– *Our housework goes on behind the scenes, unnoticed, uncounted, uncharted as long as it is unpaid.* – Работу по дому не замечают, пока за нее не начинают платить.

В большом количестве примеров выражение “behind the scenes” употребляется наряду с лексемой “**wheeler-dealer**” (махинации, махинатор), что указывает на то, что «за кулисами» часто происходит что-то связанное с обманом и махинациями:

– *Almost certainly there would have been lobbying and wheeler-dealing, meetings and get-togethers behind the scenes.* – Наверняка, было бы много лоббизма и махинаций, тайных встреч и собраний.

Глагольная лексема “**to stage**” в значении “**to demonstrate in a deceptive manner**” (инсценировать, подстроить) часто употребляется в бытовом дискурсе применительно к различным жизненным ситуациям:

– *The salesman’s demonstration of the new cleanser was staged to make it appear highly effective.* – Демонстрация нового моющего средства была инсценирована так, чтобы оно казалось высоко эффективным. Семантический признак “**deceit**” (обман), выделяемый в семантике данной лексемы, лежит в зоне отрицательной оценки.

Итак, сфера употребления данной группы лексем выходит за рамки театрального дискурса. Они активно используются при описании жизненных ситуаций, репрезентируя тем самым театральность в языке.

2) **Curtain**

Занавес используется в театре в трех качествах: первое (и самое древнейшее) – как самостоятельный вещественный персонаж спектакля, противостоящий актерам, второе – как элемент их игры и третье – как средство отделения (скрывания) сценического пространства от зрительного зала, актеров и декораций от публики [www.krugosvet.ru]. Данная лексема принадлежит сфере театра, однако, в определенных значениях она имеет проекцию и в жизни. Например,

в значении “device or agency that conceals or acts as a barrier” (занавес, барьер), которое актуализируется в следующих контекстах: *-In his book he gave much thought to the iron curtain between the ego and the unconscious.* – В своей книге он много размышляет о железном занавесе, разделяющем эго и бессознательное.

– *The era of Iron Curtain was over.* – Эпоха Железного Занавеса закончилась. В данном примере речь идет о политическом, военном и идеологическом барьере в отношениях между странами, подобно тому, как занавес в театре отделяет сценическое пространство от зрительного зала.

Другое переносное значение лексемы “curtain” – “end” (конец, особенно жизни), “death” (смерть) - репрезентируется в контексте *-It will be curtains for us if we're caught.* – Нам крышка, если нас поймут. Сема «окончание» актуализируется через выражения “the curtain comes down on smth”, “the curtain falls on sth”, “the final curtain”, “the curtain falls on smth” в следующих текстовых фрагментах: *– Last night, the curtain came down on 14 years of Tory rule.* – Вчера пришел конец четырнадцатилетнему правлению Тори.

– *As the final curtain fell on the longest match in tennis history, Agassi emerged victorious.* – Когда окончился самый длинный матч в истории тенниса, Агасси вышел на корт победоносно.

Семантический признак «окончание», «смерть» связан с предназначением занавеса, который является средством отделения или скрывания актеров и декораций от публики, подобно тому, как смерть отделяет этот мир от загробного, или конец чего-то разделяет разные фазы или виды деятельности или события.

3) Lights / limelight

Свет театральный – искусство освещения театрального пространства: пространства, где находятся зрители, и пространства сценического. Сценический свет является важнейшим (а иногда и определяющим) компонентом создания визуального образа спектакля [www.krugosvet.ru]. Сценический свет помогает представить актеров в выгодном свете (в прямом и переносном значении). Отчасти благодаря свету рамп актеры находятся в центре внимания. В жизненных ситуациях лексема “limelight” употребляется именно в переносном значении – «в центре внимания»:

– *John Denison was an architect who did not court publicity or revel in the limelight.* – Джон Денисон был архитектором и не признавал публичность и удовольствие от внимания людей.

– *Neither he nor Peter can conceal excitement at being back in the limelight again.* – *Ни он, ни Питер не могут скрыть волнения от того, что находятся снова в центре внимания.*

– *They may not bask in the limelight when results are good, but their vital contribution to organisation, sponsorship and training are a key factor in sporting success or failure.* – *Они могут не наслаждаться вниманием, когда получают хорошие результаты, но их вклад в организацию, спонсорство и обучение является определяющим фактором успеха или провала.*

Выражение “**be in the limelight**” всегда сопровождается лексемами из сферы эмоциональной коммуникации (*revel* – наслаждаться, получать удовольствие; *bask* – наслаждаться; *excitement* – волнение). Эти эмоции схожи с теми, что испытывает настоящий актер на сцене: он одновременно и волнуется, и получает наслаждение от своей игры перед зрителями.

Итак, в социальной игре элементы театральности выступают компонентами демонстрационной коммуникации, в которой они способствуют общению между воздействующим (подобным актеру) и воздействию (подобным зрителю). Эмоциональное отношение последнего, которое и вызывается элементами театральности, приводит к его реакции и оценке. Другими словами, все, что происходит в процессе общения, можно сравнить с театральным действием.

Лингвистика театра, проникнув в жизнь, приобрела признаки двух видов оценки: положительной и отрицательной. Положительная оценка основана на таких общих свойствах театра и театральности, как зрелищность и самопрезентация, а основу отрицательной оценки составляют ненатуральность, нарочитость поведения, часто направленного на достижение определенного эффекта. Поэтому социальная игра, как средство влияния или воздействия с целью извлечения выгоды, вызывает неодобрение в обществе.

Список литературы

1. Кругосвет: энциклопедия URL : <http://www.krugosvet.ru>
2. The British National Corpus Data Base URL : <http://info.ox.ac.uk/bnc>

List of literature

1. Krugosvet: entsiklopediya URL : <http://www.krugosvet.ru>
2. The British National Corpus Data Base URL : <http://info.ox.ac.uk/bnc>

**СОЦИАЛЬНАЯ ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ НОРМА В ОЦЕНКЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 09-04-85410 а/у

Е. Н. Квашнина

Статья посвящена описанию социальной параметрической нормы в оценке профессиональной языковой личности.

Ключевые слова: социальная параметрическая норма, профессиональная языковая личность.

Социальная природа языка – факт общеизвестный. Чтобы язык более эффективно выполнял одну из своих «социальных» функций – регулятивную, – необходимо, чтобы общество выработало так называемые социальные нормы. «Знание этих норм, – пишет Е.Ф. Тарасов, – характеризует личность как общественное существо, и следование этим нормам составляет одну из существенных сторон бытия личности» [7. С. 272]. Всякие социальные нормы можно также соотнести с некой «коллективной философией» (Ю.Д. Апресян), которая представляет собой определенный способ концептуализации, при этом значения, выражаемые в языке, формируют единую систему взглядов, которая «навязывается» всем носителям данного языка в качестве обязательной» [2. С. 65].

Нормы могут быть кодифицированными и некодифицированными. Среди некодифицированных выделяются параметрические нормы, они содержат параметр – величину, характеризующую какое-нибудь основное свойство устройства, системы.

Параметрические нормы касаются разных аспектов. Это могут быть критерии внешнего вида, внутренних качеств или свойств человека и т.д.

В современной европейской культуре, например, на шкале возраста положительная оценка скорее приписывается молодости, на шкале роста – росту высокому, на шкале толщины – худобе и т. д. Это означает, в частности, что невежливо называть человека *старым, низким, толстым, слабым* [3].

Социальная параметрическая норма имеется и в определении уровня профессионализма человека. Актуальность обозначения на-

званного критерия определяется, в частности, тем, что лексем, которые могут быть использованы для обозначения профессионализма, насчитывается более тридцати.

Все определения, так или иначе связанные с параметрической нормой в оценке профессионализма человека, можно разделить на четыре группы.

Во-первых, отражающие степень признанности того или иного специалиста, например, *авторитетный, важный, известный, крупный, признанный, уважаемый* и т.д.

Во-вторых, связанные со степенью профессиональной подготовки: *глубокий, грамотный, компетентный, квалифицированный, настоящий, образованный, опытный, осведомленный, сведущий* и т.д.

В-третьих, содержащие субъективную оценку в восприятии работника: *золотой, идеальный, изумительный, настоящий, превосходный, прекрасный, сильный, удивительный, хороший, чудесный* и т.п.

В-четвертых, отражающие личные качества работника: *деятельный, дисциплинированный, добросовестный, инициативный, предприимчивый, энергичный* и т.п.

Параметрические нормы опираются на возможности антонимии, которая представляет собой одну из важнейших лингвистических универсалий и является одним из характерных проявлений природной склонности человеческого ума. Известно, что существенные с точки зрения человеческой практики различия в предметах и явлениях объективного мира отражаются в языке как противоположность [5. С. 6]. Различаются два вида противоположности: контрарная и комплементарная. Контрарная противоположность выражается видовыми понятиями «Х» и «У», между которыми возможно третье, среднее «Z». Комплементарная противоположность представлена видовыми понятиями «Х» и «У», **дополняющими друг друга до родового** так, что между ними невозможно никакое третье, среднее понятие [5. С. 9].

Идея данной статьи – определить, какой из видов противопоставлений используется чаще всего при определении уровня профессиональной подготовки человека, а также проанализировать особенности функционирования параметрической нормы.

В функционировании данной нормы чаще участвуют три группы прилагательных: качественные, многозначные, оценочные. Рассмотрим, в чем заключается разница выражения параметрической нормы в этих трех группах.

Качественные прилагательные составляют, по Л.А. Новикову, группу однокоренных, соразмерно противопоставленных качественных слов. Симметричность проявляется здесь как своеобразная «отменяющая» определенное свойство противоположность [5. С. 9]. В противопоставлениях такого типа антонимов точкой отсчета (нормой) является исходное слово, а сами значения антонимов нейтрализуются в промежуточном слове:

норма

(+) *грамотный* (+ -) (*малограмотный*) (-) *безграмотный*
 (+) *компетентный* (+ -) (*малокомпетентный*) (-) *некомпетентный*

Движение при этом происходит только в одностороннем порядке, от исходного слова *грамотный*, *компетентный* и т.д., а не от среднего компонента: *малограмотный* (*немного грамотный!*) и т.д. Налицо контрарная противоположность, она выражается видовыми понятиями, между которыми возможно третье, среднее, и которые не только отрицают друг друга, но и характеризуются своим положительным содержанием.

Многозначные прилагательные также участвуют в формировании параметрической нормы, например, прилагательные *глубокий*, *настоящий*, *тонкий*.

Лексема *глубокий* обладает, в частности, значением «*Обладающий глубиной, большой и сильный*» [6. С. 109]. В качестве антонимической пары слову *глубокий* представлена лексема *поверхностный*, она означает «перен. *Не входящий в существо, глубину чего-н., несерьезный*» [Там же. С. 427]. Эта антонимическая пара интересна тем, что значения, которые стоят за данными словами, не являются противопоставленными друг другу. Итак, эту неравнозначность можно представить следующим образом:

норма

(+) *глубокий* (+ -) ? (-) *поверхностный*
 (большой) ? (несерьезный)
 (сильный) ? ?

Мы наблюдаем ситуацию, при которой антонимия имеется, но значения данного слова не соотносятся со значением элементов, образующих антонимическую пару. Другими словами, на уровне лек-

сем антонимия выражена, а на уровне значений данных лексем – нет. Естественно поэтому, что слова *большой* или *сильный* (специалист) никак не могут быть противопоставлены слову *несерьезный*.

Рассмотрим ситуацию с использованием слова *настоящий*. Фраза «он *настоящий специалист*», несомненно, содержит оценку. Она, в частности, содержится в одном из значений слова *настоящий* – «*Действительно такой, какой должен быть, представляющий собой лучший образец, идеал чего-н.*» [б. С. 316]. В этом случае понятие параметрической нормы также связано с исходным прилагательным. Любопытно, что в качестве антонима лексема *настоящий* имеет слово *поддельный*. В словаре С.И. Ожегова *поддельный* трактуется как «*Представляющий собой подделку, фальшивый*» [б. С. 433].

норма

(+) *настоящий* (+ -) ? (-) *поддельный*
(лучший) (фальшивый)

Как видим, нет моделей, в которых этот признак был бы представлен средним параметром. Интересно, что значения слов, образующих антонимическую пару, также между собой не являются антонимами, то есть слово *лучший* никак не противопоставлено слову *фальшивый*.

В слове *тонкий* одно из значений «*Острый, пронизательный, умный*» [б. С. 654] может быть отнесено и к понятию специалист. Фраза «*тонкий специалист*», несомненно, возможна. В этом случае антонимических отношений у слова *тонкий* не возникает, если мы, конечно, отказываемся от пары *тонкий – толстый*. В оценке специалиста присутствует не явно выраженная, опосредованная антонимия, которая содержится в одном из значений слова *тонкий – умный*. Отметим также, что отсутствует не только выражение наименьшей степени качества (*нетонкий?*), но и срединное звено в проявлении качества (*не совсем тонкий?*).

норма

(+) *тонкий* (+ -) ? (-) ?
(умный) (неумный)?

Очевидно, в данном случае антонимические отношения не вербализованы, имеется лишь прилагательное в исходной форме, кото-

рое и представляет норму. Многозначные слова также участвуют в формировании параметрической нормы в оценке уровня профессионализма человека, однако антонимия, в русле которой проявляется оценка, специфична.

С одной стороны, она может быть представлена лишь одним компонентом, противоположный признак при этом либо предполагается, либо выражается лексемой, значение которой отражено в одном из значений противоположного слова: *тонкий* (*умный*) специалист. С другой стороны, прилагательные выступают в качестве антонимов, например, *глубокий* – *поверхностный* или *настоящий* – *поддельный*, однако значения слов, образующих антонимическую пару, между собой не антонимичны.

Среди оценочных слов остановим свое внимание на словах *сильный* и *хороший*. Слово *сильный* имеет значение «*Сведущий, талантливый*» [6. С. 585]. Лексема *слабый* означает «*Неискусный, плохой*» [Там же. С. 593]. В данном случае антонимия *сильный* – *слабый*, казалось бы, очевидна, но при этом слова, входящие в эту пару, несут разные смыслы. Если слово *сильный* содержит подтекст «*сведущий*», то слово *слабый* – «*плохой*».

норма

(+) <i>сильный</i>	(+ -) <i>средни</i>	(-) <i>слабый</i>
(сведущий)		(плохой)

В этом случае антонимические отношения образуются, но лексемы явно не совпадают в своих значениях. Рассмотрим еще одну пару оценочных слов. Лексема *хороший* содержит значение «*Положительный по своим качествам, вполне удовлетворительный, такой, как следует*» [6. С. 709]. Слово противоположного значения *плохой* имеет значение «*Лишенный положительных качеств, неудовлетворительный, не удовлетворяющий каким-нибудь требованиям*» [6. С. 424]. В данном случае мы имеем довольно четко выраженную антонимию, в которой отражены не только крайние степени проявления качества, но также и срединное проявление качества. Так, встречающиеся в текстах фразы типа «*Он хороший специалист*», «*средний специалист*», «*плохой специалист*» прагматично ориентируют адресата относительно профессионализма определенного лица.

норма

(+) *хороший*

(+ -) *средний*

(-) *плохой*

(удовлетворительный)

(неудовлетворительный)

Налицо контрарная противоположность, при которой антонимия выражается всеми тремя членами противопоставления. Норма, как видим, опять же находится в сфере слова, выражающего максимальную положительную степень проявления качества.

Таким образом, участие оценочных слов в формировании параметрической нормы довольно существенно, более того, оно отличается от других групп прилагательных. Самое главное их отличие в том, что они образуют контрарную схему антонимии, при которой вербализованы все звенья: максимальное проявление признака – среднее – минимальное (*хороший – средний – плохой специалист*). При этом значения противопоставленных лексем могут совпадать между собой, например, «*хороший*» – «*плохой*» (*удовлетворительный – неудовлетворительный*), а могут и не совпадать: «*сильный*» – «*слабый*» (*сведущий – плохой*).

По замечанию М.А. Кронгауза, колебания в употреблении оценочных прилагательных типа *хороший* и *плохой*, более значительны, чем колебания в употреблении прилагательных цвета типа *красный*, *синий* и *желтый*. По его мнению, оценочные слова передают индивидуальный жизненный опыт таким образом, что нормы возраста, длины, высоты – семантические переменные – заменяются прагматическими переменными: «*молод по сравнению со мной/для меня*», «*высок по сравнению со мной/для меня*», «*тяжел по сравнению со мной/для меня*» и т. д. Таким образом, оценка зависит и от самого субъекта, его качеств, состояния и т.д. В этом случае использование оценочных слов очень индивидуально [3].

При обозначении уровня профессиональной подготовки человека важно следующее: в отличие от норм в определении возраста, длины и т.д., которые носят субъективный характер, норма в определении профессионального уровня более объективна. Иными словами, если специалист, то *грамотный*, *настоящий*, *сведущий* и т.д., очевидно, именно представление о максимально выраженном признаке является отправной точкой для определения уровня профессиональной подготовки человека.

Как правило, слова, отражающие данную параметрическую норму, оказываются между собой в синонимических отношениях. Так,

лексемы *грамотный, знающий, компетентный, сведущий* содержат сему «осведомленный»; прилагательное «хороший» входит в синонимический ряд со словами *отличный, прекрасный, превосходный, отменный, первоклассный*.

Представляется очевидным также то, что с точки зрения использования всех лексических элементов, участвующих в функционировании данной параметрической нормы, очень важно, чтобы в акте коммуникации говорящий правильно соотносил слова и смыслы. Лишь при условии верного представления о синонимии единиц, появляется возможность адекватного участия в диалоге. Например, фразы «он *грамотный / зрелый / компетентный / сведущий (специалист)*» в определенном контексте явно синонимичны между собой, так же, как и «он *неграмотный / некомпетентный / неопытный (специалист)*» и т.д.

Итак, участие качественных, многозначных, оценочных прилагательных по-разному сказывается на реализации параметрической нормы. Качественные и оценочные прилагательные образуют контрарную противоположность, которая выражается видовыми понятиями, между которыми возможно третье. Точкой отсчета, нормой является исходное слово, отражающее максимальное проявление качества. В многозначных словах, как правило, антонимические отношения могут быть как вербализованы, так и не вербализованы. В последнем случае антонимия может быть представлена двумя компонентами, значения которых, в свою очередь, не противопоставлены между собой, а может быть выражена лишь одним компонентом, при этом противоположный признак, как правило, лишь предполагается.

Рассмотренные нами примеры дают возможность заключить, что в функционировании данной параметрической нормы не используется комплементарная противоположность, представленная строго двумя компонентами, между которыми невозможно третье, среднее звено. Это, очевидно, можно объяснить тем, что профессиональная подготовка человека – категория, градуальная и по смыслу, и по структуре. Рост профессионализма человека – это всегда процесс, движение от меньшего к большему, от низшего к высшему, к примеру, *плохой – средний – хороший – отличный (специалист)*.

Итак, параметрическая норма в определении уровня профессионализма – важная составляющая социальной нормы вообще, ее наличие, несомненно, облегчает коммуникативный процесс, прежде всего, в профессиональной среде.

Список литературы

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка. Около 11 000 синонимических рядов. М. : Русский язык, Медиа, 2007. 564 с.
2. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
3. Кронгауз, М. А. Семантика и прагматика. Кемерово, 2008.
4. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
5. Новиков, Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. свыше 3 000 антоним. пар / Под ред. Л.А. Новикова. М. : АСТ ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 3–30.
6. Ожегов, С. И. и Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. - 4-е изд., дополненное / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. М. : АЗБУКОВНИК, 1999. 944 с.
7. Тарасов, Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М., 1974. С. 272.

List of literature

1. Aleksandrova, Z. E. Slovar' sinonimov russkogo jazyka. Okolo 11 000 sinonimicheskikh rjadov. M. : Russkij jazyk, Media, 2007. 564 s.
2. Krasnyh, V. V. Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii: kurs lekcij. M. : ITDGK «Gnozis», 2001. 270 s.
3. Krongauz, M. A. Semantika i pragmatika. Kemerovo, 2008.
4. Krysin, L. P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 888 s.
5. Novikov, L. A. Russkaja antonimija i ee leksikograficheskoe opisanie // L'vov M.R. Slovar' antonimov russkogo jazyka. svyshe 3 000 antonim. par / Pod red. L.A. Novikova. M. : AST PRESS KNI-GA, 2006. S. 3–30.
6. Ozhegov, S. I. i Shvedova, N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. - 4-e izd., dopolnennoe / S.I. Ozhegov i N.Ju. Shvedova. M. : AZBUKOVNIK, 1999. 944 s.
7. Tarasov, E. F. Sociolingvisticheskie problemy teorii rechevoj kommunikacii // Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti / Otv. red. A. A. Leont'ev. M., 1974. S. 272.

**НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ
ЕДИНИЦЫ ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТОВ
(К ПРОБЛЕМЕ СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ЭКСПЕРТИЗ ДОКУМЕНТОВ)**

Исследование проведено при поддержке Гранта РГНФ-Администрации
Волгоградской области № 08-04-20401а/В.

С. П. Кушнерук

Статья посвящена роли клише и документных формул, реализуемых в современных документных текстах. Единицы и их реализация рассматриваются в аспекте проведения лингвистических судебных экспертиз.

Ключевые слова: документный текст, клише, документная формула, лингвистическая судебная экспертиза.

В связи с все более частыми экспертизами документных текстов (ДТ), содержанием вопросов, поставленных перед экспертами, возникает необходимость в прояснении характера и функций единиц - устойчивых образований, которые, в отличие от средств, имеющих, по мнению Т.Г. Винокур, негативно-оценочное и часто субъективное значение [1. С. 588–589], нейтральны в эмоционально-оценочном смысле, носят характер готовых речевых блоков и устойчиво используются при создании ДТ. В современной лингвистике продолжается дискуссия об отношении понятий *штамп* и *клише*, структурная и функциональная неоднородность этих единиц осложняет их классификацию и разграничение. Сложности привели к тому, что исследователи, либо предлагали считать приведенные термины синонимами, либо избирали именованья на основе субъективных критериев, либо, обходя неоднозначности именованья, использовали нетерминологические, описательные способы называнья [2–5].

Исследование номенклатурных и функциональных качеств текстовых компонентов дает основание для выделения неоднородной группы единиц, в которую входят **клише** и **документные формулы**. Анализ текстов различных документов [6, 7. С. 176–194] показал роль устойчивых нетерминологических единиц в создании ДТ, в обеспечении их функционально-коммуникативных качеств, в за-

креплении и отражении логико-смысловой структуры. Устойчивые нетерминологические единицы являются значимыми текстообразующими и текстоорганизующими элементами, их реализация отражает осознанное стремление к выполнению унифицирующих правил, действующих в отношении ДТ. Отметим важную особенность клише и формул: они выполняют не только «строительную», текстообразующую функцию, но и маркеркируют текстовые фрагменты, в которые они включены. Для эксперта-лингвиста принципиальна связь этих единиц с нахождением устойчивого отношения между ситуациями, явлениями и способами их устойчивого представления в текстах, как считают В.А. Алексеева и К.А. Рогова: «Клиширование формул и синтаксических построений необходимо для выражения типовых ситуаций» [4. С. 28].

Анализ ДТ позволяет выделить два класса нетерминологических единиц, активно участвующих в построении текстов.

Первая группа – *клише*. Термин толкуется синонимами: *стереотип, шаблон* [1. С. 589], называет устойчивые единицы, воспроизводимые в ДТ, подобно терминам, в ограниченном наборе своих вариантов. Это качество сближает клише с многокомпонентными терминологическими единицами. Однако вариантность реализации многокомпонентного термина связана, как правило, с полнотой его воспроизводимости; состав лексических единиц, входящих в термин при этом не меняется, изменяется количество определителей, конкретизаторов ядерного компонента. Термин реализуется в тексте в полной или в одной из усеченных форм: **Фонд муниципального имущества контролируется подразделением муниципальной администрации. Проверка состояния фонда имущества осуществляется по плану. Изменения в состоянии фонда отражаются в соответствующих документах.**

Вариантность документных клише проявляется двояко. Первый механизм вариантности сходен с тем, который реализуется в отношении многокомпонентных терминов: клише воспроизводятся с различным уровнем полноты. Второе проявление вариантности связано с образованием парадигма устойчивых единиц, включающих клише с одинаковыми организационно-смысловыми функциями в составе ДТ. Эта особенность предполагает многовариантность реализации клише. Варианты клише образуют различные по объему парадигмы речевых реализационных вариантов, сохраняющих смысловые и структурные качества инварианта. Примеры некоторых клише и реализации их вариантов в реальных ДТ представлены в **Таблице**.

Инициальные клише и варианты их документных реализаций

Текстовая функция	Условный инвариант: речевые реализации
<i>Просьба</i>	Прошу Вас...: <i>Прошу Вас...; Сообщаю Вам... и прошу...; Убедительно прошу...; Прошу принять меры;... Незамедлительно просим Вас...</i>
<i>Благодарность</i>	Благодарю Вас...: <i>Мы благодарны Вам...; Выражаем вам глубокую признательность...; С чувством глубокой признательности...; Наша искренняя признательность...; От всей души благодарю Вас...</i>
<i>Сожаление</i>	К сожалению...: <i>К нашему сожалению...; К большому сожалению...; Очень жаль, но...</i>

Обратим внимание на выявленную позиционно-смысловую дифференциацию клише. В текстах выделяются единицы с инициальным расположением в высказываниях, являющихся самостоятельными микротекстами в составе ДТ и имеющих собственные коммуникативные задачи. Инициальные клише не только являются средствами унификации, они выполняют функции инициальных маркеров содержания микротекстов. **Просим Вас рассмотреть** возможность заключения договора о партнерских отношениях, содержание аспекты которого оговаривались во время семинара по экономическому развитию. **Предлагаем Вам** расширенный спектр услуг, которые оказывает наша фирма (список прилагается). **Будем признательны за** Ваш ответ с конструктивными предложениями по реализации достигнутых соглашений.

Часто в ДТ используются неинициальные и распределенные клише. **Напоминаем, что выплаты в полном объеме с вашей стороны должны быть произведены на основании решения Советского районного суда г. Волгограда. Оплату просим произвести до 01.11.2009, в противном случае дело будет передано в Арбитражный суд.**

Некоторая неопределенность значения термина **клише**, рассматриваемого в координатах то лексических, то фразеологических систем, связана с двумя, как минимум, обстоятельствами. Во-первых, с функционально-структурной неоднородностью единиц, реализуемых

в различных по стилистической отнесенности текстах; во-вторых, с различными степенями унифицированности и спаянности единиц и вариантностью их структурной организации. Неоднородность документных клише вполне объяснима не только с позиций условий реализации общих законов речепостроения и формирования единиц языковой системы. На образование клише и их использование большое влияние оказывают экстралингвистические обстоятельства. Одновременное комбинаторное действие внешних унифицирующих регуляторов, тематических ограничителей, влияющих на выбор документных средств, приводят к видовой и реализационной вариантности документных клише в ДТ.

В процессе исследования ДТ выявлены колебания в размерах документных клише. Единицы могут быть бинарными, включающими два лексических компонента: *в целях, на основании; просим Вас; считаем целесообразным*. Представительной является группа многокомпонентных устойчивых единиц.

Для значительной группы многокомпонентных документных клише характерна особая структурно-смысловая функция. Речь идет о группе многокомпонентных образований, которые являются смысловыми реперзентантами речевых отрезков, в которые клише входят. Эти клише имеют более сложную семантическую структуру, чем клише, выполняющие лишь структурные функции (например: *в соответствии с; в целях; считать недостаточными*). Такие единицы, как: *На Ваш запрос сообщаем...; Довожу до Вашего сведения, что...; В соответствии с предварительной договоренностью...; На основании вышеизложенного, предлагаю...*, распространяют собственную семантику на фрагменты ДТ, в которых они воспроизводятся. Для этих текстовых фрагментов, в особенности – при инициальном расположении, клишированные единицы выполняют функции функционально-тематических маркеров документных фрагментов.

Вторую группу нетерминологических устойчивых единиц составляют **документные формулы**. В отличие от клише, документные формулы образуют особый класс завершенных, семантически стабильных унифицированных единиц, сохраняющих структурно-синтаксическую и смысловую самостоятельность элементов, входящих в формулы. Частота использования речевых формул, увеличение их типологической номенклатуры отражает развитие языка, освоение все более широким кругом носителей специальных средств

документной коммуникации [8. С. 39–55]. В отличие от просторечных речевых формул, связанных с ритуальными ситуациями [9], документные формулы освобождены от экспрессивной составляющей. Использование единиц, допустимых в условиях специальной коммуникации, сопровождается параллельным процессом, при котором реализация речевых формул во все определеннее конкретизирует и закрепляет реализации речевых тактик, являясь их речевыми экспликаторами [9].

Документные формулы – важные текстообразующие и текстоорганизующие элементы. Их реализация отражает осознанное стремление к соблюдению унифицирующих правил, которые действуют не только в отношении элементов, входящих в ДТ, но и в отношении функционально самостоятельных фрагментов текста или в отношении ДТ в целом. Устойчивость формулы как фрагмента ДТ – лингвистическое отражение регулируемости документируемых ситуаций [10. С. 109–128].

Убедительной иллюстрацией качеств формул являются их реализации в фрагментах и полных текстах договоров. Создание договора включает выбор текста-ориентира, состоящего из устойчивой совокупности документных формул-микротекстов в составе цельного регулируемого унификаторами текста. Жесткость позиционирования, организации, вербального состава позволяет говорить о формировании текста-формулы, предполагающего введение ограниченного набора переменных вербальных компонентов. Унификация функциональных условий, влияние экономико-правовых регуляторов, ужесточает требования к составляющим, входящим в ДТ [7. С. 210–216]. Процесс составления текста часто сводится к дополнению унифицированной формулы знаковыми компонентами, индивидуализирующими и актуализирующими текст-формулу.

Механизмы реализации документных клише и формул, их системная поддержка в составе ДТ имеют одну природу. Здесь интересен не столько речевой инвариант, сколько диапазон вариантности, допускаемый правилами построения текстов. Ситуации, при которых формульный статус приобретают существенные по размерам документные фрагменты, характерны не только для ДТ различных функциональных групп. Соотношение формульной и переменной частей текста позволяет оценить степень его унифицированности.

Степень участия документных формул в составлении текстов, относящихся к различным видовым группам документов, различна,

частота реализации документных компонентов, с одной стороны, и отношения, характеризующие использование различных групп документных формул, с другой стороны, позволяют разработать основания для двумерной классификации текстов. Изучение принципиальных свойств ДТ путем их позиционирования в матрице отношений «количество клишированных формул – объем клишированного фрагмента текста» выводит компонентную оценку текстов из области эмпирических догадок и неустойчивых гипотез, формируемых на основе впечатлений и обманчивого «здорового смысла», на уровень количественно-качественной модели-ориентира для экспертной оценки.

Анализ реализации нетерминологических многокомпонентных документных средств дает возможность сделать следующие выводы.

1. Довольно широкий диапазон возможных значений показателя активности документных формул свидетельствует о существенности различий в уровнях унифицированности ДТ и степени их трафаретности; эти свойства проявляются и в объеме доли документных фрагментов, являющихся клише или формулами различной структурной сложности.

2. Различия ДТ, проявляющиеся в отношениях между объемами текстовых фрагментов, которые являются клише и документными формулами, с одной стороны, и фрагментов, составленных из дискретных единиц, демонстрируют вариантность текстов в ее связи с коммуникативными условиями применения текста. Чем жестче и определеннее совокупность формальных условий функционирования документа, тем больше оснований для закрепления в тексте устойчивых элементов в виде документных формул – абзацев, групп абзацев, микротекстов. Чем выше уровень воздействия экстралингвистических правил, регулирующих документируемые процессы и чем жестче алгоритм реализации документируемого действия (отношения, правила, условия), тем выше вероятность использования модели «документная формула-текст», или, как минимум, увеличения доли документных формул-абзацев.

3. Позиционирование текстов различных видов в матрице является презентацией корреляционных отношений между степенью регулируемости, параметров ДТ, с одной стороны, и частотой и уровнем сложности документных формул, используемых в текстах.

Понятные с практической точки зрения попытки исчерпывающим образом задать все составляющие ДТ при его включении в докумен-

ты с едиными коммуникативно-формальными правилами приводят к активизации документных формул-текстов. Вполне доказательным примером такой ситуации могут быть параметры текстов договорных документов, задаваемых на входе документационного процесса как список текстов-формул. И, наоборот, для некоторых ДТ возможна относительная свобода в организации текста, допускающая последовательный выбор лексико-фразеологических средств, пошаговый переход от словаря к тексту. Для таких текстов возможности относительного выбора каждого последующего текстового элемента приводит к снижению доли устойчивых многокомпонентных конструктивов – клише или формул.

Список литературы

1. Винокур, Т. Г. Штамп // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 588.
2. Кожина, М. Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории. Пермь: изд-во ПермГУ, 1983. С.15–24.
3. Практическая стилистика русского языка. / Под ред. В. А. Алексеевой, К. А. Роговой. М. : Высш. шк., 1982. 144 с.
4. Рахманин, Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М. : ИНФРА-М, 1997. 192 с.
5. Янковая, В. Ф. Деловой стиль: о специфике языка управленческих документов // Секретарское дело. 2001. № 4. С.17-22.
6. Дулина, Н. Н. Варианты клише в текстах деловых писем //

List of literature

1. Vinokur, T. G. Shtamp // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 588.
2. Kozhina, M. N. O sootnoshenii nekotoryh stilisticheskikh ponyatiy i kategoriy s funktsional'no-semanticheskimi kategoriyami // Struktura lingvostilistiki i ee osnovnye kategorii. Perm': izd-vo PermGU, 1983. S.15–24.
3. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka. / Pod red. V. A. Alekseevoy, K. A. Rogovoy. M. : Vyssh. shk., 1982. 144 s.
4. Rahmanin, L. V. Stilistika delovoy rechi i redaktirovanie sluzhebnykh dokumentov. M. : INFRA-M, 1997. 192 s.
5. Yankovaya, V. F. Delovoy stil': o spetsifike yazyka upravlencheskikh dokumentov // Sekretarskoe delo. 2001. № 4. S.17-22.
6. Dulina, N. N. Varianty klishe v tekstah delovykh pisem // Sek-

- Секретарское дело. 2003. № 6. С. 10–13.
7. Кушнерук, С. П. Современный документный текст: проблемы формирования развития и состава. Волгоград : Волгоградское научн. изд-во, 2005. 337 с.
8. Баранов, А. Н. Понятие речевой формулы: определение и типология // Русский язык. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. М., 2003. С. 39–55.
9. Барсукова, М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Саратов, 2007. 21 с.
10. Кушнерук, С. П. Лингвистика документной коммуникации: теоретические аспекты. Волгоград: Волгоградское научн. изд-во, 2007. 276 с.
- retarskoe delo. 2003. № 6. S. 10–13.
7. Kushneruk, S. P. Sovremennyj dokumentnyj tekst: problemy formirovaniya razvitiya i sostava. Volgograd : Volgogradskoe nauchn. izd-vo, 2005. 337 s.
8. Baranov, A. N. Ponyatie rechevoy formuly: opredelenie i tipologiya // Russkiy yazyk. Vyp. 2. Aktivnye yazykovye protsessy kontsa XX veka. M., 2003. S. 39–55.
9. Barsukova, M. I. Meditsinskiy diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha: avtoref. diss. ... kand. filol. n. Saratov, 2007. 21 s.
10. Kushneruk, S. P. Lingvistika dokumentnoy kommunikatsii: teoreticheskie aspekty. Volgograd: Volgogradskoe nauchn. izd-vo, 2007. 276 s.

**О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ
МАРГИНАЛЬНОСТИ КОНТАМИНАЦИИ**

Н. А. Лаврова

Статья посвящена рассмотрению некоторых причин периферийности контаминации как словообразовательной модели. В результате исследования было обнаружено, что словообразовательная плеонастичность контаминации в английском языке имеет следствием неактивное использование носителями языка этой модели: предпочтение отдается традиционным сокращениям, словосложению и аббревиатуре. Тем не менее, по сравнению с некоторыми другими – генетическими родственными и неродственными языками, в частности с немецким, венгерским и хорватским, контаминация в английском оказывается более распространенной, что обусловлено типологичностью словосложения и различного рода сокращений для английского языка.

Ключевые слова: контаминация, сокращение, словосложение, плеонастичность.

Несмотря на возрастающий интерес к изучению контаминации (в западной терминологии – блендам, словам-портмоне), до сих пор остается открытым вопрос о том, почему усечение и стяжение морфем представляет собой периферийный, или маргинальный, способ образования новых слов, несмотря на то, что удовлетворяет основным требованиям, предъявляемым к языковому знаку – краткости и информативности. По данным неологических словарей (1960–1980: The Barnhart Dictionary of New English since 1963 (1973), The Second Barnhart Dictionary of New English (1980), und Webster's Third New International Dictionary of the English Language (1961), контаминанты составляют не больше 2 % неолексем, и хотя в настоящий момент наблюдается их активный рост, прежде всего, за счет неотерминов и сленгизмов, можно констатировать, что только 5 % современной неолексикой представлена контаминантами, а если вести подсчет по нормативным словарям общей лексики, эта цифра снижается до 1 и менее процентов (НБАРС, 1999).

Согласно данным, приводимым Г. Кэнноном (2000), лексические контаминанты представляют собой очень старую словообразо-

вательную модель, обнаруживаемую в ведическом санскрите, древнегреческом, латинском, древневерхненемецком. Однако активного распространения в европейских и других языках контаминация не получила; причины этого до сих пор остаются не выясненными. Маргинальный статус контаминации проявляется, с одной стороны, в том, что эта модель может быть слабо развита в отдельно взятом языке и, с другой, в том, что некоторым языкам она оказывается чуждой. Согласно П.М. Бертинетто (2001), «не все языки в равной степени используют эту словообразовательную модель: в испанском, например, мы не найдем практически ни одного примера <...> В то же время, английский, немецкий и французский относительно часто используют этот способ словообразования, который также, хотя и в значительно меньшей степени, присутствует в итальянском (перевод наш – *Н.Л.*)» [1. С. 61].

Одной из причин маргинального статуса контаминации может быть ее своеобразная словообразовательная плеонастичность: в английском языке хорошо развито словосложение, аббревиация и сокращение, представляющие собой варианты компрессивного словообразования (представляется, что сокращенные слова также суть варианты компрессивного словообразования, так как за более кратким набором графем и фонем стоит то же содержание, хотя и с возможными стилистическими коннотациями). Другой причиной является сознательное или неосознанное отрицательное отношение носителей языка к словам-контаминантам. Это обусловлено тем, что при объединении двух слов в одно получившееся новообразование, как правило, сохраняет акцентно-слоговую структуру одного их исходных слов и, таким образом, напоминает малапропизм или образования, созданные по принципу народной этимологии; известно, что и то, и другое, если только они не используются в особых стилистических целях, встречаются в речи малообразованных или необразованных людей, или тех, кто по тем или иным причинам не знакомы с правильным произношением, а также правописанием, семантикой и т.д. употребляемого ими слова. Наконец, еще одной причиной может выступать тот факт, что создание контаминированного слова узуального характера сопряжено с определенными ментальными усилиями, поэтому в том случае, если говорящий пытается подыскать новое слово, которое, как ему кажется, более точно передает то содержание, которое он планирует передать, используется, как правило, узуальное слово, которое модифицируется с помощью

префиксов, суффиксов, полуаффиксов или посредством прибавления «слов-паразитов» (ср. англ. junk words) вида «как бы», «типа», «своего рода» (англ. sort of, kind of, as it were). По всей видимости, неспособность говорящего подобрать *узуальное* слово приводит к возникновению всевозможных окказиональных образований неконтаминированного характера. В отношении контаминантов можно констатировать, что абсолютное большинство из них создаются намеренно, то есть в особых стилистических целях, результатом является возникновение всевозможных сленгизмов или авторских неологизмов в прессе и художественной литературе. Большинство носителей языка отдают предпочтение узуальным словам, контаминанты же творятся либо людьми художественно одаренными (в большей или меньшей степени), либо теми, кто любит искажать слова, играя с ними (авторы слов-сленгизмов), либо для достижения юмористического эффекта, либо в области терминообразования для номинации комплексного предмета или явления, составные элементы которого могут быть описаны с помощью двух (иногда – более) узуальных слов. Таким образом, для контаминантов не остается места среди общеупотребительной лексики, в которой с помощью словообразовательной модели стяжения новые слова практически не создаются, а те, что уже имеются, датируются в среднем XVIII веком и многими носителями языка как контаминированные не осознаются, как, например, слово “cantankerous” – cant + rancorous.

Несмотря на плеонастический характер контаминации, существует определенная связь между частотностью некоторых словообразовательных моделей в языке и распространенностью или нераспространенностью контаминации. Исследование, проведенное Р. Брдар-Жабо и М. Брдар (2008), показало, что чем менее в языке развиты словосложение и сокращение, тем более маргинальной оказывается контаминация. Объясняется это тем, что контаминация в упрощенном виде представляет собой своего рода синтез словосложения и сокращения: сначала происходит усечение элементов слов, затем – их слияние. Иными словами, можно предположить, что языкам, не знающим словосложение и сокращение, контаминация будет чуждой. Контрастивно-типологический анализ Р. Брдар-Жабо и М. Брдар четырех языков – английского, немецкого, венгерского и хорватского показал, что наиболее развитой контаминация оказывается в английском языке, наименее – в хорватском; немецкий и венгерский языки занимают промежуточное положение. На первый

взгляд, в этой теории можно увидеть противоречие, так как общеизвестно, что для немецкого языка словосложение оказывается в высшей степени типологично. Не отрицая этого факта, авторы приводят убедительные данные о том, что на фоне этого в немецком оказывается не столь развитым сокращение слов, которое к тому же нередко сопровождается прибавлением суффикса, что в конечном итоге превращает слово в дериват, поскольку именно этот словообразовательный процесс оказывается последним по времени. Это обстоятельство, по мнению Р. Брдар-Жабо и М. Брдар, препятствует развитию контаминации в немецком языке, поскольку, как показывают исследователи, большинство осколочных элементов контаминанта представляют собой либо полностью закрытый слог, либо элемент, замыкаемый согласной графемой, например: **beelzebug, n.**: satan in the form of a mosquito that gets into your bedroom at 3 in the morning and cannot be cast out.; **cashtration, n.**: the act of buying a house, which renders the subject financially impotent for an indefinite period; **caterpallor, n.**: the color you turn after finding half a grub in the fruit you're eating; **grantartica, n.**: the cold, isolated place; **kinstirpation, n.**: a painful inability to move relatives who come to a visit. "Assuming that these two word formation patterns [composition and clipping], which can also be invoked in defining blends, are structural prerequisites for blending in the sense of well-entrenched model paths to follow, we might conclude that the English environment is just right for it, English and Hungarian following closely, while these preconditions are practically lacking in Croatian as far as compounding is concerned" [2. С. 186].

Необходимо подчеркнуть, что маргинальность контаминации следует рассматривать исключительно с позиций узуальной, общепотребительной лексики, если же говорить о словарях сленга, в которых контаминированные слова составляют около 10 %, и эта цифра с каждым годом возрастает, а также учитывать тот факт, что в последнее время появляются отдельные словари контаминантов (первый такой словарь для английского языка датируется 1993 годом), а также детские книги, в которых активно эксплуатируется контаминация и представляет собой сквозной стилистический прием (см. книги В. И. Э. Канн), можно констатировать, что контаминация представляет собой одну из оптимальных моделей экспрессивно-эмоционального, окказионального словообразования, популярную среди ряда современных авторов и молодежного сленга.

Список литературы

1. Bertinetto, Pier Marco. Blends and syllable structure: A four-fold comparison. Lorente, Mercè, Núria Alturo, Emili Boix, Maria-Rosa Lloret, Lluís Payrató, eds. *La gramàtica i la semàntica en l'estudi de la variació*. –Barcelona: Promociones y Publicaciones Universitarias, 2001. – P. 59–112
2. Brdar-Szabó R., Brdar M. On the marginality of lexical blending // *Linguistics (Jezikoslovje)*. 9.1 -2/2008. – P. 171–194
3. Cannon, Garland. Blending. Booij, Geert, Christian Lehmann, Joachim Mugdan, unter Mitarbeit von Wolfgang Kesselheim und Stavros Skopeteas, eds. *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. 1. Halbband. – *Morphology. An International Handbook on Inflection and Word-Formation*. Volume 1. (HSK. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 17.1). – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2000. – P. 952–956

**ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
В ЯЗЫКЕ (БРАЧНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ)**

Д. С. Малых

Статья посвящена анализу гендерных стереотипов с опорой на материал брачных объявлений.

Ключевые слова: брачные объявления, гендерные стереотипы, гендер.

Гендерные исследования становятся все более и более распространенными, хотя это достаточно новое направление в гуманитарной науке, находящееся на стадии становления.

На современном этапе уже появился ряд работ, где делается попытка системного осмысления и описания языка в связи с феноменом пола, создается теоретическая модель гендера и производится систематизация методологических подходов к исследованию проблемы гендера в языкознании.

Наряду с понятием гендер, исследуется и такой термин, как гендерный стереотип. Вслед за многими исследователями в данной работе гендерный стереотип понимается как сформировавшиеся в культуре обобщенные представления о том, как ведут себя мужчины и женщины.

Словарь гендерных терминов дает следующее определение гендерных стереотипов. Они представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения [2. С. 62].

В данной статье рассматривается функционирование гендерных стереотипов в брачных объявлениях.

Брачные объявления стали неотъемлемой частью социокультурной жизни общества. Очевидным является факт, что количество брачных объявлений и объявлений с целью знакомства в последние годы увеличилось. Брачное объявление является сложной коммуникативной системой, поскольку, с одной стороны, это модель речевого

поведения, за которой стоит определенная целеустановка, с другой стороны это речевое произведение. Брачное объявление – жанр доступный любому, кто хочет воспользоваться данным способом знакомства. В брачных объявлениях отражаются гендерные стереотипные представления наивных носителей языка.

Каждый, кто использует данный вид знакомств, предъявляет определенный набор требований к адресату, а также описывает себя, выделяя при этом основные, значимые качества своей личности. С одной стороны, это может быть указание своего социального статуса, семейного положения, психологических качеств (эмоциональное состояние, характер) и др. с другой стороны, авторы брачных объявлений предъявляют целый ряд требований к потенциальному партнеру. Зачастую это связано с тем, что основным мотивом подачи брачного объявления является желание создать семью, даже если это напрямую и не указывается. Кроме того, к подобному виду знакомств прибегают люди, как правило, в возрасте и, возможно, имеющие определенный опыт, семейной жизни. Рассмотрим примеры брачных объявлений.

1) *Ведущий бухгалтер в крупной компании. Сыну 15 лет. Добрая, скромная, самостоятельная. Увлекается литературой, природой, любит встречаться с друзьями. Хочет найти: самостоятельного, умного, порядочного мужчину, без жилищных проблем.*

2) *Директор филиала. Детей нет. Справедливая, добрая, женственная, сильная личность. Любит лошадей, путешествие к морю (в отпуск), караоке. Хочет найти: мужчину от 30 до 60 лет; образование высшее, состоятельный, можно с детьми.*

3) *Пенсионер МВД. В разводе 21 год. Три взрослых дочери. Стройная, активная, ведет здоровый образ жизни, с ангельским характером. Хочет найти: доброго, не пьющего мужчину до 58 лет.*

В данных примерах авторы объявлений указывают свой социальный статус и профессиональную состоятельность, перечисляют свои положительные качества, причем эпитет «добрая» встречается почти в каждом объявлении. Для женских брачных объявлений характерно наличие описательных словосочетаний: например, «с ангельским характером», что свидетельствует о чувстве юмора и завышенной самооценке у автора. Для женщин важна их самостоятельность и независимость. Кроме всего прочего, женщины указывают свои пристрастия: «увлекается литературой, природой, любит встречаться с друзьями», «любит лошадей, путешествие к морю (в отпуск), караоке», «ведет здоровый образ жизни». Авторы

объявлений стараются максимально четко раскрыть грани своей личности, таким образом сузить круг предполагаемых адресатов. Женщины показывают свою материальную и профессиональную состоятельность. Это говорит о том, что наблюдается переход от образа женщины-домохозяйки и хранительницы домашнего очага к образу женщины, умеющей зарабатывать.

Обратимся к мужским брачным объявлениям.

1) *Электрик. В разводе, сыну 8 лет. Бывший спортсмен, не курит, имеет две машины и дачу. Хочет найти: вторую половинку.*

2) *Охранник ЧОП. Вдовец. Трое взрослых сыновей. Без вредных привычек, любит музыку, хорошо поет. Хочет найти: серьезную, порядочную женщину, от 45 до 55 лет, не худую.*

3) *Менеджер сетевого маркетинга. Выглядит моложе своих лет. Увлекается фото, книгами, музыкой. Хочет найти: стройную, позитивно настроенную девушку от 28 до 40 лет, выше 170 см.*

В мужских брачных объявлениях подчеркнуты физические данные «бывший спортсмен», «выглядит моложе своих лет», акцентируется отсутствие вредных привычек и высокий профессиональный статус.

В женщинах мужчины ищут прежде всего красоту внешнюю «не худую», «стройную» «выше 170см», а уже потом говорят о других качествах. Авторы этих сообщений довольно четко указывают параметры адресата, желая уменьшить круг потенциальных партнеров. Женщина глазами мужчины, прежде всего, должна хорошо выглядеть, а затем быть порядочной и позитивно настроенной. Что вкладывают мужчины в эти понятия? «Порядочная» – это хозяйственная и надежная, а «позитивно настроенная» – это добрая, интересная и отзывчивая девушка.

Итак, в брачных объявлениях отображены определенные гендерные стереотипы. Мужчины ценят в женщинах красоту, доброту и порядочность. Женщины отдают предпочтение самостоятельным, состоятельным и без вредных привычек мужчинам.

Список литературы

1. Введение в гендерные исследования. Ч 1.: Учеб. пособие \ под ред. И. А. Жеребкиной. Спб., 2001. - 708
2. Словарь гендерных терминов // под ред. Денисова А.А. М.: 2002
3. <http://www.zebra-life.ru/klients/>

List of literature

1. Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch 1.: Ucheb. posobie \ pod red. I. A. Zherebkinoy. Spb., 2001. - 708
2. Slovar' gendernyh terminov // pod red. Denisova A.A. M.: 2002
3. <http://www.zebra-life.ru/klients/>

**ПАРАДИГМА ЭКСПЛИКАЦИЙ МОДУСА ГОВОРЯЩЕГО
КАК СУБЪЕКТА РЕЧИ В РУССКОМ
И БЕЛОРУССКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ**

Т. А. Пивоварчик

В русле традиций сопоставительной прагматики анализируется выбор средств экспликации говорящего как субъекта речи в русских и белорусских речэтикетных формулах. Выделено шесть способов «корректировки» приоритета говорящего как субъекта речи в сторону его усиления или ослабления в соответствии с характером речевой ситуации и коммуникативными намерениями собеседников. Анализ позволяет обнаружить различия в национально-культурных представлениях о социально одобряемой модели поведения.

Ключевые слова: модус говорящего, субъект речи, речевой этикет, сопоставительная прагматика.

Сопоставительная прагматика является актуальным направлением в изучении близкородственных языков и культур, где формально-структурные различия относительно невелики, однако удается обнаружить существенные расхождения в функционировании языковых единиц и категорий. Главной задачей сопоставительной прагматики признается «исследование средств, избираемых говорящими на разных языках при реализации одних и тех же типовых коммуникативных задач в сходных ситуациях общения» [1. С. 62]. Различная роль одних и тех же языковых единиц и функционально-семантических категорий в национальной дискурсивной практике связана с различиями в языковой картине мира, с наличием разных правил речевого поведения, со своеобразными аксиологическими системами и этноспецифическими традициями.

Анализируя речевые формулы, мы можем обнаружить содержащиеся в них национально-культурные представления о социально одобряемой модели поведения, предписанной участникам речевой ситуации их ролями, о правилах выбора того или иного языкового средства для экспликации этих ролей в речевом высказывании и т.д. Для обозначения адресанта или адресата в национальных речевых культурах может отдаваться предпочтение лично ориентиро-

ванной или безличной форме, эксплицитному или имплицитному способу представления участников речевой ситуации, проявляется тенденция «самоустранения» или, наоборот, «эгоцентриции» субъекта речи и т.д.

Под речевыми формулами (устойчивыми формулами речевого общения) нами понимаются высказывания, используемые говорящими в качестве особого типа социальных действий. Такие формулы именуются в разных исследованиях как «языковые шаблоны» (Д.Л. Хаймс), «устойчивые формулы общения» (Н.И. Формановская), «ритуализированные перформативные формулы» (А.А. Романов), «стандартизированные речевые стереотипы» (С.М. Эрвин-Трипп), «ситуативные обозначения» (В.Г. Гак), «стереотипные реплики» (Б.Ю. Норман), «коммуникативные стереотипы» (И.И. Токарева), «прагматические клише» (Е.В. Клюев, Р. Ратмайр). Каждая речевая формула связана с определенным речевым стереотипом, она ценностно окрашена (имеет свою ценностную нишу в аксиологической системе правил речевого поведения), обладает высокой степенью конвенционализации, подтверждающей, что формула социально одобряется.

Значительную часть речевых формул составляют единицы, формирующие национальные системы речевого этикета, на материале которых рассматриваются способы и средства представления адресанта как одного из участников речевой ситуации.

Выбор средств экспликации говорящего как субъекта речи в речезыкетной формуле связан: а) с фактором адресата (каковы будут оценка и последующие действия адресата), б) с нормами коммуникативного взаимодействия (нарушает или не нарушает такой способ имеющиеся в обществе нормы), в) с характером речевой ситуации (соответствует ли такой образ «я» остальным компонентам ситуации); г) со стремлением говорящего более четко, открыто обозначить персонализационные параметры общения.

Анализ русских и белорусских формул речевого этикета позволил выделить шесть способов «корректировки» приоритета говорящего как субъекта речи в сторону его усиления или ослабления: 1) употребление / элиминация местоимения *я* при глаголе-сказуемом; 2) изменение актантажной позиции местоимения *я* при глаголе-сказуемом; 3) смена модально-временных планов перформативных и воликативных предикатов в автореферентных формулах; 4) включение в автореферентную формулу предикатов вежливости; 5) включение в формулу «экспрессивно заряженных» наречий и прилагательных как интен-

сификаторов вежливости речевого действия; б) усложнение формулы авторизованными конструкциями с глаголами говорения.

Первый из указанных способов экспликации модуса говорящего связан с характеристикой степени эгоцентричности речевого поведения адресанта и с понятием речевой скромности. Несмотря на то, что с точки зрения языковой системы наиболее удачный (экономный, ясный) способ самообозначения адресанта – личное местоимение *я* (т.к. оно прямо предназначено для референции адресанта), в речевых формулах говорящий часто отказывается от местоимения *я* и выбирает языковые средства, указывающие на него (говорящего) опосредованно: личные глаголы, лексемы с референцией к говорящему, притяжательные местоимения и т.д. Такой выбор объясняется тем, что, хотя в языке местоимение *я* не имеет субъективно-модального значения, в речи оно становится центром субъективности: *я* в формуле актуализирует индивидуально-личностные свойства адресанта (указывает на человека не в общем, а в частном значении), подчеркивает субъективность высказываемого мнения и во многих контекстах оказывается каузально связанным с высокой степенью личной ответственности адресанта за его речевые поступки.

Значение местоимения *я* А.М. Пешковский называл первообразом таких понятий, как «яйность» и «самость» [2. С. 156] (ср. с замечанием Бенвениста о том, что местоимению *я* присущи «уникальность и субъективность» [3. С. 267]). В восприятии носителей языка употребление *я* в речи связано с **идеями самоотжестственности, самоутверждения** (кто *я*) и самоопределения (какой *я*), с идеей уникальности и «отличности» от других [4. С.148–149; 5. С. 84–87]. Нарочитое «якание» свидетельствует о намерении говорящего определенным образом выделить, подчеркнуть свою персону: бел. (из «Абразкоў» В.Содаля) *Звычайна на званок я бяру трубку і кажу сваё кароткае і лаканічна цвёрдае «Я». Кажу гэта сваё «Я» важна, з годнасцю. <...> Усяляк можна разнастайніць першыя словы на позву тэлефоннага званка. У гэтым і багацце нашае мовы, і выява свайго «Я». Але як мне здаецца, самым натуральным словам будзе слова з адной літары – «Я». Я – асоба. Я – постаць! Я – гэта павага да сябе, да свайёй пярсоны* (Наша слова. 1994. № 8). Семантическая специфика местоимения *я* заключается и в том, что, представляя актанта ситуации как личность, индивидуальность, оно в то же время не ограничивается каким-либо одним параметром: «может обозначать индивида при выполнении им самых разных ролей в ситуации» [6. С. 80].

А.М. Пешковский присутствие *я* при личных глаголах рассматривал как норму для русского языка, хотя и указывал на их «ненужность» и на то, что, вставляя их, мы получаем речь более вялую, «разжиженную», спокойную [2. С. 184–187]. В.В.Виноградов подчеркивал, что в книжных стилях сочетание глагольной формы 1-го лица и личного местоимения нейтрально и нормативно, в то время как в разговорной речи преобладают предложения без местоимений [7. С. 374–375]. Пропуск *я* вносит в русские и белорусские высказывания разговорного стиля динамизм, делового стиля – категоричность. Лингвисты отмечают связь употребления *я* не только со стилевой принадлежностью высказывания, но и с его модальной перспективой: «Появление местоимений при глагольных формах 1-го лица определяется модальными характеристиками высказывания <...> связано с большей или меньшей степенью уверенности говорящего в истинности/неистинности высказывания с сопутствующим модальным значением огорчения, иронии...» [8. С. 30].

В то же время употребление *я* вызывает и прагматические эффекты, так как на первый план выдвигается говорящий с его интенциями. Избыточная манифестация значения 1-го лица личными окончаниями и личными местоимениями в русских и белорусских формулах приводит к перераспределению функциональной нагрузки «тождественных» форм. И если глагольная форма сохраняет «прагматический нейтралитет» и продолжает выполнять свою основную семантико-синтаксическую функцию, то местоимение *я* оказывается более чувствительным к речевой ситуации и становится активным в своих вторичных функциях: «подчеркивание личности говорящего», «нескромное самовосхваление», «акцентирование внимания на информации о говорящем», «противопоставление действиям других лиц».

Противоположное явление – отсутствие личного местоимения – делает речевое действие как бы «обезличенным», в меньшей степени соотносимым с личностью адресанта, позволяет говорящему избежать нескромности, в ситуации неравенства ролей собеседников – нивелировать различия, если они не в пользу адресата.

При анализе русских и белорусских формул было выявлено, что местоимение *я* оказывается часто употребляемым в определенных типах речевых актов, усиливая их экспрессивность и подчеркивая заложенную в них интенцию. Из 22 проанализированных типов речевых актов регулярное использование местоимения *я* при глаголе-сказуемом (и при кратком прилагательном-сказуемом) оказалось свойственно

свойственно лишь пяти речевым актам: обещания, эмотивного благо-расположения, предложения, угрозы, отказа и несогласия.

Систематическая элиминация агентивного местоимения, затушевывание *я* в формулах других речевых ситуаций может рассматриваться как тактический прием адресанта, чтобы представить себя и адресата как равных субъектов. Употребление местоимения *я* в значении 'тот, кто говорит; субъект речевой деятельности' оказывается связанным с той ситуационной ролью, которую в каждом случае выполняет адресант, и с наложением иерархии коммуникативных ролей на иерархию ролей ситуационных.

Почти обязательно наличие местоимения *я* в комиссивах – формулах обещания, клятвы, присяги, заверения, что связано с характером ситуации, когда обещающий для большей убедительности (для эффективности речевого акта) должен подчеркивать свое признание обязательства перед адресатом и свою готовность выполнить обещаемое. Интенциональная рамка высказывания-обещания с эксплицитным *я* следующая: 'хочу сказать тебе, что полностью осознаю высокую степень своей личной ответственности за дальнейшее развитие данной ситуации'. Поскольку комиссивы – это речевые акты, осуществляемые «в пользу» адресата, то запретов на эксплицитное *я* в них нет. Примеры: рус. *Этого я не забуду, честное слово* (М. Горький); *Я напишу тебе!*; бел. *Я не скажу нікому!*; *Больши я цябе не патрывожу!*; *Я буду цябе аж да самай смерці любіць і шанаваць* (М.Гарэцкі); *Я дзеля цябе ўсё зраблю* (У. Караткевіч). Такие формулы с глаголом-перформативом характерны в основном для сферы официальных отношений и торжественной обстановки: рус. *Со своей стороны я обещаю, что...*; бел. *Я паабяцаю вам зрабіць усё, што толькі даступна сілам чалавечым* (У.Караткевіч), а прагмазначение индивидуальности подчеркивается регулярностью сопутствующего местоимению *я* приложения-конкретизатора: имени, имени-отчества, фамилии и т.п.: бел. *Я, грамадзянін Рэспублікі Беларусь (прозвішча, імя, імя па бацьку), знаходзячыся на службе ва Узброеных сілах Рэспублікі Беларусь, прымаю прысягу і ўрачыста клянуся...*

Роль адресанта регулярно эксплицитруется местоимением *я* в формулах эмотивного благорасположения, обозначающих искренность и силу чувств адресанта, его истинные или предполагаемые в соответствии с речевой ситуацией эмоции, направленные на адресата. Многие из таких формул представляют собой высокостереотипные

реплики вежливости: рус. **Я** рад буду благословить вас!; **Я** счастлив снова видеть вас! (ср.: Рад буду благословить вас!; Счастливы снова видеть вас!); бел. **Я** рад, што з вамі спаткаўся!; **Я** застаюся з глыбокай паішанай да Вас! Местоимение я призвано подчеркнуть искренность и силу чувств адресанта.

Местоимение я регулярно в речевом акте предложения: рус. **Я** могу подбросить вас!; бел. **Я** магу падвезці вас схадай!, но фактор адресанта в них ослабевает в связи с тем, что такие речевые акты чаще всего начинаются с обращений к адресату как протагонисту речевой ситуации, подчеркивающих, что развитие ситуации и дальнейшие действия адресанта в значительной степени зависят от желания адресата: рус. Аким, **дай я** тебя подстригу (В. Астафьев); **Хочешь, я** наряжу тебе елочку? (В. Шукшин); **Может, я** пойду куплю четверинку? (В.Шукшин); бел. **Дайце я** перавяжу!; **Дай я** спярша цябе пацалую!; **Можна, я** кажух прынясу?; **Пазвольце, я** прачытаю!; **А што, калі я** цябе на добрую пасаду настаўлю? Речевой акт предложения, оформленные как двусоставные предложения с эксплицитным я, связаны с темой помощи адресату и приближаются по своему характеру к речевому акту обещания: бел. (предложение – обещание помощи) **Чакай, я** цябе на дарогу выведу (К.Каганец); (согласие – обещание оказать помощь) – **Пакажы нам дарогу!** – **Дык добра, я** вас аж у Стаўбцы завяду (К. Каганец).

Местоимение я при сказуемом оказывается регулярным в речевом акте угрозы: рус. **Я** тебе покажу!; **Вот я** тебе!; **Я** тебе выволочку устрою!; бел. **Я** вам (табе) пакажу!; **Ось я** табе!; **Я** ж цябе пракляню!; **Я** вась вам прыпомню аб сабе! Избыточное указание на лицо в местоименной и глагольной лексемах усиливает жесткость и категоричность сообщаемого, ср.: **Пракляню** цябе!; **Прыпомню** вам! Особо среди угроз выделяются высказывания, построенные «переносом» действия адресата на адресанта, например: рус. **Я** тебе посмотрю по сторонам!; **Я** тебе покурю, каналья! (А.И. Куприн); бел. **Вось я** табе пагойкаю!; **Я** табе пакатаюся! Многие реплики угрозы при исключении из них личного местоимения я вообще теряют свою интенцию: рус. ***Посмотрю** тебе!; бел. ***Пакажу** табе!

Местоимение я в репликах отказа и несогласия приглашает адресата обратить внимание на право говорящего поступать по-своему, личностный компонент выделяется как приглашение к диалогу: рус. **Я** должен встретиться с ними!; **Я** ничем не могу тебе помочь!; бел. **Я** мушу сваё адстаяць! В таких конструкциях особую роль играет

представленность модального состояния адресанта (*могу / не могу, хочу / не хочу, вынужден, должен / не должен* и т.д.). Формула без личного местоимения выражает более категоричный отказ, приобретает оттенок вызова со стороны адресанта. Ср.: **Я не хачу туды!** – *Не хачу туды!*; **Я магу і стоячы паслухаць!** – *Магу і стоячы паслухаць!* Усиление интенции возможно за счет инверсии: *Не магу я цябе перахаваць!* При наличии местоимения *я* в формуле отказа или несогласия акцент ставится на противопоставленность двух лиц, актуализируется персональный компонент в семантической структуре формулы. Сошлемся на мнение французских лингвистов Ж. Брейяра и И. Фужерон, а также Т.М. Николаевой, изучавших особенности использования *я*-конструкций в русской диалогической речи, о том, что содержательной категорией, определяющей употребление личного местоимения, является согласие/несогласие с горизонтом ожидания Другого. В конструкциях с опущенным личным местоимением акцент делается на имеющуюся ситуацию, на намерение адресанта совершить или не совершить действие, на противопоставление двух способов развития ситуации. Подчеркивая высокую частотность конструкций, в которых *я* не опускается, мы говорим о том, как персонализирует себя адресант.

Проанализируем второй из указанных способов, связанный с ранговой иерархией актантов, указывающих на говорящего как субъекта речевого действия, и с вытекающей отсюда социальной неравнозначностью синтаксических позиций. Можно выстроить следующую иерархическую цепочку местоименно-актантной выраженности адресанта в формуле в сторону понижения его коммуникативного ранга (в каждом случае местоимение связано с лексемой, называющей речевое действие адресанта безотносительно к теме ситуации): *я* → *мне* → *от меня* → *у меня* → \emptyset .

Рус.: (1) **Я** желаю Вам успеха; (2) **Мне** хочется пожелать Вам успеха; (3) Позвольте **мне** пожелать Вам успеха; (4) Примите **от меня** пожелания успеха; (5) **У меня** есть к вам просьба; (6) Пусть вам сопутствует успех.

Бел.: (1) **Я** шчыра дзякую вам; (2) **Мне** хочацца выказаць вам падзяку; (3) Дазвольце **мне** выказаць вам шчырую падзяку; (4) Прыміце ад мяне словы ўдзячнасці; (5) **Я маю** да вас прапанову; **У мяне** ёсць да вас прапанова; (6) Вы заслужылі словы падзякі.

В (1) местоимение *я* находится в самой сильной позиции – коммуникативного фокуса высказывания – как с точки зрения иерархии

падежей и падежных значений (субъект действия), так и с точки зрения линейной структуры формулы.

Во (2) форма дательного падежа, обозначающая субъекта непроизвольного действия-состояния, ведет к снижению активной роли говорящего в ситуации, его «намеренности» влиять на развитие ситуации. Формулы такого типа распространены в русском официальном дискурсе, но почти совсем не характерны для белорусского речевого общения.

В (3) и (4) роль подразумеваемого протагониста ситуации отдается адресату (позиция имеет нулевое выражение при глаголе 2-го лица). В этих речевых формулах мы имеем полипропозитивную структуру: первая пропозиция – позвольте мне / примите от меня, вторая пропозиция – я желаю успеха, в результате чего словоформы мне и от меня совмещают значения: в (3) – объекта волеизъявления адресата и каузированного субъекта действия, в (4) – адресата каузирующего обращения и казулируемого субъекта действия-отчуждения. Синтаксема «от + род. личного местоимения или имени лица» в речевых формулах всегда связана со стремлением адресанта отдать приоритет в ситуации адресату: Примите от меня поздравления/ соболезнование/ слова благодарности; бел. Прымеце, калі ласка, дзядзька настаўнік, гэтую драбніцу ад сваёй шчыра вам адданай вучаніцы (Я.Купала). Полнота формулы, заполнение актантной позиции субъекта повышают экспрессивность высказывания, выполняют эмоциогенную функцию, ср.: бел. Усяго табе лепшага! и Будьвай здароў і ўсяго табе ад мяне лепшага! (С. Баранавых), но в стереотипизированной форме пожелания исключается именно этот содержательный компонент, потому что без него формула становится более нейтральной, ни к чему адресата не обязывающей, то есть может использоваться при разных отношениях коммуникантов. Прагматически значимым является и линейное перемещение местоимения из сильной позиции начала высказывания в более слабую позицию середины высказывания.

В (5) значение прямой субъектности уступает место опосредованной характеристике субъекта с оттенками поссессивности и состояния, а не действия, как в (1), вследствие чего снижается «активность» адресанта. Снижение «активности», ослабление значения субъектности означает понижение коммуникативного ранга адресанта в пользу адресата.

В белорусском общении активнее используется конструкция с

субстантивной номинацией речевого действия адресанта «глагол *мець* + существительное со значением речевого действия»: *Вось я да яснага пана маю просьбу* (В. Дунін-Марцінкевіч); *Мы маем прапанову да Вас*. Таким образом, прагматическими эквивалентами являются русская модель «у меня (есть) + субстантив речевого действия»: *У меня к вам просьба...* и белорусская «я маю + субстантив».

Формулы (6), в которых говорящий в качестве субъекта речи персонально не определен, свидетельствуют о намерении адресанта в большей или меньшей степени дистанцироваться от этой роли, часто – о намерении смягчить, нейтрализовать ролевую иерархию, представить ситуацию как объективную и типичную. В роли говорящего в формуле в таком случае может выступать «как бы сам миропорядок в целом», ср.: *Вы должны быть более внимательны! – Я советую вам быть более внимательным!*

В свою очередь в повышении коммуникативного ранга говорящего участвуют дополнительные средства актуализации адресанта – формы дат. п. *мне* (дательный этический) и род. п. *у меня* (родительный локализации в сфере влияния лица), функционирующие в качестве усилительных частиц и приобретшие не только эмоционально-экспрессивное, но и социально-регулятивное созначение (показать, что говорящий занимает более высокую позицию в иерархии отношений, а адресат находится в зависимости от него). С одной стороны, они увеличивают субъективную зону говорящего в высказывании, что связано с его контролем над ситуацией, а с другой стороны, формируют модус категоричности, безапелляционности, вносят оттенок угрозы, напр., в императивные конструкции: – *Сиди у меня тихо, – велел теще* (В. Шукшин); *Ты мне не кричи тут!* (РР); бел. *Ты мне шуры-муры не заводзь з гэтай дзеўкай* (Ядвігін Ш.); *Ты глядзі ў мяне! Роўна ў тры гадзіны вымеш пірагі* (З. Бядуля).

В целом анализ речевых формул и шести способов экспликации говорящего как субъекта речи показал, что в персонализации адресанта превалируют дейктические средства языка, но поскольку их частое использование противоречит правилам этикета и этики речевого поведения, то говорящий вообще нередко выражен опосредованно – через единицы с другими значениями и функциями.

Список литературы

1. Сафаров, Ш. Речевые действия этноспецифической личности // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. тр. Калинин, 1989. С. 61–66.
2. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Учпедгиз, 1956.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974.
4. Евтюхин, В. Б. Проблемы интерпретации местоименных слов: о «дейксисе» личных местоимений // Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии: межвуз. сб. науч. тр. Л. : ЛГУ, 1982. С.146–151.
5. Сянкевіч, В. І. Семантыка і прагматыка беларускай мовы. Брэст, 1995.
6. Елисеева, А. Г. Семантическая структура местоименного значения // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 79–92.
7. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М. : Высш. шк., 1986.
8. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика местоимений. На материале иберо-романских языков. М. : Наука, 1974.
9. Фужерон, И. Когда я нужно? // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 4. С.53–57.

List of literature

1. Safarov, Sh. Rechevye deystviya etnospetsificheskoy lichnosti // Lichnostnye aspekty yazykovogo obscheniya: mezhvuz. sb. nauch. tr. Kalinin, 1989. S. 61–66.
2. Peshkovskiy, A. M. Russkiy sintaksis v nauchnom osveschenii. M. : Uchpedgiz, 1956.
3. Benvenist, E. Obschaya lingvistika. M. : Progress, 1974.
4. Evtuyhin, V. B. Problemy interpretatsii mestoimennyh slov: o «deyksise» lichnyh mestoimeniy // Zadachi kommunisticheskogo stroitel'stva i perspektivy razvitiya sovetskoj filologii: mezhvuz. sb. nauch. tr. L. : LGU, 1982. S.146–151.
5. Syankevich, V. I. Semantyka i pragmatyka belaruskay movy. Brest, 1995.
6. Eliseeva, A. G. Semanticheskaya struktura mestoimennogo znacheniya // Voprosy yazykoznaneya. 1987. № 1. S. 79–92.
7. Vinogradov, V. V. Russkiy yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove. M. : Vyssh. shk., 1986.
8. Vol'f, E. M. Grammatika i semantika mestoimeniy. Na materiale ibero-romanskih yazykov. M. : Nauka, 1974.
9. Fuzheron, I. Kogda ya nuzhno? // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 2001. T. 60. № 4. S.53–57.

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ИНТЕРИОРИЗОВАННОГО ДИСКУРСА**

Ю. В. Погребняк

Статья посвящена изучению интериоризованного дискурса, который мы рассматриваем как отражение внутренней речи персонажа в тексте художественного произведения.

Ключевые слова: теоретическое моделирование, интериоризация, дискурс, Дж. Остин.

Интериоризация относится к психологическим категориям и обозначает формирование умственных действий и внутреннего плана сознания через усвоение индивидом внешних действий с предметами и социальных форм общения. Противоположное понятие – экстериоризация, соответственно обозначает переход действий из внутренней и свернутой формы в форму развернутого действия.

Анализ внутренней, или интериоризованной речи какого – либо индивида сопряжён с огромным рядом трудностей, связанных с проблемой проникновения в чужое сознание.

Одним из известных исследователей этой проблемы – проблемы проникновения в чужое сознание – является Дж. Остин.

«Как вы можете доказать, что на самом деле существует другое сознание, которое общается с вашим сознанием? Откуда вы можете знать, как именно проявляется какое – либо другое сознание, и, следовательно, как вы можете его понять?» - задаётся вопросом учёный.

В качестве одного из примеров автор рассматривает высказывание «**How do I know that Tom is angry?**» /**Откуда я знаю, что Том раздражён?**/ (Перевод Макеевой Л. Б., Руднева В. П.) [З. С. 288–289].

По мнению автора многие исследователи считают, что «Я» не должен говорить, что знает, что Том раздражён, поскольку не может проникнуть в его чувства. Однако сам Дж. Остин полагает, что, хотя человек не может проникнуть в чувства Тома, он действительно в ряде случаев может знать, что Том раздражён. Это знание он может получить при помощи интроспекции. В случае интериоризованного дискурса автор художественного произведения наделяет того или иного персонажа внутренней речью исходя из опыта своей внутренней речи, прибегая к методу интроспекции.

Дж. Остин считает, что «...полагать, что вопрос *How do I know that Tom is angry? / Откуда я знаю, что Том раздражён?/* должен истолковываться как *How do I introspect Tom's feelings / Как я проникаю в чувства Тома?/* (ибо именно это составляет или должно составлять основу нашего знания), – значит намеренно заходить в тупик» [3. С. 289].

Следует отметить, что Дж. Остин рассматривает вопрос о способности проникнуть в чувства и мысли другого субъекта с точки зрения успешности коммуникации и приходит к выводу, что подобное занятие является бессмысленным в процессе коммуникации, так как одним из постулатов общения является доверие к собеседнику [3. С. 288–289].

С точки зрения возможности анализа внутренней речи вопрос о способности одного субъекта проникнуть в чувства и мысли другого субъекта также нам представляется бессмысленным. Не требует доказательств тот факт, что субъект может лишь догадываться о внутреннем состоянии другого субъекта и соответственно о содержании его внутренней речи.

Как таковую внутреннюю речь другого субъекта изучать невозможно, однако мы считаем возможным изучать интериоризованный дискурс.

Под интериоризованным дискурсом мы понимаем не собственно мысли и чувства человека, в той или иной степени связанные с языком и речью, которые в чистом виде очень трудно поддаются наблюдению. Под интериоризованным дискурсом мы понимаем мысли и чувства субъекта, нашедшие своё прямое выражение в ткани художественного произведения при помощи автора этого произведения.

Интериоризованный дискурс представляет собой разновидность прямой и несобственно прямой речи, или представленной (*represented speech*) автором речи персонажа художественного произведения, которая характеризуется тем, что слова героя произведения вплетаются в речь автора произведения. Приведём пример.

«Держа записку двумя пальцами, как маленькую змейку, Даша отправилась на кухню и торжественно опустила листок туда, где он неизбежно должен был найти безвременную кончину. Прощайте, Надежда Васильевна! Вы слишком поторопились записать Дашу в свои пациентки!..» [4. С. 157].

В приведённом отрывке интериоризованный дискурс «Прощайте, Надежда Васильевна! Вы слишком поторопились записать Дашу в свои пациентки!..» вплетается в слова автора произведения «Держа

записку двумя пальцами, как маленькую змейку, Даша отправилась на кухню и торжественно опустила листок туда, где он неизбежно должен был найти безвременную кончину.». Главная героиня романа «Амальгама счастья» недовольна своим посещением врача – психотерапевта, так как не считает, что она имеет проблемы психологического характера, и решает навсегда распрощаться с этим специалистом.

Собственно внутренняя речь лишена коммуникативной функции. Интериоризованный дискурс может быть назван именно дискурсом, потому что он приобретает коммуникативную функцию, так как он обращён к читателю через посредство автора художественного произведения.

Интериоризованный дискурс, имея коммуникативную функцию, может рассматриваться как явление в большей степени лингвистическое, нежели психологическое.

Интериоризованный дискурс по сравнению собственно внутренней речью более полон, более развёрнут в плане построения лексических, грамматических и фонетических структур, хотя он сохраняет некоторые черты собственно внутренней речи – обрывочность, свёрнутость, краткость и др. Но существует определённая граница, предел, до которого можно свернуть интериоризованный дискурс, чтобы его понимание читателем не было затруднено.

Интериоризованный дискурс в основном присутствует в художественной литературе, что связано с его специфической функцией – проникнуть в духовный мир человека.

Как известно, ментальное и душевно – психическое состояние субъекта трудно поддаётся описанию в терминах лингвистики. Общеизвестно, что внутренний мир человека не исчерпывается описанием базовых эмоций и когнитивных процессов. Существует огромное множество сугубо индивидуальных психических состояний субъекта в различных модификациях, не до конца или вообще не осознаваемых самим субъектом.

С этой точки зрения можно утверждать, что интериоризованный дискурс – это достаточно мощное стилистическое средство, которое способствует более полному раскрытию и пониманию того или иного персонажа художественного произведения.

В. И. Карасик даёт комплексный обзор различных подходов к пониманию и изучению дискурса, указывая на то, что такое сложное явление может быть рассмотрено и изучено с разных сторон. Автор приходит к выводу, что все подходы к пониманию дискурса можно

свести к двум трактовкам: ситуативно – ориентированной и субъектно – ориентированной. Ситуативно – ориентированная модель предполагает социолингвистическое и прагмалингвистическое описание дискурса. Субъектно – ориентированная модель предполагает описание мотивационно – ориентированного и презентационно – ориентированного дискурса. Кроме того В. И. Карасик даёт анализ конкретных подходов отдельных авторов к пониманию природы дискурса: идеологический подход (Ю. С. Степанов), драматургический подход (Е. Goffman), генеративно – тематический (Б. Е. Чернявская) и др. В целях нашего исследования наиболее применим, на наш взгляд, интерпретативный подход.

При интерпретативном подходе, развиваемом В. З. Демьянковым, дискурс рассматривается как смысловое развёртывание некоторого опорного концепта и создание на базе него общего концепта, и таким образом создаётся мысленный мир, в котором автор, по мысли интерпретатора, конструировал дискурс. В таком дискурсе описывается реальное и нереальное положение дел [2. С. 338–353].

Если рассматривать интериоризованный дискурс с позиций интерпретативного подхода, то на первый план выходят когнитивные аспекты моделирования дискурса, то есть с этих позиций интересно посмотреть, как действительность находит своё выражение в ментальном мире того или иного субъекта. Интериоризованный дискурс в этом плане предоставляет богатый материал, так как в большей степени по сравнению с другими типами дискурса отражает когнитивно – психологические процессы какого – либо субъекта. В этом смысле очень мощным средством разворачивания и, вообще, жизни этого типа дискурса является домысливание интерпретатором.

Интерпретативный подход, на наш взгляд, является базовым при анализе интериоризованного дискурса, так как он в достаточно полной мере способен вскрыть механизмы образования и толкования этого типа дискурса.

Именно интерпретативный подход даёт анализ картины мира индивида на каждом этапе её изменчивого состояния. Можно сказать, что рассматриваемый нами интериоризованный дискурс представляет собой смысловое развёртывание опорного концепта «Я» и создание на базе него различных ситуаций, в которых центральным остаётся понятие самости.

Описываемый нами феномен, который мы называем интериоризованный дискурс, рассматривается нами как лингвистическое явление

ние. Интериоризованный дискурс представляет собой в большей мере, чем какой – либо другой тип дискурса языковое отражение ментального мира субъекта. Общеизвестно, что понятие «мир» может быть разделено на видимый, или внешний и невидимый, духовный мир. Второй мир, духовный, или как его ещё называют, внутренний мир играет для человека очень важную роль, даже ещё более важную, чем внешний мир. Совершенно очевидно, что ментальный мир может рассматриваться как воображаемый мир, как возможный мир.

По Ю. С. Степанову существуют ещё и другие разновидности мира, например, старый и новый мир, где новый мир мыслится как возможный в будущем; понятие «мира» может получать синонимическое обозначение «лагерь» - «мир капитализма» / «мир социализма» [5. С. 217].

Ю. С. Степановым рассматривается также понятие «инога мира», и не обязательно «загробного», а просто «другого» (здесь прослеживается тема эмиграции и изгнанничества). Ю. С. Степанов приходит к интересному выводу «о ментальном расширении первичного концепта, т. е. понятия «Мир как обжитое место, и о параллельном формировании двух понятий – «Ментальный мир» и «Мир – Вселенная, Универсум». И, как нередко бывает и в других случаях, прообраз этого процесса, его модель заданы самим языком в его внутреннем устройстве» [5. С. 219]. То есть, в самом языке, очевидно, заложены механизмы выхода в ментальный мир человека.

Анализируя интериоризованный дискурс, мы убеждаемся в том, что существует множество языковых способов выражения внутреннего мира человека. Происходит некоторое переключение кодов экстериоризованного дискурса на интериоризованный дискурс. Помимо смыслового переключения кодов мы практически всегда наблюдаем языковое переключение в виде особого набора языковых средств.

В приведённом ниже примере используется прямое указание на наличие интериоризованного дискурса – «потеряла дар речи», что автоматически предполагает переключение кода речи на внутренний и её фиксацию в идее интериоризованного дискурса в художественном произведении.

От негодования я потеряла дар речи. Ну, Витька Ремизов, погоди! Придёшь ты ещё к нам в гости в Ложкино полакомиться кулебякой, которую печёт Катерина! [1. С. 23].

Однако часто используются не столь явные, а даже скрытые способы языкового перехода от экстериоризованного к интериоризованному дискурсу.

По мнению Ю. С. Степанова мир осваивается человеком «от себя», от ближайшего к себе пространства к более дальнему пространству «вне себя». И результатом такого движения человека - от ближнего к себе пространства к более дальнему – является построение субъектом ментального мира [5. С. 221].

В приведённом ниже отрывке главная героиня романа сравнивает её собственный мир с чуждым ей и непонятным миром других людей, в котором правит корысть и жажда наживы.

«Она села у зеркала и посмотрела на своё отражение так, будто старое бабушкино трюмо теперь должно было давать ответы на все её вопросы. Она что-то сделала не так? Помешала, отвлекла, оказалась навязчивой?.. Неужели и в Вадике, вечном Вадике, почти надоедливом своим постоянством, произошли перемены? Неужели ничего надёжного не осталось в её мире?» [4. С. 80].

Нами было замечено, что интериоризованный дискурс чаще всего встречается в художественных произведениях, в которых повествование ведётся от первого лица. Этому, очевидно, имеется своё объяснение. Ю. С. Степанов пишет, что в пространстве первого лица, говорящего, «Я», осмысливаются прежде субъективные состояния <...> Что касается выражений с другими лицами – 2-м и 3-м, то следует предположить, что они возникли по аналогии с 1-м лицом путём своего рода метафоры. В них констатируется не состояние человека (это возможно сделать только от первого лица, передающего своё впечатление или ощущение от того, что происходит с ним), а заключения по аналогии, а именно – по аналогии с лицом самого говорящего. Они содержат умозаключения по сходству: при констатации внутреннего состояния только 1-е лицо является подлинной констатацией, высказывания относительно всех других лиц – лишь утверждения о внешнем сходстве с описываемым субъективным состоянием» [5. С. 221].

Это высказывание Ю. С. Степанова ещё раз подчёркивает мысль о том, что субъект не может в полной мере проникнуть во внутренний мир другого субъекта, но может догадываться о процессах, происходящих во внутреннем мире другого человека, опираясь на принцип соотнесения по аналогии своих переживаний, мыслей, чувств и др. с мыслями, чувствами и переживаниями другого индивида. Именно поэтому интериоризованный дискурс тяготеет к своей естественной форме выражения – 1-е лицо. Соответственно, 2-е лицо – собеседник, удалено от «Я», а 3-е лицо – посторонний субъект, не участвующий

щий в коммуникации, является наиболее удалённым от 1-го лица, от «Я». Совершенно очевидно, что существует некоторое движение от внутреннего мира, ментального мира к внешнему, реальному миру индивида. И наоборот, существует движение от внешнего мира к внутреннему. Эта динамика, несомненно, находит своё выражение на всех уровнях и системах языка – в лексике, в грамматике, в фонетике, в графике, в стилистике.

Нам представляется, что такое многомерное образование, как дискурс также подвержено этой динамике. Наблюдения такой динамики позволяет, на наш взгляд, выделить шкалу интериоризации/экстериоризации дикурса. Интериоризация / экстериоризации поддётся градуированию.

Список литературы

1. Донцова, Д. Привидение в кроссовках: роман. М. : Эксмо, 2009. 320с.
2. Карасик, В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520с.
3. Остин, Д. Избранное. М. : Идея – Пресс, 1999. 332с. С. 247–289.
4. Рой, О. Амальгама счастья: роман. М. : Эксмо, 2009. 320с.
5. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. 992с.

List of literature

1. Dontsova, D. Prividenie v krossovkah: roman. M. : Eksmo, 2009. 320s.
2. Karasik, V. I. Yazykovye klyuchi. Volgograd : Paradigma, 2007. 520s.
3. Ostin, D. Izbrannoe. M. : Ideya – Press, 1999. 332s. S. 247–289.
4. Roy, O. Amal'gama schast'ya: roman. M. : Eksmo, 2009. 320s.
5. Stepanov, Yu. S. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. M. : Akademicheskij proekt, 2004. 992s.

СЕМАНТИКА УЛЫБКИ В РОМАНТИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ

Т. Г. Ренц

В статье рассматриваются основные функции улыбки в романтической коммуникации. Основное внимание уделяется семантике исследуемого невербального знака в разнообразных коммуникативных эмоциональных ситуациях, создаваемых романтическими партнерами в процессе общения. Семантические различия улыбки обусловлены коммуникативной установкой и стилем поведения, эмоциональным настроем и эмоциональной восприимчивостью коммуникантов.

Ключевые слова: романтическое общение, невербальные компоненты, категориальная эмоциональная ситуация, улыбка.

В последнее время сместившийся акцент на изучение процесса коммуникации заставил исследователей обратиться к анализу разнообразных аспектов и характеристик речевых актов. Оказалось важным подвергнуть анализу известные невербальные компоненты коммуникации в мало исследованных областях межличностного общения. Цель данной статьи – выявить и описать основные значения мимической кинемы *улыбка / a smile* в общении романтических партнеров. Выбор улыбки в качестве предмета исследования обусловлен, прежде всего, тем, что она играет наиболее заметную роль в романтической коммуникации и несет значительную информационную нагрузку по сравнению с другими мимическими невербальными компонентами. Напомним, что интеллектуальные корни современного интереса к лицевым экспрессиям лежат в середине XIX века, когда Ч. Дарвин в своей работе «Выражение эмоций у человека и животных» впервые теоретически и эмпирически описал выражение лица. Исследования выражений лица связаны с пониманием того, что лицо является носителем богатейшего коммуникативного потенциала: оно отражает межличностные отношения, обеспечивает невербальную связь при взаимодействии с окружающими, является главным после речи источником информации о человеке, по нему можно судить о личностных характеристиках человека, его эмоциональном состоянии в конкретный момент времени.

Как указывалось выше, улыбка относится к числу невербальных компонентов, посредством которых передается значительная часть информации в романтическом общении. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *улыбка* трактуется как «миимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие или насмешку и другие чувства», а глагол *улыбаться* означает «улыбкой выражать свои чувства» [2. С. 861].

Языковыми коррелятами этого невербального компонента в исследуемом материале английского языка являются лексемы *a smile, to smile*. Семантика лексической единицы *a smile* описывается в словарях как «a happy expression» [8], «an expression of the face with the mouth turned up at the ends and the eyes bright, that usually express amusement, pleasure, approval, or sometimes bitter feelings» [7. С. 1251]. Синонимами лексемы *a smile* являются лексические единицы *a grin* «a very wide smile which usually shows the teeth», *a leer* «an unpleasant smile suggesting cruelty, thoughts of sex, etc.», *a smirk* «a silly satisfied smile», *a simper* «a simpering smile; smirk», а также *a laugh* «an act or sound of laughing» [там же].

Глагольная семантика лексемы *to smile* представлена в словарях следующими дефинициями: 1) to have a happy expression on your face in which your mouth curves; 2) to say or express something with a smile [6. С. 626]; 1) to have or make (a smile); 2) to express with a smile; 3) to act or look favourably [7. С. 1251]. Анализ словарных дефиниций также свидетельствует о том, что улыбка может конкретизироваться в следующих словосочетаниях: *a beguiling / intriguing smile; a cheerful / happy smile; a radiant / sunny smile; a fixed / forced smile; an infectious smile; a ready smile; a disarming smile; a sardonic smile; a supercilious smile* [ABBYU Lingvo]; *a broad smile; a proud/lovely smile; a smile of welcome* [7. С. 1251].

Таким образом, улыбка может транслировать положительные эмоции: **счастье, радость, удовольствие и т.д., а также отрицательные:** разочарование, неприятное удивление, иронию, сарказм, гнев и др. Отсюда следует, что она характеризуется множеством нюансов и может выражать различные эмоциональные состояния человека и его отношение к той или иной ситуации в зависимости от эмоционального настроения.

В многочисленных категориальных эмоциональных ситуациях романтического общения улыбка выполняет различные функции [3,

4]. Прежде всего, она является необходимым атрибутом при установлении контакта в ситуации знакомства. Как справедливо указывает Е.И. Шейгал, улыбка является «важным невербальным маркером конфиденциальности общения», знаком «социального поглаживания», который используется в первую очередь для того, чтобы «расположить к себе собеседника» [5. С. 214]. Иначе говоря, улыбка помогает установить с партнером контакт и подключить его к эмоциональному общению. При этом заметим, что люди обмениваются улыбками достаточно предсказуемым способом. Ср.: <...> “I’m a prospector,” Jamie announced. “I’m here to buy some equipment.”

“What is it you need?”

“For some reason, Jamie felt he had to impress the girl. “I – er – you know – the usual.”

She *smiled*, and there was *mischief in her eyes*. «What is the usual, sir?”

<...> Jamie saw that she was teasing him. He *grinned* and confessed, “To tell you the truth, I’m new at this. I don’t know what I need.”

She *smiled at* him and that was *the smile of a woman*. “It depends on where you’re planning to prospect, Mr. -- ?”

“McGregor. Jamie McGregor.”

“I’m Margaret van der Merwe.” (MG, 33)

В рассматриваемой ситуации общения незнакомых друг с другом людей происходит обмен улыбками, которые в тексте репрезентируются словосочетаниями *she smiled, he grinned*. Это подтверждает мысль о том, что вежливая, формальная улыбка выполняет этикетную функцию. Таким образом, она становится фактором, повышающим вероятность позитивного общения коммуникантов и способствующим сокращению дистанции между ними, преодолению отчужденности, стиранию интерперсональных границ. В результате, формируется такая поведенческая доминанта, как коммуникативная аттрактивность, то есть демонстрация расположенности, доброжелательности по отношению к собеседнику. Заметим, что ответная улыбка Маргарет, представленная в тексте как *the smile of a woman*, является положительным раздражителем, который способен изменить поведение партнера по коммуникации, что незамедлительно отразилось на поведении Джеми.

В другой ситуации знакомства также обращает на себя внимание улыбка одного из коммуникантов, поскольку она сигнализирует о возможности общения, то есть поощряет адресата к началу комму-

никации. Ср.: <...> The man looked at her and offered *a bemused smile*. He had deep long dimples that completely changed his face. “I’m Joshua,” he said, as if suddenly realizing that he hadn’t introduced himself. “Joshua Dumas. You can relax in here while I warm up my truck and then we can be on our way. I’ll show you an easy way out of here.”

“Okay,” Jasmine agreed, finding herself *returning his smile reflexively*. Watching him leave, she wondered that she hadn’t seen the warmth and character in his eyes and features before. Tall and broad shouldered, he suddenly seemed very appealing. <...> (JC, www)

Стремясь быть вежливым, говорящий выбирает оптимальную для данного случая дистанцию между собой и собеседницей с учетом степени их знакомства: улыбка Джошуа направлена на то, чтобы расположить к себе девушку, к которой он испытывал теплые чувства. В тексте невербальный компонент представлен словосочетанием *a bemused smile*, где ядерное существительное модифицировано прилагательным *bemused*, семантика которого описана следующим образом: “**slightly confused**” [6. С. 55]. Анализ коммуникативной ситуации показывает, что один из участников взаимодействия транслирует переживаемую им в момент говорения эмоцию смущения: неуверенность Джошуа в возможности общения с Жасмин передается посредством смущенной улыбки. Подчеркнем также, что рефлексия Жасмин находит свое отражение как в вербальной, так и невербальной форме: ответная реплика “Okay” и предсказуемая в известной степени улыбка сигнализируют о начале контакта. Иными словами, собеседница принимает ту дистанцию в общении, которую предлагает партнер; автоматические невербальные компоненты коммуникации здесь не свидетельствуют об удовольствии или радости ее отправителя, они лишь предназначены для облегчения общения, носят формальный, этикетный характер.

По нашим наблюдениям, одной из целей использования улыбки романтическими партнерами является максимальное расширение информативности речи участников взаимодействия. Представляется также, что улыбка на лице говорящего может передавать соответствующее настроение в момент говорения или определенной эмоциональной реакции на высказывание или действие партнера. Ср.: <...> Then he said, “Lovely lady, I’m sorry if I hurt you with my teasing. Bob and I have always teased Connie and Mary Lou, and I just do it without thinking. Don’t you really like it?”

Eleanor *smiled ruefully*. “I guess I don’t like to be reminded of my ignorance. And I never had anyone to tease me before. I’ll have to get used to it, won’t I?” <...> (NMW, p. 47)

Печальная улыбка Элеанор была вызвана предыдущим высказыванием Чада, в котором он в шуточной форме «упрекал» ее в том, что она не умеет готовить яичницу. Семантический потенциал невербального компонента сосредоточен в наречии *ruefully*, которое имеет отрицательную коннотацию: *ruefully* – “showing that you wish something **had not happened but that you accept it**” [6. С. 578]. **Вербальная** и невербальная реакция Элеанор в акте общения дополняют друг друга. В этой связи уместно вспомнить высказывание Ш. Балли о его интерпретации функции актуализации применительно к паралингвистическим средствам, которые он рассматривает на фоне закономерностей формирования реальных речевых высказываний, отмечая их функциональную связанность со структурой высказывания, их постоянное участие в речевом общении [1. С. 96].

В коммуникативных ситуациях романтического общения улыбка одного или обоих партнеров может отражать общий эмоциональный настрой собеседников, характеризующий особенности эмоциональной атмосферы, возникающей в процессе совместной деятельности. Ср.: <...> “Lovely lady, I certainly didn’t plan on *you*. I wasn’t going to even think of women until the old shingle was nailed up good and tight.”

“Are you sorry?” Eleanor *smiled quizzically*.

“I’m not sure,” he teased. “I haven’t had a really coherent thought since Christmas.” <...> (NMW, p. 40)

Рассматриваемый пример фиксирует коммуникативный акт, в котором наглядно демонстрируется комфортное настроение Элеанор и Чада, при этом оба партнера быстро «настраиваются» на эмоциональную волну друг друга. Семантический потенциал невербального компонента актуализируется в наречии *quizzically*, имеющем в данной ситуации положительный вектор: “quizzical” – “(a smile or a look) suggesting that one is laughing at the other person” [7. С. 1079]. Иными словами, улыбка выступает в функции эмоционального резонатора, который отражает способность коммуниканта откликаться на различные эмоциональные состояния партнера.

Известно, что лицо рассматривается как регулятор общения, который либо открывает, либо закрывает каналы коммуникации, дополняет или изменяет поведение окружающих, а также заменяет вербальные сообщения. В невербальном поведении романтических

партнеров можно проследить весьма оригинальное проявление взаимоотношения вербального и невербального, например, речевого высказывания адресанта и улыбки адресата как реакции это высказывание. Ср.: <...> I like to hear you,” Eleanor insisted loyally. “And I like those choruses.”

“You’re prejudiced, Mrs. Stewart... By the way, I like that name.”

“So do I. It means the only real happiness I’ve ever had in my life.”

“Are you happy now, Len?” Chad asked in a low tone.

Eleanor *smiled tenderly* but said nothing.

After a moment’s silence she continued in a softer tone. “So much it hurts.”

“God willing, dear,” he said with a kiss, “I’ll keep you that way.” (NMW, p. 52)

В описываемой ситуации доверительного общения оба партнера эмоционально направлены друг на друга. Экспрессия отношения Чада к собеседнице выражается посредством осторожного проникновения в ее «психологическое пространство»: ему важно знать, счастлива ли она с ним. В ее ответных репликах он находит эмоциональный отклик на свои слова и состояние, причем, Элеанор демонстрирует сопереживание и свое расположение к Чаду. В заключительной части коммуникативной ситуации ее эмоциональная реакция выражается на невербальном уровне: коммуникант задействует мимику лица, репрезентируемую в тексте предложением *Eleanor smiled tenderly*, семантическим центром которого является наречие *tenderly* от прилагательного “tender” – “gentle and loving” [7. С. 1363]. Заменяя вербальное сообщение, улыбка Элеанор несет большую смысловую нагрузку – отражает переживаемую эмоцию счастья и душевный подъем, а также используется в стратегических целях, выполняя функцию коммуникативной поддержки собеседника. Легко заметить, что эмоциональное поведение Чада оказывает влияние на Элеанор, приводит к сокращению дистанции общения между ними, располагает к себе, вследствие чего партнер может добиваться удовлетворения своих потребностей.

В заключение подчеркнем, что репертуар улыбок в общении романтических партнеров весьма широк. Улыбка выполняет различные функции в романтической коммуникации в зависимости от того, на каком этапе осуществляется взаимодействие участников коммуникативной ситуации. Исследование показало, что на этапе становления романтических отношений, в частности, в ситуации знакомства,

улыбка служит этикетным социальным сигналом, который способствует установлению контакта между партнерами, сигнализирует о внимательности и вовлеченности в общение участников конкретной ситуации взаимодействия, создает предпосылки для психологического комфорта и доверительного общения, то есть она является маркером фатического общения. На последующих этапах общения семантика улыбки претерпевает изменения. Она выражает как позитивные, так и негативные эмоции участников взаимодействия: счастье, радость, нежность, разочарование, печаль и др. Семантические различия улыбки как невербального знака обусловлены коммуникативной ситуацией, в которой осуществляется трансляция эмоций, коммуникативной установкой и стилем поведения партнеров, эмоциональным настроением и эмоциональной восприимчивостью коммуникантов. В романтическом общении улыбка может регулировать поведение партнера, смягчать вербальное высказывание, а также выступать в качестве полноценной замены вербального сообщения.

Список литературы

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1993. 960 с.
3. Ренц, Т. Г. Межличностное общение: аспекты любовного дискурса // Известия ВГПУ. Серия «Филологические науки». 2008. № 2 (26). С. 17–20.
4. Ренц, Т. Г. Вербальное и невербальное в любовном дискурсе в русском и английском языках // Сопоставительные исследования. 2007. С. 113–119.
5. Шейгал, Е. И. Параметры доверительного общения / Человек в коммуникации: аспекты исследований: сб. науч. ст. Волгоград : Перемена, 2005. С. 204–220.

List of literature

1. Balli, Sh. Obschaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M. : Editorial URSS, 2001. 416 s.
2. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M. : AZ, 1993. 960 s.
3. Rents, T. G. Mezhlichnostnoe obschenie: aspekty lyubovnogo diskursa // Izvestiya VGPU. Seriya «Filologicheskie nauki». 2008. № 2 (26). S. 17–20.
4. Rents, T. G. Verbal'noe i neverbal'noe v lyubovnom diskurse v russkom i angliyskom yazykah // Sopostavitel'nye issledovaniya. 2007. S. 113–119.
5. Sheygal, E. I. Parametry doveritel'nogo obscheniya / Chelovek v kommunikatsii: aspekty issledovaniy: sb. nauch. st. Volgograd : Peremena, 2005. S. 204–220.

6. Longman Active Study Dictionary (LASD). Essex, England, 2000.

7. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС). Essex, England, 1992.

8. Roget's Thesaurus. (RT) thesaurus.reference.com.

6. Longman Active Study Dictionary (LASD). Essex, England, 2000.

7. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС). Essex, England, 1992.

8. Roget's Thesaurus. (RT) thesaurus.reference.com.

Список источников примеров

1. Arnold, F. H. (NMW) Not My Will. Chicago. Moody Press.1981.

2. Connor, J. Jasmine. (CJ) Writers JC. 2001. www.jackeescorner.com

3. Sheldon, S. (MG) Master of the Game. New York. Boston. Warner Brothers. 2001.

Список источников примеров

1. Arnold, F. H. (NMW) Not My Will. Chicago. Moody Press.1981.

2. Connor, J. Jasmine. (CJ) Writers JC. 2001. www.jackeescorner.com

3. Sheldon, S. (MG) Master of the Game. New York. Boston. Warner Brothers. 2001.

**ЛИЧНОСТЬ АЛЬ-ФАРАБИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКА
И ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

С. А. Тулеубаева

Статья посвящена рассмотрению личности известного мыслителя и философа средневековья аль-Фараби в контексте языка и диалога цивилизаций. Анализируется языковая личность ученого и его вклад в развитие философии языка и логико-грамматических исследований.

Ключевые слова: язык и диалог цивилизаций, средневековая арабо-мусульманская культура, арабский язык, философия языка.

Средневековая арабо-мусульманская культура являет собой важное звено мировой цивилизации. Более того, как отмечают ученые, «до второй половины XI в. наука на арабском языке шла в авангарде мировой культуры» [5. С. 6]. Ее достижения стали результатом взаимного обмена информацией по различным областям знания благодаря приобщению к иным культурам, их принятию, а самое главное – в результате обработки, синтеза и обогащения всего имеющегося опыта человеческой цивилизации, начиная с эпохи эллинизма.

Видится закономерным, что эпоха, в которой, с одной стороны, царил дух толерантности, взаимопонимания и взаимопринятия, а с другой стороны, активно развивалась наука по всем имеющимся направлениям, породила таких ярких личностей мирового масштаба, оставивших заметный след как в истории науки и мысли, так и общечеловеческом духовном и культурном наследии, как Абу Наср аль-Фараби (известный в России, начиная с XV в. через еврейские переводы, как «Авиасаф» и «Авийеше», а в Европе – под именем «Авеннасар» и «Фараби»). Отрекшись от земных благ и всецело посвятив себя поиску знаний и служению науке, он постиг тайнства почти всех наук своего времени – философии, логики, музыки, медицины и т.д., составил одну из гениальных классификаций наук, предпринял попытку создать модель идеального государства. Его духовное наследие носит энциклопедический характер и отражает дух и стиль эпохи, в которую он жил.

В истории человечества есть выдающиеся имена, которые внесли значительный вклад в развитие различных отраслей знания, более того, явились основателями ряда наук и рассматриваются не только на уровне отдельной культуры, а в глобальном масштабе. К их числу относится и аль-Фараби. Жизнь и творчество этого гениального мыслителя средневековья представляет собой тот редкий пример, когда отдельная личность играет ключевую роль в разработке целой культурной традиции. Как отмечают казахстанские фарабиеведы, «непреодолимое значение наследия аль-Фараби определяется и тем, что многие его положения в области философии, социологии, логики, этики, эстетики, естественно-научные идеи оказали большое влияние на последующее развитие общественно-философской мысли народов не только Востока, но и Европы в период средневековья и в эпоху Возрождения» [7. С. 16].

Имя аль-Фараби одинаково близко и дорого многим народам современного мусульманского Востока – в Центральной Азии, откуда он был родом, в Иране, Турции, Индии, Афганистане, Пакистане и во всем арабском мире, в которых хранится большое количество рукописей сочинений ученого (в частности, в различных фондах и библиотеках гг. Алматы, Астаны, Стамбула, Анкары, Тегерана, Каира, Дамаска, Бейрута, Хайдарабада, Бомбея, Ташкента и др.), разносторонне исследуется его богатое наследие, комментируются, издаются и переводятся на различные языки мира трактаты, проводятся международные форумы и конференции.

Рассматривая личность аль-Фараби в контексте языка и диалога цивилизаций, можно заметить следующее. «Второй учитель» (как именовали аль-Фараби на Востоке, признавая первым Аристотеля) избрал в качестве орудия своего творчества арабский язык, который в период расцвета Арабского халифата в IX–XI вв. стал не только государственным языком, языком науки, единственно литературным языком, но и языком эпохи, мировым языком. Это можно утверждать на том основании, что, во-первых, границы империи, созданной арабами, простирались на обширной территории от Атлантического океана до Индокитайского полуострова, во-вторых, именно арабский язык выступил хранителем всей собранной информации, именно на арабский язык осуществлялись переводы с греческого, индийского и персидского. Таким образом, аль-Фараби обращался к миру на языке цивилизации в арабо-мусульманской интерпретации, на том языке, который обеспечивал «взаимопонимание всех

образованных людей и накопление общего культурного фонда» [5. С. 6]. В течение всей своей жизни и творчества ученый вращался в пространстве, открытом для диалога языков, культур и религий. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что философ, будучи выходцем из тюркских земель, прославился как философ, представляющий арабо-мусульманскую культуру, который глубоко постиг и популяризовал греческую философию.

В эпоху, на которую приходится расцвет таланта аль-Фараби, на арабо-мусульманском Востоке складывается единое пространство мысли и науки. Именно в этой атмосфере грандиозного культурного и научного подъема Абу Наср смог проявить свои выдающиеся способности. Говоря о его достижениях, казахстанские ученые указывают, что «аль-Фараби был выдающимся представителем перипатетизма, одним из основоположников прогрессивно-направленной арабоязычной общественно-философской мысли» [7. С. 5–6], что «благодаря своим глубоким и универсальным познаниям он весьма подробно проанализировал сущность наук в разных аспектах» [7. С. 11]. Труд аль-Фараби «О классификации наук» называют «своеобразной энциклопедией средневековья». Идеи ученого оказывают заметное влияние на творчество таких крупных мыслителей Востока, как Ибн Сина, Ибн Баджа, Ибн Туфайль, Ибн Рушд (Аверроэс), и получают у них свое дальнейшее развитие.

Неординарность аль-Фараби проявляется и в его особо трепетном отношении к языку и вопросам языка вообще и, в частности, к арабскому, в разработку научного терминологического аппарата которого он внес неоценимый вклад. Несмотря на то обстоятельство, что проблемы грамматики, логики и философии очень тесно переплетаются в средневековой арабо-мусульманской науке, аль-Фараби считается одним из первых философов, который обратил внимание на тесную связь между развитием наук и языком как средством выражения научных достижений и всего происходящего в обществе. Более того, как гениальная личность он являет собой исторический пример воздействия на язык, который носит надындивидуальный характер, т.е. «чрезвычайно устойчив по отношению к индивидуальному вмешательству, к попыткам сознательно «улучшить» и отрегулировать его» [4. С. 97], и что «не следует забывать, что возможность регулирования языка, воздействия на него весьма ограничены», как заключают современные лингвисты [4. С. 100].

По утверждению арабских исследователей, дарование аль-

Фараби проявляется в его методах поиска, так как он не ограничился анализом движения мысли, а показал ее связь с грамматикой, и именно прекрасное владение арабской грамматикой позволило ему свободно оперировать арабским языком для выражения сложных философских категорий и подчинения его научным задачам [2. С. 13–14]. Подобного мнения придерживается и российский ученый А.В.Смирнов, когда подчеркивает, что «классическое арабское языкознание представляло собой развитую теорию, в которой арабский язык был описан во всех деталях. Для нас важно, что это описание оперировало инструментарием, который применялся и в других областях теоретической деятельности, в частности, таких, как фикх или философия» [6. С. 214–215]. Известно, что аль-Фараби в разработке логики многое почерпнул из арабской грамматики. Таким образом, еще в средние века он выдвинул идею, которую развили последующие поколения ученых, о том, что грамматика ведет за собой мысль и развивает ее.

В связи с проникновением в средневековую арабо-мусульманскую культуру нового научного материала в виде греческих трудов по логике, арабские логики, философы и лингвисты осознали необходимость изучения наук о языке как первостепенное условие для понимания логических терминов и философских законов и проблем. И это было арабским дополнением в древнегреческое наследие, которое основывалось на идее неоспоримого первенства логики перед другими науками. Тем самым арабы утверждали необходимость изучения языка в процессе философского поиска. Объясняя те или иные философские термины, они исходили, прежде всего, из их использования в языке (в частности, в арабском). Это было новшеством в занятии философией и заложило основы для развития идей о создании философии языка, которые получают свое дальнейшее оформление в трудах западных лингвистов. По признанию арабских ученых, пальма первенства в этом вопросе принадлежит Абу Насру аль-Фараби, которому позже последовали и другие, в том числе «мутакаллимы» (ученые-специалисты по догматическому богословию) [1. С. 182–183]. Более того, аль-Фараби, по общему признанию, считается первым философом, который осознал тесную связь логики и грамматики в средневековой арабской мысли, и представил ее в таком полном и детальном виде, что не удалось никому из его предшественников и преемников [3. С. 46]. Его знаменитая «Книга букв» («فصولها باتك») стала первой реакцией сторонников аристотелев-

ской логики на спор, развернувшийся между логиками и грамматиками относительно важности каждой из этих наук [8. С. 523].

Список литературы

1. Зайдан, М. Ф. О философии языка. Бейрут, 1971. 233 с.
2. Maaruf, N. Аль-Фараби арабийй аль-маутын уа ас-сакафа // Аль-Фараби и человеческая цивилизация. Багдад, 1975. С. 5–21.
3. Махди, М. Аль-Фараби и Ибн ас-Саррадж / Аль-Фараби. Книга букв. Бейрут, 1990. С. 44–47.
4. Норманн, Б. Ю. Теория языка. Вводный курс. М., 2004. 220 с.
5. Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. 440 с.
6. Смирнов, А. В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М., 2001. 504 с.
7. Аль-Фараби. Избранные трактаты. Алматы, 1994. 448 с.
8. Халифат С. Метод лингвистическо-логического анализа в арабо-мусульманской мысли: теория и практика. Амман. 720 с.

List of literature

1. Zaydan, M. F. O filosofii yazyka. Beyrut, 1971. 233 s.
2. Maaruf, N. Al'-Farabi arabiyy al'-mautyn ua as-sakafa // Al'-Farabi i chelovecheskaya tsivilizatsiya. Bagdad, 1975. S. 5–21.
3. Mahdi, M. Al'-Farabi i Ibn as-Sarradzh / Al'-Farabi. Kniga bukv. Beyrut, 1990. S. 44–47.
4. Normann, B. Yu. Teoriya yazyka. Vvodnyj kurs. M., 2004. 220 s.
5. Ocherki istorii arabskoy kul'tury V–XV vv. M., 1982. 440 s.
6. Smirnov, A. V. Logika smysla: Teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoy arabskoy filosofii i kul'tury. M., 2001. 504 s.
7. Al'-Farabi. Izbrannye traktaty. Almaty, 1994. 448 s.
8. Halifat S. Metod lingvisticheskologicheskogo analiza v arabomusul'manskoy mysli: teoriya i praktika. Amman. 720 s.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИРТУАЛЬНОЙ МОДЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ «ПАДОНКА»

Н. Г. Шаповалова

В статье дается подробная характеристика коммуникативной личности «падонка» на материале таких сайтов «контркультуры» как www.udaff.com, www.fuck.ru, www.padonki.org и т.п.

Ключевые слова: коммуникативная личность, виртуальная личность, интернет-коммуникация.

Виртуальная реальность предоставляет коммуникантам широкие возможности для конструирования игровых эквивалентов их вербального образа, количество которых может достигать тридцати и более¹. При этом уникальность каждой виртуальной языковой личности² обеспечивается специфическим набором орфографических, лексических и грамматических средств языка, даже противоестественное использование которых может служить способом создания образа коммуниканта³. «Крайней формой искажения орфографии в процессе интернет-коммуникации является так называемый “албанский язык”, именуемый также “креатиффом”, “эрративным языком”, “аффтгарским языком”, “падонкафским языком”, “преведским языком”, “неографом”, “ОРФО-артом”, “сетевым новоязом” и представляющий собой специфический вид сетевого сленга, включающий в себя особый пласт лексики, переживший свое “второе рождение”»⁴.

Произошедшее на рубеже веков обращение русскоязычного виртуального сообщества к антиорфографии⁵ обусловлено сознательной ориентацией пользователей на обобщенно-типичный образ представителя одного из сетевых сообществ Рунета. Оно возникает на сайтах так называемой «контркультуры»: www.udaff.com, www.fuck.ru, www.padonki.org, но «с гордостью заявляет о себе вне своей исконной территории, а значит, оценивает себя как элитарное»⁶.

Известно, что сетевое сообщество объединяет пользователей со сходным мировоззрением⁷. В случае с «падонками» оно предполагает «предельную степень раскрепощения, а также определенный протест против мира реального, с его системой ценностей, норм, правил, ограничений»⁸. Присущее «падонкам» «постоянное желание

действовать поперек сложившихся представлений»⁹ дает Интернет-сообществу основания воспринимать их как наиболее ярких выразителей свойственному веб-среде духу речевой вольницы, где можно позволить себе все, что угодно. Вместе с тем, казалось бы, абсолютная «вольница» и вседозволенность оборачивается достаточно строгим сводом правил коммуникативного поведения, что приводит к постепенному формированию виртуальной модельной личности¹⁰ «падонка», актуальной для русской лингвокультуры рубежа веков.

Исследование коммуникативного поведения посетителей наиболее «ортодоксального» сайта «контркультуры» – www.udaff.com – показывает, что стиль речи членов сообщества поддерживается жанровыми канонами чата и специфическим отбором языковых средств: толерантное отношение к инвективной, прежде всего – табуированной, лексике является обязательным условием не только принадлежности к сетевой «контркультуре», но и просто пребывания на ее сайтах: *Этот ресурс создан для настоящих падонков. Те, кому не нравятся слова Х**Й и П**ДА, могут идти нах**й. Остальные пруща!*

Отношение членов сообщества к инвективной лексике и, в частности, к мату (*Звучит он каждый день под небом синим: / Мы им не думаем – мы просто им живем*) отражено в активном употреблении: (а) просторечных экспрессивов и жаргонизмов (ср.: халявных каментов захотелось <...>! чо вы в вайнуужке панимаите?!; че сказать хотел? одни понты).

Использование данного типа лексики при обсуждении как бытовых, так и политических, философских и морально-нравственных проблем, безусловно, связано с типом речевой культуры пользователей, под которым понимают «тип культуры человека в аспекте его речи, а не сам тип речи»¹¹.

Принадлежность «падонков» к неполнофункциональному типу речевой культуры проявляется в отборе прецедентных феноменов в речи коммуникантов. Участники данного виртуального сообщества предпочитают отсылки к различного типа текстам – с возможным их каламбурным обыгрыванием: (а) элитарная культура (включая Библию, античную и философскую литературу, русскую и мировую классику) (ср.: Пересмешник; Сон Верыпавловны; Трое падонкае на баркасе с собакой Баскервилей; Плачь, Кассандра; око за око, зуб за зуб; Но все таки не НеСоЛЖЕницын (С); Советую афтару выпить пачку нафталина и почитать Набокова; Аслы (имя нам легион)); (б)

фольклор (ср.: *Царевна БезхуЯна; Все гости нарядно одеты (с), / А я нарядился лохом*); (в) массовая культура (самая востребованная) – с преобладанием телепродукции (ср.: *матроскинЪ; Гарррбатый; Каменты клаб*).

Важно отметить, что «падонки» редко используют канонический вариант прецедентного текста. Большинство ников, под которыми авторы зарегистрированы на сайтах, представляют собой звуковые метафоры сниженного характера, созданные на основе прецедентных имен (ср.: *Князь Мишкин, В.В. Маньяковский, Драчканьян*). «Обогащение» исходного смысла за счет каламбурного разложения до словосочетания (*ШАКАЛад Бабаёбский*), отсылки к образам витальной сферы жизни (*док_фауллос, Рильке-Тильки-Вставит, Каклсон*) или связь с просторечными экспрессивами (*Казланова, Мата Харина, Бровеносец Потелкин*), жаргонизмами (*Князь БолтКонский*) и табуизмами (*Нишбацца РадионЪ Раскольникофф, поросенок НахЪ-НахЪ*) позволяет членам данного виртуального сообщества занять «достойное» место в семантическом ряду основной массы ников, выбранных пользователями (*бабруйская скотина, мелкий пакастник, Тунеядец, Старая Кошелка, Жлопъ*).

Обратим внимание, что номинация является одним из средств вербализации другой конститутивной черты модельной личности «падонка» – агрессивности, неспособности к кооперации, т.е. установки коммуникантов на противостояние партнеру по общению (ср.: *Доктор Эвтаназиолог, МЕЛЕТАРИСТ, ФАШИСТЪ, Доктор Геббельс* и т.п.). Подобные конфликтогены в речи пользователей сочетаются с категоричными высказываниями (ср.: *ниначто эта армия не способна кроме как дачи строить; Вы дядя Лёша не оригинальны; Нет там теперь народа. Этнос быдлярчий и запропагандированный*), что свидетельствует об их предрасположенности к конфликтной манипуляции¹².

Наиболее ярко это проявляется в многочисленных комментариях к опубликованным на сайте письмам и «креатиффам», т.е. поэтическим и прозаическим текстам пользователей, и обсуждениях на форуме *Полит.сру*: название рубрики обыгрывает сетевой жаргонизм «срать» в значении «вести разговор, не имеющий прямого и косвенного отношения к конкретному креативу» (*хорош цытатами срать, продолжайте сцорицца направдышнему*), и показывает, что она является пародией на авторитетный электронный ресурс www.polit.ru.

Основной игровой прием в речи «падонков» – искажение слов – также направлен на вербализацию установки против партнера по

общению. Важно отметить, что ОРФО-арт подчиняется жестким правилам и представляет собой последовательное искажение следующих правил русской орфографии:

1) Написание «и» после шипящих и –ц– (ср.: *ймоцыгы, станцыи*);

2) Написание «ю» в сочетаниях -чу/-щу (ср.: *чювак, чюрка*);

3) Написание «я» в сочетаниях -ча/-ща (ср.: *атличять, атвиच्या*);

4) Написание «ь» в сочетаниях -чк/-чн (ср.: *абычьно*);

5) Написание «о» в корнях слов после шипящих под ударением на месте нормативного «е» (ср.: *дешовый, пачотна*);

6) Последовательное искажение употребления «ь» после шипящих как грамматического показателя (ср.: *ноч, будеш*);

7) Написание «а» в безударном положении на месте нормативного «о» (ср.: *абхадим, падумают, аслы, гастевуха*);

8) Частичное написание «о» в безударном положении на месте нормативного «а» (ср.: *ужос, провителя*);

9) Написание «и» в безударном положении на месте нормативного «е» (ср.: *размистил, абизьяна*);

10) Частичное написание «е» в безударном положении на месте нормативного «и» (ср.: *напесал, мелетарист*);

11) Написание «а» и «и» в корнях с чередующимися гласными на месте нормативных «о» и «е», и наоборот (ср.: *предлажение, замиртво*);

12) Частичное отражение оглушения согласных в конце и в середине слова и некоторых других видов ассимиляции (ср.: *часоф, фсе, афтара*);

13) Искражение нормативного написания окончаний прилагательных, причастий и местоимений под влиянием орфоэпических норм (ср.: *ево, дастойнае, надгробнам*);

14) Искражение нормативного написания гласных в суффиксах и окончаниях, соединительных гласных под влиянием орфоэпических норм (ср.: *карочи, многа, вежлива, вроди, пучиглазая*);

15) Слитное написание предлогов и отрицательной частицы «не» (ср.: *паходу, фтопку, ниасилил, бескартинак*);

16) Отражение ассимиляции в сочетаниях –тся/ться в глаголах, причем большинство «падонков» используют собственный способ разграничения финитных форм и инфинитива (ср.: в финитных формах используется финаль «-(ц)ца» – *топчаца, нравуцца, рекоменду-*

юцца; в инфинитиве – «–(ц)цо» – *бросайцо, трахайцо, обижайцо*), хотя многие пользователи не считают нужным различать эти формы и используют единую финаль «–(ц)ца» (ср.: *И знакомица фдруг сразу / Чето резко расхателось*).

К важнейшим признакам неографа также относится транскрибирование букв, обозначающих два звука (ср.: *йожег, йазык, выпей йаду*). Характерно, что порой сама лексема, измененная по этим правилам, приобретает новый смысл, желательный для авторов и посетителей сайта. Так, транскрибирование «ю» и полное оглушение конечного согласного в последнем слове фразы: «*Все птицы летят на йух*» – вполне в духе языковой рефлексии сетевых «падонков».

Перечисленные принципы дополняют особенности написания, связанные не столько с искажением существующего правила, сколько с созданием его оппозиции, логичной альтернативы. Например, если для русского языка характерно оглушение звонких согласных в слабой позиции, которое не отражается на письме, то на www.udaff.com и других сайтах «контркультуры» это позиционное изменение меняет привычный графический облик слова (ср.: *Помню август. Терпкий вкус каштаноф. / Рвал закат на части неба край. / Я тебе пренес букет тюльпаноф. / Водки, огурцоф и каравай*).

Здесь языковая игра «падонков» напоминает детское словотворчество: ребенок тоже не принимает исключений¹³. Поэтому в ОРФО-арте происходит озвончение глухих согласных в слабой позиции (ср.: *разкошнам, яцег, превед, Юриг, художнегов, сахранидь*), воздействие которого определяет изменения в привычном морфемном составе лексем: суффиксы «чик» и «ник» последовательно заменяются на «чег» (ср.: *зайчег, красавчег*) и «нег» (ср.: *мобильнег, птушнег*). По тому же принципу фонетизации графем противоппоставлены: *весчь, сретцтво, нипадецки; Аффтат нешы исчо!*

Кроме того, существуют правила ОРФО-арта, регулирующие написание отдельных морфем. Так, флексия –(к)а с реляционным значением И.п., ед.ч., ж.р. в «албанском» языке систематически заменяется на –(к)о (ср.: *дефушко, блондинко*); возвратный постфикс –ся – на –со (ср.: *вернулсо, выискалсо*). Замена флексии –ов у существительных мужского рода в форме родительного падежа множественного числа на –офф, обусловлена, судя по всему, связью с предлогом off английского языка и конечным элементом немецкой фамилий аристократии, который в 90-е годы активно использовали многие российские бренды (*Nemiroff, Solodoff* и др.).

Таким образом, орфографическая реформа «падонков» заключается в совершении пишущим всех ошибок, которые в школьной практике относят к грубым нарушениям норм орфографии¹⁴. Правила написания этих орфограмм проходят еще в начальной школе, благодаря чему формулировки многих из них стали почти прецедентными текстами. Их нарушение является намеренным, т.е. языковой игрой¹⁵, направленной на создание комического эффекта вокруг явления, которое воспринимается как нечто «культурно значимое и лингвистически устойчивое»¹⁶. Исторической параллелью такому «коллективно-остроумию» (М. Кронгауз) можно считать веселую пародийную грамматику средневековых школяров, сущность которой состояла главным образом в переосмыслении всех грамматических категорий в материально-телесном плане, преимущественно эротическом¹⁷.

Представлению об ОРФО-арте как языковой игре, не имеющей отношения к эвфемизации, и установке коммуникантов на партнера по общению, соответствует тот факт, что члены сообщества «падонков» активно используют речевые формы комического, в частности, с целью языковой демагогии¹⁸ (ср.: *афтар долбооб. есть украинцы есть и каклы, есть евреи есть и жидаы, есть русские есть и кацабы<...>. умеи их отличать / Есть американцы и есть пиндосы, есть грузины и есть грызунны, есть пидарасы и есть геи, надо только умеь их отличать!*) и дискредитации собеседника.

Инструментарий метаязыковой рефлексии «падонков» состоит из звуковой метафоры, которая используется для искажения реального имени или сетевого прозвища оппонента (Авраменко Валентин – *Аналенко Вафлентин*, МЕДиК – *прочитал ник как ПЕДиК.*), обидного обыгрывания названия места его проживания (*просторы загарбатья заполнены недорастоме?*) или оскорбления национальной гордости (*Ну уж так сильно раздражает свидомых каклов Матроскин; мрази чуркистанские!!!!*).

Регулярно эту функцию выполняют: (а) неологизмы, распространенные внутри сообщества или компьютерного и молодежного жаргонов (ср.: *Гризли* [грузины] *порукались с головой*; *Так как твои грызунны* [грузины]?; *У тя акцент не грызунский?*; *Если грызунны – бойцы тупые, то каклы ещё и трусливые*) и окказионального словообразования¹⁹: суффиксации (ср.: *грузинцы, русаки, иврейцы*); (б) контаминация (ср.: *зомбо-президент. путиляндия*).

Обратим внимание, что принадлежность членов сообщества к конфликтно-манипуляторскому типу языковых личностей сочета-

ется с предпочтением инвективной стратегии коммуникативного поведения в конфликте. Это проявляется в стремлении к прямой констатации недостатков собеседника и предпочтении конфликтных речевых жанров: (а) колкости (ср.: *пошутить уж нельзя / Адни уже пошутили<...> Щас семьи в Америку вывозят*); (б) угрозы (*кстате, всех мудаков <...> баню без абьеснения причин ; так што наблюдай по ящичку чо с вапе оранжывеме пидарами будит*); (в) оскорбления (ср.: *убейся сволач; Сдохни, гнида*).

Таким образом, к конститутивным чертам модельной личности «падонка» следует отнести конфликтную манипуляцию партнером по общению, принадлежность к среднелитературному типу речевой культуры и предпочтение инвективной стратегии поведения в конфликте. Возможно, они сформированы специфическими условиями протекания интернет-коммуникации (прежде всего анонимностью), которые заставляют пользователей «сделать предельно зримым собственное присутствие в Сети»²⁰. «Падонки» предпочитают быть замеченными в негативной форме: это «уберегает» их от предоставленной виртуальной реальностью возможности «быть абсолютно анонимным, незамеченным, невидимым, то есть, никем»²¹.

Примечания

¹ Капанадзе, Л. А. Структура и тенденции развития электронных жанров // Жизнь языка. М., 2001. С. 248.

² Горошко, Е. И. Электронная коммуникация: гендерный анализ // Общение, языковое сознание и межкультурная коммуникация. М., 2005. С. 6.

³ Федорова, Л. Л. Чат – естественная или противоестественная письменная речь // Естественная письменная русская речь: Исследовательский и образовательный аспекты. Ч. I. Проблемы письменной речи и развитие языкового чутья. Материалы конф. М., 2002. С. 306–308.

Notes

¹ Kapanadze, L. A. Struktura i tendentsii razvitiya elektronnyh zhanrov // Zhizn' yazyka. M., 2001. S. 248.

² Goroshko, E. I. Elektronnaya kommunikatsiya: gendernyj analiz // Obschenie, yazykovoe soznanie i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M., 2005. S. 6.

³ Fedorova, L. L. Chat – estestvennaya ili protivoeestvennaya pis'mennaya rech' // Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': Issledovatel'skiy i obrazovatel'nyj aspekty. Ch. I. Problemy pis'mennoy rechi i razvitie yazykovogo chut'ya. Materialy konf. M., 2002. S. 306–308.

- ⁴ Лутовинова, О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации. С. 61.
- ⁵ Дедова, О. В. Антиорфография в Рунете // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007. С. 342–343.
- ⁶ Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007. С. 130.
- ⁷ Макаров, М. Л. Жанры в электронной коммуникации // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. С. 341.
- ⁸ Лутовинова, О. В. Лингвокультурный типаж «Падонак» // Ethnohermeneutik und kognitik Linguistik. Landau, 2007. С. 496.
- ⁹ Манифест Падонкафф. URL : <http://padonki.narod.ru>
- ¹⁰ Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 13.
- ¹¹ Сиротинина, О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып. 2. С. 10.
- ¹² Седов, К. Ф. К основам лингвистики индивидуальных различий: о принципах ролевого портретирования // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007. Вып. 7. С. 13.
- ¹³ Седов, К. Ф. Становление структуры устного дискурса как
- ⁴ Lutovinova, O. V. Internet kak novaya «ustno-pis'mennaya» sistema kommunikatsii. S. 61.
- ⁵ Dedova, O. V. Antiorfografiya v Runete // Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunarodnyj kongress issledovateley russkogo yazyka: Trudy i materialy. M., 2007. S. 342–343.
- ⁶ Krongauz, M. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. M., 2007. S. 130.
- ⁷ Makarov, M. L. Zhanry v elektronnoy kommunikatsii // Zhanry rechi. Saratov, 2005. Vyp. 4. S. 341.
- ⁸ Lutovinova, O. V. Lingvokul'turnyj tipazh «Padonak» // Ethnohermeneutik und kognitik Linguistik. Landau, 2007. S. 496.
- ⁹ Manifezd Padonkaff. URL : <http://padonki.narod.ru>
- ¹⁰ Karasik, V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd, 2002. S. 13.
- ¹¹ Sirotinina, O. B. Harakteristika tipov rechevoy kul'tury v sfere deystviya literaturnogo yazyka // Problemy rechevoy kommunikatsii. Saratov, 2003. Vyp. 2. S. 10.
- ¹² Sedov, K. F. K osnovam lingvistiki individual'nyh razlichiy: o printsipah rolevogo portretirovaniya // Problemy rechevoy kommunikatsii. Saratov, 2007. Vyp. 7. S. 13.
- ¹³ Sedov, K. F. Stanovlenie struktury ustnogo diskursa kak vyrazhe-

выражение эволюции языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. С. 30–31.

¹⁴ Кузнецова, Н. И. Орфографическая правильность / Хорошая речь. Саратов, 2007. С. 32.

¹⁵ Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002. С. 23.

¹⁶ Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт «страшное» в смеховой картине мира // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 455.

¹⁷ Бахтин, М. М. Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 25.

¹⁸ Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002. С. 426.

¹⁹ Там же. С. 154.

²⁰ Гусейнов, Г. Заметки к антропологии русского Интернета. М., 2000. С. 321.

²¹ Жичкина, А. Е. Стратегии саморепрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью. URL : <http://flogiston.ru>

nie evolyutsii yazykovoy lichnosti: dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 1999. S. 30–31.

¹⁴ Kuznetsova, N. I. Orfograficheskaya pravil'nost' / Horoshaya rech'. Saratov, 2007. S. 32.

¹⁵ Sannikov, V. Z. Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry. M., 2002. S. 23.

¹⁶ Slyshkin, G. G. Lingvokul'turnyj kontsept «strashnoe» v smehovoy kartine mira // Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovye mehanizmy komizma. M., 2007. S. 455.

¹⁷ Bahtin, M. M. Fransua Rable i narodnaya smehovaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. M., 1965. S. 25.

¹⁸ Sannikov, V. Z. Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry. M., 2002. S. 426.

¹⁹ Ibid. C. 154.

²⁰ Guseynov, G. Zаметки k antropologii russkogo Interneta. M., 2000. S. 321.

²¹ Zhichkina, A. E. Strategii samoreprezentatsii v Internet i ih svyaz' s real'noy identichnost'yu. URL : <http://flogiston.ru>

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТАТЕКСТ В МЕДИА-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В. А. Марьянчик

В статье описывается метатекст медиа-политического дискурса. В рамках метатекста выделяется аксиологический метатекст, в результате анализа которого выявляются вербальные ценности медиа-политического дискурса. В работе названы и проанализированы на материале текстов предвыборной агитации четыре группы средств аксиологического метатекста.

Ключевые слова: медиа-политический дискурс, политическая ценность, вербальная ценность, аксиологический метатекст

Политические ценности изучаются в философском, социологическом, политологическом, лингвистическом аспектах. Общие выводы научных исследований заключаются в следующем: 1) политика оперирует собственными ценностями и антиценностями, связанными с процессом управления обществом и его организации (государство, власть, демократия и т.д.), 2) перечень данных ценностей принципиально не ограничен и любое значимое понятие может приобретать статус ценности, 3) политический дискурс активно апеллирует к ценностям иной природы – эстетическим, этическим и другими – и оперирует ими как аргументами в процессе убеждения массового адресата.

В результате анализа метатекста выявляется группа вербальных ценностей – Слово, Текст, Произведение. При широкой трактовке метатекста как «текста о тексте» вербальные феномены фиксируются на шкале «важно / неважно». Сам факт существования метатекста позволяет утверждать важность Слова и Текста в том или ином дискурсе. В рамках метатекста мы выделяем аксиологический метатекст, под которым понимаем совокупность высказываний, организованных в текстовом пространстве согласно замыслу автора, репрезентирующих текст (дискурс) как вербальную ценность, транслирующих авторские оценки данного или иного текста (дискурса),

отражающих ментальные ценности, которые формируются текстом и определяют его ценность. К компонентам аксиологического метатекста относятся (1) речевые средства, формирующие образ автора как языковой личности, как создателя текста; (2) речевые средства, формирующие образ персонажей как создателей субтекстов; (3) речевые средства оценки текста как коммуникативно-стилевой реализации; (4) речевые средства, репрезентирующие ментальные ценности, которые определяют ценность самого текста. Рассмотрим эти группы на примере текстов предвыборной агитации Архангельска 2009 года.

(1) К средствам, формирующим образ автора, относятся, прежде всего, статусные и этикетные глаголы, номинирующие речевые действия, например: *Меня пригласили войти в ее ряды, и я согласился*. Синонимы *пригласить* и *позвать* различаются выраженностью / невыраженностью коннотативной семы уважения. Глагол *согласиться* формирует пропозициональную ситуацию выбора, возможности выбора. Другим активным языковым средством создания образа автора являются глаголы речи, субъектом которой является автор, см.: *Еще раз повторяю: политика так или иначе постоянно присутствует в наших делах*. Глагол *повторить* не включает в структуру значения оценочной семы, однако оценочную рамку создает ситуация. Человек, который не устает повторять сказанное, во-первых, способен аналитически мыслить: он выстраивает иерархию в потоке информации, выделяя и повторяя главное; во-вторых, он проявляет такие важные этические качества, как терпение и терпеливость.

Вводные конструкции, указывающие на источник, являются наиболее частотными синтаксическими метатекстовыми средствами, например: *А в итоге получается, что для того, чтобы сделать нужное, конкретное дело <...> нужна, как пишут в газетах, «политическая воля»*. Ссылка на источник, на первый взгляд, ничего не добавляет к смыслу сказанного. Однако на уровне подтекста формируется образ газеты, газетного текста – источника информации и вербального интерпретатора информации (см. закавычивание выражения *политическая воля*). С другой стороны, неопределенно-личная конструкция позволяет имплицитно противопоставить автора и тех, которые «пишут в газетах».

Традиционна для медиа-политического дискурса оценочная оппозиция слов и дел: «слова» как единственная форма существования, как политическое поведение приписываются «врагу», «чужому», см.:

Дел нет, зато много пустых разговоров; Хватит болтать, пора работать; У них на всех слов хватает. Автору-персонажу в этом случае дается положительная имплицитная оценка на основе названной оппозиции. Однако негативный оттенок исчезает при использовании имени существительного *слово* в единственном числе: *человек слова, дал слово* и т.п. Грамматическая форма числа формирует идеологическое пространство образа автора: она «оставляет место» для практических действий. Персонажная стереотипная роль «человек слова» актуализируется в политических текстах, в том числе в сильных позициях (заголовочных комплексах), что подтверждает его воздействующий потенциал.

(2) Персонажи медиа-политического текста делятся на «своих» и «чужих» в соответствии с определенными речевыми стратегиями, тактиками и жанрами, см.: *Нам нечего ждать от этих «свадебных генералов», кроме пустословия и имитации бурной деятельности.* Аксиологический метатекст описывает речевые действия и поведение персонажей-лиц (*лягнуть, обманывать*), продукты их вербальной деятельности (*пустословие, болтовня, словесные пируэты*), речевые ситуации (*царил шум и гам*). Эти номинации чаще транслируют отрицательную оценку, формируемую в результате актуализации аксиологических пресуппозиций-стереотипов: «слово, текст должны быть содержательны и информативны».

(3) Прямая и косвенная оценка продуктов политического дискурса в метатексте выносятся на основании коммуникативной необходимости того или иного текста, его стилевой и жанровой эффективности. Так, концепт «Выборы» представлен в виде динамичного фрейма, большинство слотов которого имеет вербальную природу: *листовки, бюллетень, реклама, агитация, список, обратиться с заявлением, жаловаться, зачеркнуть, назвать, имя кандидата, голос избирателя* и т.д. Номинации вербальных действий и продуктов в конкретном контексте становятся оценочными знаками. В работах по оценочной семантике выделяют три группы оценочных знаков: 1) когнитивные определяют позицию в ментальном поле, 2) коммуникативные репрезентируют результат коммуникативного акта, одобрение или порицание, 3) эмотивные манифестируют динамику эмоций¹. Так, выражения *агитки с провокационными текстами, законная форма агитации* относятся к первой группе, реализуя пейоративный и мелиоративный векторы. Номинации речевых действий *опорочить, оскорбить* представляют вторую группу. Эмоциональ-

ность, экспрессивность политического дискурса обуславливают разнообразие эмотивно-оценочных средств. Эмоциональная оценка вербальных действий и продуктов выражается словообразовательными средствами (*чернуха*), грамматическими (*Голосуй за ...!*), графическими (*Агитаторы <...> НИКОГДА НЕ ЗВОНЯТ по телефону!*) и др. Наиболее активно используются лексико-семантические средства, получающие в тексте оценочные коннотации, см.: *Избиратели уже запутались, под какой вывеской выступает Таскаев*. Нейтральное, так называемое «предметное» слово *вывеска* в значении «название политического, общественного движения, объединения» имеет отчетливый пейоративный знак, основой которого служит ассоциация «обман». Наиболее экспрессивным становится текстовый фрагмент (как оценочный знак), в котором наблюдается стилистическая конвергенция, например: *Переиначив известного своими высказываниями политического деятеля Черномырдина, скажу: «Если чешется язык, то чешите им в другом месте»*.

(4) Металльные ценности, определяющие ценность самого текста – Мысль, Время (Актуальность и Память), Красота – выступают в качестве аксиологических пресуппозиций. «Мысль» соотносится с содержанием текста, его информативной насыщенностью, а также с деятельностью автора и читателя, усилиями которых создается смысловая глубина текста. «Мысль» становится более острой при реализации текстом субверсивной функции. Сопряженной с Мыслью является Время, которое представлено в Актуальности и Памяти. Актуальность есть верно акцентированная Мысль. Например, слова *остро, культовый, провокационно* реализуют положительную оценочность (в т.ч. специфическое слово медиадискурса *скандальный*). Включаясь в аргументативную структуру текста, номинации вербальных действий получают признак актуальности вне зависимости момента порождения, см.: *Когда-то я услышал такие слова: плохих политиков выбирают хорошие граждане, которые не ходят голосовать. Давайте задумаемся над ними*. Ценность Памяти для текста безусловна, ибо литература в широком толковании (т.е. совокупность всех произведенных текстов) приравнивается к культуре и рассматривается как ее материальное свидетельство. Сохранение текста в Памяти служит свидетельством его культурного потенциала. Отрицательная оценка речевого действия политического субъекта может совмещаться с положительной оценкой текста как обладающего потенциалом сохранения в памяти адресата: *Кто не помнит*

его предвыборных обещаний! Сложной и многогранной ценностью, аксиологической доминантой для оценки вербального произведения является Красота. Под данным концептом понимается не столько эстетически совершенный объект, сколько магическая сила текста приковывать к себе внимание адресата. Таким образом, Мысль, Время, Память и Красота определяют ценность Текста-Произведения.

В целом аксиологический метатекст является частью ценностной картины, транслируемой медиа-политическим дискурсом

Примечания

1 Маркелова, Т. В. Оценка и оценочность // Семантическая структура слова и высказывания. М., 1993. С. 107–115.

Notes

1 Markelova, T. V. Otsenka i otse-
nochnost' // Semanticheskaya struk-
tura slova i vyskazyvaniya. M.,
1993. S. 107–115.

ЯЗЫК СМИ

ИНТЕРАКТИВ КАК ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СРЕДСТВО РАДИОСТАНЦИИ

Е. Ю. Агамян

Статья посвящена рассмотрению проблемы обмена информацией по принципу обратной связи с позиций радиовещания. Автор оперирует такой категорией, как «интерактив самоуправления».

Ключевые слова: интерактив, радио, информация.

Радио, как одно из самых оперативных средств массовой коммуникации, пользуясь для осуществления своих функций техническими средствами, может быть названо близкой любой кибернетической системе, где особую роль играет понятие обратной связи. Именно наличие управления по принципу обратной связи позволяет нам рассматривать радиовещание как саморегулирующуюся систему коммуникации, которая основана на законах, свойственных кибернетической системе.

Трудно переоценить роль обратной связи в радиопрограммах социально- значимого контента. Рассмотрим ситуацию, когда ведущий программы приглашает компетентного гостя в студию по заданной теме. Во-первых, каждый дозвонившийся может получить дополнительную информацию по интересующему вопросу, сделать собственные выводы, возможно, посмотреть на проблему с иной точки зрения.

Во-вторых, неоценимую информацию получают представители органов местного самоуправления, общественных организаций, которые находятся в эфире в качестве приглашенных. Замечания, пожелания, а также новая информация, уже, в свою очередь от радиослушателей «обогащает» приглашенных и при необходимости, активно используется в работе.

Такой взаимообмен информацией автор предлагает назвать **интерактивом самоуправления**.

Интерактив самоуправления это, по большому счету, то состояние системы, к которому она стремится. В большинстве же своем

интерактив используется по линейному принципу: редакция - аудитория. Без участия третьих лиц. Журналисты, ведущие программ, приглашают радиослушателей к участию в конкурсах, викторинах, программах по заявкам. Общение происходит по **принципу челнока**: вопрос-ответ. Аудитория в данном случае может очень незначительно влиять на ход передачи и программирования радиостанции. Хотя радиослушатель остается главной, определяющей фигурой и выступает в данном случае как активный субъект. Его характеристики представляют интерес как для вещателя (СМК), так и для той радиоаудитории, которая в это время слушает радио. Главной особенностью этой интеракции становится побудительный мотив. Именно по собственному желанию радиослушатель становится активным субъектом коммуникативного процесса.

Оба вида интерактива, интерактив самоуправления и интерактив по принципу челнока, можно отнести к **эфирным** формам взаимодействия аудитории и СМК.

Существуют, не менее важные по значению, **внеэфирные** формы интерактива.

К ним можно отнести внешние **PR-акции, промокомпании радиостанций**, которые проводятся с целью продвижения своего бренда на медиарынке, с целью саморекламы. Суть подобных акций одна: о данной радиостанции должно узнать как можно больше жителей данной территории. Интерактивный способ взаимодействия с аудиторией позволяет, при грамотной подготовке таких мероприятий, получить максимум полезной для выстраивания стратегии продвижения и наполнения содержания радиостанции, информации.

Помимо эфирных и внеэфирных способов интерактива существует его **смешанный** тип. Это так называемая, многоступенчатая акция. Все типы интерактива на радио устанавливаются посредством технического канала связи: почта России, телефонная связь, SMS сервисы, компьютерные сети.

Мы попытались выделить и определить некоторые, на наш взгляд, основополагающие **функции интерактивного взаимодействия радиостанции и аудитории**.

Их вполне можно объединить в некую систему и представить в виде следующей схемы:

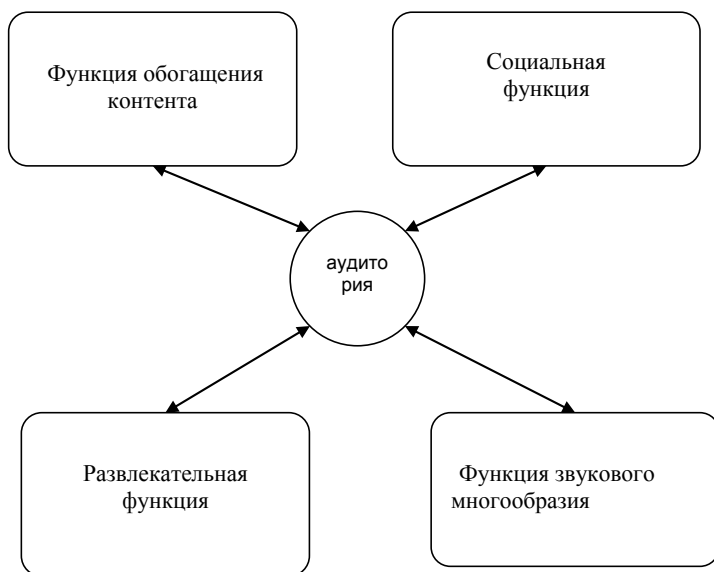

Рис. 1. Функции интерактива

Особо хочется отметить значение **социальной функции** интерактива. Как верно замечает И. Д. Фомичева, появление новых информационных технологий важнее всего рассматривать со стороны расширения возможностей социального общения и участия. Это означает «реальное включение представителей большого спектра социальных слоев (простых людей, широкой общественности) в процесс обсуждения и принятия решений по общезначимым проблемам» [7. С. 273].

Режим интерактивного вещания вполне может стать частью социальной практики. М. Э. Онищенко называет интерактивный режим общения с аудиторией «лакмусом спонтанной общественной реакции». Кроме того, интерактивные передачи и опросы – это единственная возможность для аудитории высказать свое мнение, выплеснуть свои, зачастую негативные, эмоции. Возможность высказать свое мнение дает возможность снять напряжение в социуме. Таким образом, средства массовой информации в определенной степени могут сыграть роль средства социальной терапии.

Итак, интерактивность в сфере радиовещания действительно обладает полифункциональностью, что позволяет говорить о ней как о целостной системе.

Сегодня на реализацию тех или иных функций, а соответственно и на выбор определенных форм интерактивного взаимодействия с аудиторией в значительной степени влияет формат радиостанции. Музыкально-развлекательная радиостанция (чаще всего сегодня это независимые коммерческие станции) находится в очень тесных финансовых отношениях со своей аудиторией, так как рейтинг является важным показателем для рекламодателей, а значит, напрямую влияет на ее прибыльность. Следовательно, в стремлении расширить аудиторию, развить с ней более прочные взаимоотношения, такая радиостанция в качестве приоритета выбирает выполнение развлекательной, функции звукового многообразия. У информационно-аналитической радиостанции мотивация к развитию взаимоотношений с аудиторией имеет несколько другой характер: она связана, прежде всего, с содержательным, качественным, развитием эфира. Для нее на первом месте стоит реализация функции обогащения контента и социальной функции.

Однако это вовсе не означает, что развлекательная радиостанция не может или не должна играть социальную роль в обществе, а информационно-политическая не имеет право развлекать свою аудиторию. Скорее, каждая станция в зависимости от своей целевой направленности выбирает то или иное соотношение задач, которые она ставит перед собой в процессе использования интерактивных форм.

Список литературы

1. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связи в животном мире и машине. М. : Советское радио. 1983. С. 145.
2. Дридзе, Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эокантропоцентрической и семиосциопсихологической парадигмах. М., 2000.

List of literature

1. Viner, N. Kibernetika, ili Upravlenie i svyazi v zhivotnom mire i mashine. M. : Sovetskoe radio. 1983. S. 145.
2. Dridze, T. M. Dve novye paradigmy dlya sotsial'nogo poznaniya i sotsial'noy praktiki // Sotsial'naya kommunikatsiya i sotsial'noe upravlenie v eokantrpotsentricheskoy i semiostsiopsihologicheskoy paradigmah. M., 2000.

3. Исследование аудитории: телевидение, радио, Интернет // Прогресс технологий телерадиовещания. М. : Медиа Комитет, 2003.
4. Любосветов, Д. И. К вопросу о движении творческих форм в отечественной радиожурналистике. Журналистика в 1999 году. Ч. III. М. : Аспект Пресс, 2004.
5. Онищенко, М. Э. Интерактивное общение в радиоэфире в экстремальной ситуации// Журналистика в 2002 году : сб. материалов науч.-практ. конф. Ч.2. М. : МГУ, 2003. С. 38.
6. Трапезников, В. А. Задачи технических наук в развитии автоматического управления и технических средств автоматизации // Вестник АН СССР. 1974. № 2. С.30.
7. Фомичева, И. Д. Мультимедийность: новые возможности для решения старых проблем // Журналистика в 2002 году : сб. материалов науч.-практ. конф. 2003. Ч.2. С.273.
3. Issledovanie auditorii: televidenie, radio, Internet // Progress tehnologii teleradioveschaniya. M. : Media Komitet, 2003.
4. Lyubosvetov, D. I. K voprosu o dvizhenii tvorcheskih form v otechestvennoy radiozhurnalistike. Zhurnalistika v 1999 godu. Ch. III. M. : Aspekt Press, 2004.
5. Onischenko, M. E. Interaktivnoe obschenie v radioefire v ekstremal'noy situatsii// Zhurnalistika v 2002 godu : sb. materialov nauch.-prakt. konf. Ch.2. M. : MGU, 2003. S. 38.
6. Trapeznikov, V. A. Zadachi tehniceskikh nauk v razvitii avtomaticheskogo upravleniya i tehniceskikh sredstv avtomatizatsii // Vestnik AN SSSR. 1974. № 2. S.30.
7. Fomicheva, I. D. Mul'timediynost': novye vozmozhnosti dlya resheniya staryh problem // Zhurnalistika v 2002 godu : sb. materialov nauch.-prakt. konf. 2003. Ch.2. S.273.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОТНОШЕНИЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 – 2013»

(Госконтркт № 02.740.11.0367)

Е. М. Булатова

Статья посвящена сопоставительному рассмотрению фразеологических единиц семантического поля «отношение» в русском, чешском и английском языках. Описание единиц даётся с позиций семантического анализа с элементами лингвокультурологического исследования.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, семантический анализ, близкородственные и неблизкородственные языки, категория отношения, фразеология.

Отношение – это философская категория, характеризующая взаимозависимость элементов определенной системы [2. С. 470]. Как элемент глагольного значения отношение – это процессуальный признак, который так или иначе характеризует взаимодействие между одушевленными или неодушевленными субъектами и объектами, являющимися членами данного отношения.

В семантическое поле *отношение* входят единицы, обозначающие отношения между предметами и явлениями реальной действительности, т.е. денотатом соответствующих обозначений является ситуация отношения. Ее компонентами являются само *отношение*, его *признаки* и *предметы* и *явления* как участники ситуации, связанные определенными отношениями.

Состав единиц анализируемого поля определяется на основе классификатора «отношение», которому в их семантике соответствует категориальная сема, выражающая идею отношения вообще и являющаяся дифференциальным признаком относительно полей *действия* и *состояние*.

Подобно ФЕ из полей *действие* и *состояние*, рассматриваемые сочетания называют далеко не весь спектр существующих в реальном мире отношений: они называют преимущественно межличностные отношения. Таким образом, исследуемые фразеологизмы в качестве средства обозначения характеризуются яркой антропоцентричностью, которая проявляется в их тяготении к человеческой сфере процессуально-событийной языковой картины мира; вместе с тем и в названной сфере им «присуща ономаσιологическая специализированность: их денотатами служат ситуации, характерные для человеческой деятельности, межличностных отношений, образа жизни и “мира души”» [1. С. 29]. Подобная избирательность продуцируется своеобразием глагольных компонентов, привносящих в денотативный аспект сочетаний представление об их первичных значениях, связанных с областью физических действий *лица*. Той же причиной объясняется и другая особенность: сообщаемая глаголом действенность, направленность, результативность и др. включает в лингвистическую интерпретацию всех ситуаций, связанных с отношениями в мире людей, элемент *деятельности*.

Среди фразеологизмов данной группы, исходя из оценки называемого отношения, можно выделить следующие группы оборотов: ФЕ, обозначающие **межличностные отношения с положительной оценкой** (*влюбиться по уши, стоять за кого-л. горой и др.*); ФЕ, обозначающие **межличностные отношения с отрицательной оценкой** (*держат в черном теле, бросить тень на кого-л. и др.*).

В количественном отношении преобладают единицы второй группы, что может быть объяснено известным тяготением фразеологической системы в сторону отрицательных значений. При этом важно отметить, что говоря об отрицательной оценке фразеологизмов, называющих межличностные отношения, мы подразумеваем, прежде всего, такие отношения, в которых поступки одного из участников можно охарактеризовать как негативные с точки зрения другого участника. Таким образом, «отрицательными» мы будем называть ситуации оказания неоправданного воздействия на кого-л., давления, что мешает объекту, доставляет ему разного рода неудобства. Сюда же могут быть отнесены и единицы, называющие равнодушное отношение субъекта к объекту.

В группу ФЕ, обозначающих **межличностные отношения с отрицательной оценкой** входят такие единицы, как *бросить тень на кого-л.*; *встречать в штыки*; *выводить из строя*; *держат к-л.* в

черном теле; махнуть рукой на кого-л.; измерить кого-л. взглядом; стоять над душой и др.

Все названные ФЕ различаются по степени интенсивности действия, выражающего то или иное отношение. Низкая степень данного признака характерна для ФЕ *бросить тень на кого-л.; махнуть рукой на кого-л.; измерить кого-л. взглядом и др.* Они называют отношения непродолжительные, не отмеченные особой силой и глубиной. ФЕ *измерить кого-л. взглядом – změřit si od hlavy k patě* (букв. «измерить от головы до пят») – *look up and down at smb.* (букв. «смотреть сверху вниз на кого-л.») отражает ситуацию первоначального этапа установления отношения между двумя лицами, которая, однако, уже может быть охарактеризована как негативная. Это связано с традицией употребления данного фразеологизма с определенными контекстуальными уточнителями – *измерить презрительным / насмешливым взглядом.*

В своем прямом значении глагол *измерить* обозначает процесс осуществления интеллектуальной деятельности. В результате изменения ряда интегральных сем (ИС) в контексте фразеологического значения переосмысливается и его категориальная семантика ('установление межличностных отношений').

Образная основа русской, чешской и английской ФЕ различается, в связи с чем можно рассматривать их как межъязыковые аналоги. При этом ядерные компоненты рассматриваемых единиц в русском и чешском языках (*измерить – změřit*) являются абсолютными эквивалентами. Однако чешский вариант акцентирует обстоятельственную характеристику называемого глаголом действия («от головы до пят»), что подчеркивает его исчерпанность и всеохватность по отношению к объекту. Английский глагол *look* не совпадает по своей семантике с глаголами в русском и чешском языке. Он называет в первую очередь восприятие объекта, и в его значении не входит оценка каких-либо его параметров. Таким образом, значимыми вновь оказываются другие компоненты ФЕ – *up and down*, которые берут на себя эту функцию. Следует отметить, что в русском языке существует вариант данного фразеологизма – *измерить взглядом с головы до пят*, что почти полностью соответствует чешскому фразеологизму, но в процессе употребления оборота в речи, он стал «стягиваться», и то значение, которое раньше передавалось компонентами *с головы до пят*, теперь является составной частью семантики глагола *измерить*. В чешском же фразеологизме отказ от какой-либо части оборота приведет к разрушению общей семантики.

Среди ФЕ, обозначающих **межличностные отношения с положительной оценкой** можно назвать следующие: *брать кого-л. под крылышко; влюбиться по уши; гладить по головке; заглядывать в душу; стоять за кого-л. горой* и др.

ФЕ *брать кого-л. под крылышко* – *brát pod svá křídla někoho* – *take someone under one's wing* являются редким примером полных межъязыковых эквивалентов в русском, чешском и английском языках. Доказательством этому служит почти полное соответствие фразеологизмов на компонентном, структурно-грамматическом и семантическом уровнях. Однако для трех рассматриваемых нами языков ситуация полной эквивалентности ФЕ мало характерна. Чаще всего мы имеем дело с фразеологическими аналогами, как в случае с ФЕ *заглядывать в душу* – *divat se až na dno duše* (букв. «смотреть до самого дна души») – *look right into smb's soul* (букв. «смотреть прямо в чью-л. душу»). Семантическая структура глагола *заглядывать* представлена следующим образом: КС – ‘осуществление интеллектуальной деятельности’ реализуется в следующих семах: ИС ‘характер субъекта’ (ДП: одушевленный, конкретный, активный), ИС ‘характер процесса осуществления деятельности’ (ДП: воспринимаемая органами зрения, кратковременная, совершаемая украдкой, с целью узнать что-л.), ИС ‘интенсивность процесса осуществления деятельности’ (ДП: низкая). ИС ‘характер объекта’ в данном случае не представлена.

В смысловой структуре фразеологизма происходят изменения, которые выражаются в переосмыслении ИС ‘характер процесса осуществления деятельности’, в частности, изменяется набор ДП (‘воспринимаемая на духовном уровне’, ‘направленная на межличностное взаимодействие’). ДП, указывающие на кратковременное, совершаемое украдкой действие, в данном случае нейтрализуются, при этом усиливается интенсивность действия (ДП: высокая). Изменяется и КС (‘установление межличностных отношений’). Все названные элементы значения влияют на формирование семантики данной ФЕ – «пытаться разобраться в чьих-либо сокровенных мыслях, чувствах» [3. С. 161].

Существует целый ряд фразеологизмов, семантика которых формируется за счет значения входящих в их состав глагольных компонентов. Безусловно, глагол всегда оказывает значительное влияние на значение фразеологической единицы, ядерным компонентом которой он является, но в данном случае мы говорим о тех немногочис-

ленных случаях, когда семантика глагола почти полностью совпадает с семантикой ФЕ, отличаясь от нее лишь наличием каких-либо уточняющих характеристик (как, например, интенсивность, образ действия и т.д.) Примером может служить фразеологизм *влюбиться по уши* – *zamilovat se až po uši* (букв. «влюбиться по самые уши») – *fall head over heels in love with smb* (букв. «упасть головой по пятки в любовь»). И русский глагол *влюбиться* и чешский *zamilovat se* в рамках фразеологизма не изменяют большинство признаков своей семантической структуры. КС ‘относиться к кому-л. каким-л. образом’ реализуется в следующих семах: ИС ‘характер субъекта’ (ДП: одушевленный, конкретный, активный), ИС ‘характер объекта’ (ДП: одушевленный, конкретный, пассивный), ИС ‘характер процесса осуществления деятельности’ (ДП: относиться к кому-л. с чувством душевной привязанности), ИС ‘интенсивность процесса осуществления деятельности’ (ДП: нейтральная). Компоненты *по уши* – *až po uši* преобразуют только один семантический признак глагола в составе фразеологизма, а именно интенсивность называемого отношения (ДП: высокая).

В английском фразеологизме *fall head over heels in love with smb* (букв. «упасть головой по самые пятки в любовь») наблюдается несколько иная ситуация. По отношению к двум вышерассмотренным оборотам он выступает как фразеологический аналог, так как происходит замена образной основы. В связи с этим, в данном случае уже нельзя говорить о сохранении исходной семантики ядерного компонента. *Fall (надать)* – это глагол субъектного перемещения с категориальной семантикой ‘двигаться в определенном направлении’. Его субъект является одушевленным, конкретным и активным. Объект действия не выражен, интенсивность нейтральная. Значение фразеологизма формируется прежде всего за счет компонента *in love*, который и видоизменяет структуру значения глагола, выводя его из сферы действия в сферу отношения.

Среди ФЕ межличностного общения выделяется небольшая группа единиц, значение которых связано с обозначением ситуации **влияния** одушевленного субъекта на объект. Здесь могут быть названы такие ФЕ, как *брать к-л. за сердце/душу; вбивать в голову; вить веревки; ловить кого-л. на слове; тянуть за язык и т.д.* Как видно уже из этих примеров, влияние носит преимущественно негативный характер, оно направлено на подавление объекта, навязывание ему воли субъекта и на возможность им манипулировать.

Яркий образец ФЕ с таким значением *vítít verevku* – *vodít někoho jako pejska na provázku* (букв. «*водит кого-л., как песика, на веревочке*») – *tould smb like wax* (букв. «*лепит кого-л. как воск*»). Каждый оборот в основе своей содержит оригинальный образ, метафорически воссоздающий ситуацию покорности объекта воле субъекта.

Проанализировав ФЕ, по значению относимые к семантическому полю **отношение**, можно сделать вывод о том, что в целом данная группа отражает общие закономерности, свойственные всем процессуальным фразеологизмам в русском, чешском и английском языках.

Главной особенностью рассматриваемых ФЕ является то, что ядерный компонент (а именно глагол) в рамках выбранных нами оборотов принадлежит в большинстве случаев к функционально-семантическому полю действия, а не к полю отношения.

Наиболее значительной группой по количеству входящих в нее единиц оказалась группа межличностных отношений, причем большая часть оборотов называет отношения с отрицательной оценкой, которая может выражаться с различной степенью интенсивности.

Анализ нашего материала показал, что практически все процессуальные фразеологизмы поля **отношение** связаны с понятийным полем “человек”. Названные единицы выражают разнообразнейшие личные и общественные отношения человека. Таким образом, поле отношения процессуальных фразеологизмов максимально антропоцентрично и нацелено, прежде всего, на выражение отношений человека к разным явлениям действительности, к другому человеку, его поступкам и поведению.

Список литературы

1. Дидковская, В. Г. Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных сочетаний) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 38 с.
2. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.
3. Фразеологический словарь русского языка. М., 1986. 543 с.

List of literature

1. Didkovskaya, V. G. Sistemno-funktsional'noe opisanie frazeologicheskikh sochetaniy sovremennogo russkogo yazyka (na materiale glagol'no-imennykh sochetaniy) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2000. 38 s.
2. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M. : Sovetskaya Entsiklopediya, 1983. 840 s.
3. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. M., 1986. 543 s.

**ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СРЕДСТВА ОБРАЗНОСТИ
В ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО УЧЕБНИКА ПО ЭКОНОМИКЕ**

В. П. Булычева

Традиционно полагается, что учебник характеризуется точностью, логичностью, но лишено образности. Изучая множество учебников по экономике, я пришла к заключению, что в наше время ученые довольно часто прибегают к различным экспрессивным способам изложения. Данная статья рассматривает структуру учебника как жанр и присутствие в нем образно-описательных средств.

Ключевые слова: учебник, образ, метонимия, метафора, аллюзия, эпитет, фразеологизм, пословица

Стиль учебника – это монолог, поэтому изложение, как правило, ведется от третьего лица, так как внимание сосредоточено на содержании и логической последовательности сообщения, а не на субъекте.

Научное изложение в учебнике имеет своей целью воздействия на ум, а не на чувства читателя; оно рассчитано не на эмоционально-чувственные, а, прежде всего, на логическое восприятие. Экономический текст не исключение. Он стремится к максимальной объективности изложения и, как правило, не дает возможности представить настроение автора, его отношение к читателю, оценку излагаемого.

Например, среди множества опубликованных в США и в Западной Европе учебников по микроэкономической теории промежуточного уровня широко известен учебник американского автора Хэла Р. Вэриана «Микроэкономика». Наш выбор был обусловлен тем, что с 1987 по 1996 этот учебник успел выдержать четыре издания, причем с третьего издания был принят как базовый в преподавании микроэкономики в более чем 400 колледжах и университетах мира, в том числе и в Астраханском государственном университете. Его популярность объясняется сочетанием теоретической глубины и доходчивости в изложении материала, а также тем, что в отличие от других западных учебников такого уровня используемый в нем математический аппарат выступает лишь удобным средством представления экономических проблем.

Автор учебника придает особое значение конкретным примерам практического применения основных микроэкономических понятий, а не пытается снабдить студентов одной лишь энциклопедией терминологии и сухо передать факты. Поэтому данный учебник содержит большое количество примеров, включающих образную составляющую.

Так, упомянутый учебник Хэла Р. Вэриана «Микроэкономика» охватывает всю стандартную проблематику классического курса «микро-2» – теорию поведения потребителей и рыночного спроса с учетом фактора времени и фактора неопределенности, теорию производств, издержек и прибыли, теорию рыночных структур, теорию общего равновесия и экономическую теорию благосостояния, проблемы связанные с существованием внешних эффектов, общественных благ и асимметрии информации. Для того чтобы сложный материал воспринимался и усваивался, изложение идет от простого к сложному.

Учебник Брэдли Шиллера посвящен основным проблемам макроэкономики, таким как проблемы спроса и предложения, безработицы, инфляции, внешнего долга, финансовой политики и др.

Автор учебника – это специалист высокой квалификации (или коллектив авторов) в данной отрасли знания, крупный ученый, экономист, разбирающийся в процессах экономики, и способный научить, донести информацию до читателя. Так, Хэл Р. Вэриан преподает в Калифорнийском университете на кафедре управления бизнесом и экономикой, он имеет несколько научных степеней, в том числе и доктора экономических наук; опубликовал большое количество работ по экономической теории, организации фирмы и эконометрике, которые переведены более чем на 20 языков мира.

Джеффри Черч – доктор экономических наук Калифорнийского университета в Беркли, ассоциированный профессор университета Калгари, занимал ряд управленческих должностей. Его соавтор Роджер Вэр также является профессором экономики в Королевском университете в Кингстоне (Канада).

Несомненно, что личность автора и его способность к образному видению мира накладывает свой отпечаток на презентацию материала в тексте учебника: частотность использования средств образности неодинакова, в одних текстах она более высокая, в других гораздо ниже.

Учебник по экономике предназначен для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям, то

есть целевой аудиторией учебника являются люди, которые готовятся к профессиональной деятельности, либо уже занимаются ею. Это предполагает определенный, достаточно высокий общекультурный уровень адресатов, наличие у них обширных фоновых знаний, к которым может апеллировать, в случае необходимости, автор. Автор постоянно обращается к адресатам, приглашая их следовать за ним в ходе рассуждения, отсылает их к ранее изученным разделам. Диалогичность учебника находит отражение в виде заданий, обращенных к студентам.

В учебнике авторы часто прибегают к примерам из прошлого опыта и событий, оценивая их с позиций современности. Информация в учебниках уже зафиксирована в языке науки в виде суждений, обязательно проверена, осмыслена, хотя со временем может измениться с появлением других событий. Содержание учебника связано с глубоким анализом фактов, которые проходят критическую оценку и проверку, очищая их от случайных и несущественных. Учебник обычно выдерживает несколько изданий, он должен содержать информацию, сохраняющую свою актуальность хотя бы в течение нескольких лет.

Автор учебника уделяет самое серьезное внимание стилю и языку учебника, так как именно языково-стилистическая культура лучше всего позволяет судить об общей культуре его автора. Однако не следует полагать, что существует свод «писанных правил» научной речи. Можно говорить лишь о некоторых особенностях научного языка, уже закрепленных традицией.

Наиболее характерной особенностью языка учебника является формально-логический способ изложения материала. Это находит свое выражение во всей системе речевых средств. Научное изложение состоит главным образом из рассуждений, целью которых является доказательство выдвигаемых положений. Важнейшим средством выражения логических связей являются здесь специальные функционально-синтаксические средства связи, указывающие на последовательность развития мысли (вначале, прежде всего, затем, итак), обращение к предыдущим разделам (**we saw in the last chapter...**, **As above, we will suppose...**), **сложные грамматические обороты**, клише, обороты, обращенные к адресату (Suppose..., Let us suppose..., Let's see..., Let's consider..., If we let..., Think of a case...), которые помогают читателю (адресату) проследить логику развития мысли.

На уровне целого текста для учебника едва ли не основным признаком являются целенаправленность и прагматическая установка. Отсюда понятно, почему эмоциональные языковые элементы в учебниках играют специфические роли. Научный текст характеризуется тем, что в него включаются только точные, полученные в результате длительных наблюдений и научных экспериментов сведения и факты. Это обуславливает и точность их словесного выражения и, следовательно, использование специальной терминологии. Благодаря специальным терминам достигается возможность в краткой и экономной форме давать развернутые определения и характеристики научных фактов, понятий, процессов, явлений.

Качествами, определяющими культуру научной речи, являются точность, ясность и краткость. Смысловая точность – одно из главных условий, обеспечивающих научную и практическую ценность информации, заключенной в текстах учебника. Действительно, неправильно выбранное слово может существенно исказить смысл написанного, дать возможность двоякого толкования той или иной фразы, придать всему тексту нежелательную тональность.

Для текста в учебнике характерна смысловая законченность, целостность и связанность. В тексте обязательны ссылки, недопустимы междометия, восклицания, просторечия и другая неясная мало-значимая информация.

Часто употребляется изъяснительное наклонение глагола, редко – сослагательное наклонение. Поскольку речь в учебнике характеризуется строгой логической последовательностью, отдельные предложения и части сложного синтаксического целого, все компоненты (простые и сложные), как правило, очень тесно связаны друг с другом, каждый последующий вытекает из предыдущего или является следующим звеном в повествовании или рассуждении. Поэтому для текста учебника характерны сложные предложения различных видов с четкими синтаксическими связями. Преобладают сложные союзные предложения. В учебном тексте чаще встречаются сложноподчиненные, а не сложносочиненные предложения, так как подчинительные конструкции выражают причинные, временные, условные и тому подобные отношения, кроме того, отдельные части в сложноподчиненном предложении более тесно связаны между собой, чем в сложносочиненном; безличные, неопределенно-личные предложения в тексте учебника используются при описании фактов, явлений и процессов. Номинативные предложения применяются в

названиях разделов, глав и параграфов, в подписях к рисункам, диаграммам, иллюстрациям.

В текстах учебников специфические черты носят единичный характер, в основном используются специальные терминологические словосочетания. Большая часть лексики обозначает объекты и явления, которые входят в сферу изучения экономики. Как видно из текстов учебника, количество образных средств достаточно скромно, так как автор данного текста не заинтересован в том, чтобы излишне разнообразить повествование. Однако многие из терминов имеют метафорическую природу.

Термины, содержащие образ, – естественное явление в учебных экономических текстах, поскольку создание новых терминов тесно связано с научными открытиями. Образность помогает ученому сформулировать новые знания, опираясь на предыдущий опыт, возможно из другой сферы деятельности, а затем передать их читателю в удобной для восприятия последней форме. Например: *Deadweight loss does not vary intensively with the elasticity of demand*⁷ [Church, Ware, 2000, p. 78]. Термины *deadweight loss u the elasticity of demand* (буквально «потеря мертвого груза» и «эластичность цены») давно стали терминами.

В текстах учебников используется как языковая метафора, обладающая устойчивым (фиксируемым словарями) характером и не вызывающая у читателя каких-либо дополнительных образов или эмоционально окрашенных ассоциаций, так и речевая (индивидуально-авторская) метафора. Рассмотрим ряд примеров:

*Suppose then that one monopolist produces output x at a constant marginal cost of c . We call this monopolist **the upstream monopolist**. It sells the x -factor to another monopolist, **the downstream monopolist** at a price of k . [Varian, 1990, c. 442]. Тогда предположим, что один монополист производит выпуск x с постоянными предельными издержками c . Мы называем такого монополиста «поставщик фактора производства». Он продает фактор производства x другому монополисту, производителю готовой продукции по цене k .* Термины **upstream u downstream** широко используются в современной экономике. Они характеризуют направление производственных процессов. Так как исходные материалы часто добываются в земле (уголь, газ, нефть, руда и др.), предполагается их движение вверх (**upstream**). Процессы, ведущие к появлению готовой продукции и ее реализации на рынке, представляются как направленные вниз (**downstream**).

В результате ограничений, накладываемых на метафору самим характером научного текста, она приживается в учебной литературе и входит в качестве одного из элементов в систему научно-логического познания, становясь приемлемым языковым средством для выражения логически аргументированной научной мысли. При этом необходимо отметить, что « в науке метафора первоначально возникает такими же путями, как и в поэзии» [Мейлах, 1971, с. 144-145], и только затем, в результате ряда регламентирующих процессов, ее эмоциональная окраска стирается и метафора подчиняется прагматическим качествам научной речи – ее логической последовательности, рассудочности, смысловой точности и функциональной целесообразности.

Однако было бы ошибкой считать, что только стертые метафоры присущи научному тексту.

*No **magic wand** is available to transform nuclear subs into railroads [Schiller, 2003, p.10].* Рассматривая вопрос о влиянии сокращения военных расходов на экономику, автор говорит о необходимости развития производства, т.к. не существует волшебной палочки, которая превратила бы атомные подводные лодки в так необходимые железные дороги.

*Small company managers tend to be at least as competent, intelligent and attentive as their **big business cousins** [Popell, 1985, p. 9].* Менеджеры небольших компаний должны быть столь же компетентны, умны и внимательны, как и представители крупного бизнеса. Создается образ семьи, связанной общими узами родства.

*The practices and techniques recommended here are primarily the “**blocking and tackling**” of business management [Popell, 1985, p. 9].* Рекомендованные методики работы успешного менеджера автор образно сравнивает с оснасткой корабля. В данном тексте технический термин **blocking and tackling** используется метафорически, подчеркивая важность этих рекомендаций.

*The whole dairy industry **was reeling** from the shocks of 143 milk price-fixing cases [Church, Ware, 2000, p. 110].* Глагол **to reel** означает «кружиться, раскачиваться, шататься» и употребляется обычно с конкретными именами. В данном контексте речь идет о том, что 143 иска, предъявленные предприятиям молочной промышленности из-за установки фиксированных цен, лишили ее устойчивости.

*The great **CD war** was over [Church, Ware, 2000, p. 35].* Конфликт между компаниями, производящими диски, назван войной. Тот же

образ войны и ее жертв представлен в следующем примере: *The whole countryside was littered with the bodies of companies whose managements created a produce of service and only then attempted to identify and reach a viable market place* [Popell, 1985, p. 25]. Важность маркетинга подчеркивается метафорой «усеянный телами компаний», которая несет образ гибели в конкурентной борьбе из-за неэффективного исследования рынка.

The objective of fiscal policy in an inflationary environment is to decrease total spending rather than increase it. In this respect, fiscal policy is a two-edged sword, which may be used either to stimulate or to suppress aggregate spending [Schiller, 2003, p. 10]. Финансовая политика в период инфляции образно сравнивается с обоюдоострым мечом, т.к. она может быть использована либо как средство стимулирования потребления, либо как средство его сокращения. Яркие образные эпитеты всегда содержат оценочный компонент и служат средством передачи отношения автора. Они придают тексту эмоциональность, служат средством приближения к читателю. Например: *That absurd delusion became apparent only over an extended period of time, during which I was forced to learn a more cruel truth* [Popell, 1985, p. 14].

Эпитет «абсурдный» характеризует испытываемое многими менеджерами заблуждение, а эпитет «суровый, жестокий, безжалостный» в данном случае относится к информации о том, что существует множество логических верных, но нереализуемых управленческих идей, как и множество идей нелогичных на первый взгляд, но дающих хорошие результаты.

В сочетании *leading-edge technology* термин *leading edge* относится к области механики и обозначает режущую кромку приспособления. В сочетании с абстрактным существительным *technology* термин становится метафорическим эпитетом и характеризует передовую, эффективную технологию: *What is the driving force of the company, i.e the element that distinguishes it from competition? Leading edge technology?* [Popell, 1985, p. 125].

The buying power of large grocery chains was threatening the existence of many Mom and Pop corner shops [Church, Ware, 2000, p. 223]. Возможности крупных торговых сетей угрожают существованию небольших магазинчиков, которые автор экспрессивно называет «лавочками мам и пап». Данный эпитет, несомненно, передает теплое отношение автора, тем более что использована ласкательная форма существительных *mother* и *father*.

*Stock control is one of the most **frustrating** aspects of profit and financial management* [Popell, 1985, p.35]. Эпитет **frustrating** эмоционально характеризует трудности и огорчения, которые несет в себе финансовая деятельность. В его семантике присутствуют семы «тщетность усилий», «поражение», «разочарование».

*At first, the economy was wracked by **back-to-back recessions** that threw millions of Americans out of work* [Popell, 1985, p. 22]. Эпитет **back-to-back** показывает, что периоды рецессии шли практически без перерыва.

*The firms which survived the recession and continued to make a profit in the late 1970s and early 1980s are mainly those which undertook the **ruthless cost-cutting exercises**...* [Lowe, 1989, p. 88]. Для выживания в период экономического спада понадобилось безжалостно снижать себестоимость продукции. Эпитет **ruthless** – безжалостный, не знающий сочувствия характеризует трудности, с которыми пришлось столкнуться во время борьбы за снижение себестоимости.

Употребления голофразиса т. е. окказионального функционирования словосочетания или предложения как цельнооформленного образования, графически, интонационно и синтаксически уподобленного слову, также характерно для учебной литературы. В силу своей непредсказуемости такие словоподобные образования („фразовый эпитет”) очень выразительны: *Consumer i buys in period t if $v_i > p$; This is called the «**get-it-while-you-can**» strategy.* [Church, Ware, 2000]. (Покупатель i за период t совершает покупки при условии, что $v > p$. Это называется стратегией: «Хватай, пока можешь».

В текстах учебников выявлено большое количество сравнений, цель которых – сделать информацию более доступной на основе обращения к знакомым образам.

*The use of the market mechanism to express your desires is as **familiar as grocery shopping*** [Schiller, 2003, p.115]. Покупка бакалейных товаров совершается ежедневно, хорошо знакома каждому. Чтобы показать известность использования рыночных механизмов для выражения предпочтений покупателя, автор использует сравнение, хотя в нем содержится явное преувеличение.

*Air cannot be packaged and marketed. Hence to leave the quality of the air we breathe to the determination of the market mechanism is like **tightening one's own noose*** [Schiller, 2003, p.118]. Предоставление возможности регулировать качество воздуха, которым мы дышим, с помощью рыночных механизмов расценивается как самоубийствен-

ный шаг – затягивание петли на собственной шее. Эффект сравнения усиливается тем, что оно перекликается с понятиями «воздух» и «дышать» в предыдущей части предложения.

Like weather forecasters we continue to make predictions, knowing that occasional failure is inevitable. In so doing, we are motivated by the conviction that it is better to be approximately right than to be dead wrong [Schiller, 2003, p.22]. Частые ошибки в прогнозах погоды давно являются объектом шуток, и в данном примере автор сравнивает экономистов с метеорологами, иронически поясняя, что они продолжают делать прогнозы в надежде, что иногда их предсказания все-таки правильны.

Gearing is like a lever which in conjunction with the fulcrum will allow the operator to move a rock by exerting a relative modest amount of downward pressure on the portion of the lever [Lowe, 1989, p.88]. Гиринг, или соотношение заемного капитала и капитала компании, сравнивается с рычагом, с помощью которого работник может выполнить тяжелую работу, приложив сравнительно небольшие усилия. Этот наглядный пример помогает увидеть принцип действия гиринга, когда компания может с помощью заемных средств успешно функционировать.

Как и в статьях, в учебниках используется профессиональная лексика с образным компонентом, но в меньших объемах. Наличие образного компонента выявляется с помощью приема оживления метафоры.

Например: «*Regulation replaces the invisible hand of competition with direct intervention – with a visible hand, so to speak*» [Kenneth, 1991, c.2]. Профессионализм *the invisible hand* обозначает рыночные механизмы, в число которых входит конкуренция. Автор утверждает, что конкуренция осуществляется внешне незаметно, в то время как регулирование имеет видимые характеристики.

Профессионализм *safe haven* (буквально «надежная гавань») используется в значении «безопасное, надежное место хранения денег»: *People buy bonds – lend money to the US Treasury – because bonds pay interest and are a relatively safe haven for idle funds* [Schiller, 2003, p.22].

Высокой частотностью характеризуется употребление в учебных текстах фразеологизмов и пословиц. Например: *The Waters had a trick or two up their sleeves* [Church, Ware, 2000, p.107] (У компании Уотерс наготове была парочка фокусов). Описывая способы проник-

новения на рынок в конкурентной борьбе между двумя компаниями, производящими диски, авторы приводят пример двух вымышленных компаний. Фразеологизм *to have a trick up one's sleeve* – быть себе на уме, держать в запасе что-то наготове, происходит из сферы деятельности фокусников. Он имеет разговорную окраску. С его помощью ситуация делается более впечатляющей, доступной для восприятия.

Unless a high growth company is well capitalized, to begin with, and management exercises extreme care to keep its financial house in good order, such a cash flow can jeopardize the company's very existence [Popell, 1985, p.59]. В данном примере речь идет о ситуации, когда быстро развивающаяся компания может потерпеть крах, если у нее нет достаточных запасов собственного капитала, кроме того, менеджеры должны старательно следить за порядком в финансовых делах. Введение в устойчивое выражение *to keep a house in order* прилагательного *financial* помогает представить менеджеров компании в виде усердных хозяек, наводящих порядок в доме.

Many bright, earnest small company managers ...turn a blind eye to the most likely questions [Popell, 1985, p.78]. Фразеологизм *to turn a blind eye to something* – закрывать глаза на что-то, смотреть сквозь пальцы – помогает читателю отойти от сложных терминов в предыдущей части текста, т.к. меняется общая тональность отрывка. Это становится особенно заметно, если заменить фразеологизм его нейтральным соответствием – *not to see* – не желать видеть.

The sum total of these various terms and conditions is to protect the bank's interest by keeping management from going off the deep end with the bank money [Lowe, 1989, p.169]. Фразеологизм *to go off the deep end* в британском английском обозначает «волноваться, приходить в возбуждение», а в американской культуре имеет значение «действовать сгоряча, принимать необдуманные решения». Именно второе значение реализуется в приведенном примере: все описанные действия и условия должны защитить интересы банка и не допустить принятия его менеджерами необдуманных, поспешных решений.

Пословицы служат важным средством образности во многих жанрах. Они аккумулируют в себе опыт поколений – как положительный, так и отрицательный. Благодаря своей сжатости, семантической емкости они помогают представить нужное положение в более понятной образной форме, воздействуя не только на разум, но и на чувства реципиента. Например:

The problem of "losing forest for the trees" is particularly prevalent in small companies because there is typically no reliable, independent sounding board within the organization [Popell, 1985, p.14]. Пословица «Не увидеть леса за деревьями» существует и в русском языке в том же значении: заняться мелкими, менее существенными делами, упустив из виду самые важные. Автор предупреждает об этой опасности владельцев небольших компаний, поскольку в них, как правило, все решения принимаются главным управляющим практически в одиночку, и нет надежного независимого правления, которое могло бы принимать стратегические решения.

*During periods of difficulty or expansion, it is common for management to neglect one or more functional areas while addressing major problems and opportunities. Remember, **it isn't always the squeaky wheel the first one to go off the wagon** [Popell, 1985, p. 59]. *The squeaky wheel isn't always the first one to fall off the wagon* буквально означает «Не всегда первым от телеги отваливается скрипучее колесо». В данном контексте пословица служит предупреждением менеджерам небольших компаний в трудное время, решая наиболее существенные проблемы, не упускать из виду другие аспекты деятельности компании, ибо они могут оказаться решающими.*

Наряду с пословицами средством привлечения внимания служат афоризмы, часто шуточные, например: *You probably heard the old maxim about bankers lending money only when you don't need it. While there is some truth in this aphorism, the fact remains that bankers are in the business of lending money, and your company is a potential customer [Popell, 1985, p.56].* В главе об отношениях компании с банками автор приводит этот афоризм, чтобы показать, что хотя на помощь банков можно рассчитывать не всегда, необходимо поддерживать хорошие отношения с ними.

Нами было обнаружено достаточно много случаев аллюзии. Аллюзии – это ссылки на исторические, литературные, мифологические, библейские и бытовые факты. Аллюзия – это речевой фразеологизм, в отличие от языковых фразеологизмов, которые фиксируются словарями как единицы словарного состава языка. Аллюзия обычно делается на широко известные факты [Гальперин, 1958, с.176]. В текстах учебников аллюзии служат средством образования терминов и профессионализмов с образным компонентом.

В послевоенные годы, в период нарастания гонки вооружений, сторонники мира выдвинули короткий и яркий лозунг: «**No guns in-**

stead of butter». В экономике проблема увеличения военных расходов за счет ущемления насущных расходов населения получила название **guns vs. butter problem** (пушки против масла). Данный термин стал широко употребительным. Ср.: *This is the classic "guns vs. butter" problem. If American defence output (guns) is curtailed in response to easing East-West tensions in Europe, we will have more resources available for producing other goods and services (butter)* [Schiller, 2003, p.6].

Довольно широкое использование в жанре учебника национально-культурных аллюзий происходит в силу их известности, мощности культурного фона исторических номинаций. Ссылки на яркие литературные персонажи являются убедительным примером экономии языковых средств и одновременно обогащения их более глубоким смыслом. Использование образной составляющей в учебной литературе имеет явные преимущества перед сухой констатацией фактов, так как обеспечивает правильное понимание предмета информации, и через конкретный образ оживляет научное изложение.

Для образования данных выражений экономисты используют яркие литературные персонажи: Полоний (*the Polonius point*), Робинзон Крузо (*the Robinson Crusoe economy*), Пигмалион (*the Pygmalion effect*) и др.

Леди Макбет – персонаж трагедии У. Шекспира «Макбет» – очень красива, пленительно женственна, завораживающе притягательна, но смертельно опасна. Леди Макбет не знает ни сомнений, ни колебаний, не ведает сострадания: она в полном смысле слова «железная леди». В экономике «стратегией леди Макбет» (*Lady Macbeth Strategy*) называют тактику поглощения, когда третья сторона выступает сначала в роли «белого рыцаря», а затем меняет свою политику и объединяется с враждебным поглотителем.

Еще один пример: *We might say that this consumption position is the "Polonius point"* [Varian, c. 442] Полоний является персонажем У. Шекспира из «Гамлета», который дает совет своему сыну: «В долг не бери и займы не давай, легко и ссуду потерять, и друга, а займы тупят лезвие хозяйства». Таким образом, **Polonius point** характеризует состояние в экономике, когда сбережения равны потреблению.

В следующем примере в основе аллюзии используется имя героя Даниэля Дефо – Робинзона Крузо. *The traditional name for this economic model is the Robinson Crusoe economy after Defoe's shipwrecked hero* [Varian, 1990, c.442]. Это выражение получило пере-

носное значение на основе ассоциаций по сходству: Робинзон Крузо на необитаемом острове является и потребителем, и производителем одновременно. Данное выражение является синонимом термина «натуральное хозяйство».

В ряде случаев аллюзия требует расшифровки, т.к. связь с основным образом в значительной степени утрачена. Например: *...there is a huge jump in earnings associated with high school graduation. Economists have termed this **the sheepskin effect**, in reference to the fact that diplomas were often written on sheepskin [Varian, 1990, с.614].* В данном примере речь идет о влиянии уровня образования на оплату труда. Чем выше уровень образования, тем выше не только производительность труда, но и его оплата. Так как в прошлом дипломы часто писались на пергаменте, изготовленном из овечьей шкуры, она выступает в качестве обозначения диплома на основе метонимического переноса.

Самым распространенным случаем темпоральной метонимии в учебнике по экономике стала дата October 19, 1987. *Many of you will remember "**Black Monday**", October 19, 1987, when the Dow Jones industrial average experienced a record one-day fall of roughly 20 percent [Church, Ware, 2000, с.176].* Она связана с отрицательными коннотациями. 19 октября 1987г. средний промышленный индекс Доу-Джонса упал на рекордные 508 пунктов.

Таким образом, анализ текста англоязычных учебников по экономике показал, что хотя изложение материала в них близко к архетипическому академическому стилю и продиктовано необходимостью логичности, высокой информативности, краткости, в них тоже находится место для средств образности.

Проведенный анализ показал, что самым употребительным средством образности выступают метафоры и эпитеты, однако профессионализмы с образным компонентом представлены в меньшем количестве.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. 500 с.
2. Мейлах, Б. С. На рубеже науки и искусства. Л., 1971. С. 144–145.

List of literature

1. Gal'perin, I. R. Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka. M., 1958. 500 s.
2. Meylah, B. S. Na rubezhe nauki i iskusstva. L., 1971. S. 144–145.

3. Church, J. Industrial Organization: A Strategic Approach. Mc.Graw-Hill, 2000. P. 926.

4. Lowe, D. Goods Vehicle Costing and Pricing. Kogan Page, 1989. P.300.

5. Popel, I St. D. Big Profits from Small Companies. USA: Lomas, 1985. P.230.

6. Schiller, B. R. The Macroeconomy Today. McGraw-Hill/Irwin, 2003. P.328.

7. Varian, Hal R. Intermediate Microeconomics. N.Y., 1990. P. 630.

3. Church, J. Industrial Organization: A Strategic Approach. Mc.Graw-Hill, 2000. P. 926.

4. Lowe, D. Goods Vehicle Costing and Pricing. Kogan Page, 1989. P.300.

5. Popel, I St. D. Big Profits from Small Companies. USA: Lomas, 1985. P.230.

6. Schiller, B. R. The Macroeconomy Today. McGraw-Hill/Irwin, 2003. P.328.

7. Varian, Hal R. Intermediate Microeconomics. N.Y., 1990. P. 630.

**СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЕСТЕСТВЕННЫХ ИМЕН
СОБСТВЕННЫХ В АНГЛИЙСКИХ АВТОРСКИХ СКАЗКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК А. МИЛНА, П. ТРЕВЕРС,
ДЖ. РОЛЛИНГ, Л. КЭРРОЛЛА)**

Т. В. Дьякова

В статье освещается вопрос о способах перевода естественных имен собственных в английских авторских сказках. К естественным именам в авторской сказке относятся личные имена естественного английского именника, онимизированные апеллятивы и аллюзивные имена. Наиболее распространенные способы перевода всех трех типов имен являются транскрипция, транслитерация и перевод внутренней формы имени собственного.

Ключевые слова: авторская сказка, способы перевода, естественные имена.

Исследуя английские авторские сказки, представляется интересным проследить интенции переводчика при выборе способа перевода имен собственных. В данном случае от переводчика требуется особый подход к трансформации текста и созданию переводного эквивалента как для переводимых, так и непереводаемых элементов.

Считается, что имена собственные «переводятся» как бы сами собой, автоматически, сугубо формально. Результатом подобного формального подхода являются многочисленные ошибки, разночтения, неточности в переводе текстов и использовании иноязычных имен и названий. А иной раз наоборот – возводимая в абсолют «точность» передачи приводит к возникновению неудобопроизносимых, неблагозвучных или бессмысленных имен и названий.

Авторская сказка – сложное видовое образование, сочетающее в себе как элементы реальности, так и элементы вымысла. Эту особенность авторской сказки можно проследить и в системе имен собственных.

Говоря об авторской сказке, следует отметить использование в ней имен сложившихся естественным путем, так и искусственно созданных.

В данной статье речь пойдет о естественных именах собственных в английских литературных сказках, воплощающих связь литературной сказки с реальностью. Они представлены тремя категориями:

1. Личными именами реального английского именника.
2. Аллюзивными именами (именами исторических лиц, литературными и мифологическими менами).
3. Онимизированными аппелятивами.

Что касается личных имен реального английского именника, то в качестве перевода используется такие способы как транскрипция или транслитерация. В сущности, и переводом это назвать сложно. В современной лингвистике собственные имена часто определяются как называющие лексические единицы в отличие от нарицательных слов, которые считаются обозначающими единицами. Иначе говоря, у имен собственных на первый план выступает функция номинативная – называть, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга, в противоположность именам нарицательным, основная функция которых – называть, чтобы сообщать значение, коннотировать.

Особенность имен и названий, в отличие от многих заимствованных иностранных слов, состоит в том, что при передаче их на другом языке они в основном сохраняют свой первоначальный звуковой облик. Причина этого заключается в специфике семантической структуры собственного имени. При передаче имен собственных первостепенную важность принимает звуковая оболочка. Это происходит потому, что они обозначают индивидуальные объекты непосредственно, минуя ступень представления или общего понятия (референта).

Примерами транскрипционного перевода имен собственных, то есть условной передачи звучания слова могут послужить следующие имена *Lacie* (Лейси), *Mary-Ann* (Мери-Эн), *Jane* (Джейн), *Alice* (Элис), *Barbara* (Барбара), *Willoughby* (Уиллоуби), *Andrew* (Эндрю).

Для воспроизведения же в русском тексте иностранных имен и названий предпочтение в большинстве случаев отдается так называемой практической транскрипции, учитывающей не только письменную форму исходных слов, но и их произношение, а также исторические соображения. В чистом виде транслитерация применяется для немногих языков: таковы, например, системы передачи кириллицей китайских и японских слов. Так что лишь в единичных случаях будет уместно применение транслитерации при переводе сказочных имен собственных. К случаям транслитерирования будут относиться такие имена собственные как *Miss Lark* (Мисс Ларк), *Peter* (Питер), в состав которых входит фонема **r**, не имеющая звучания в британском варианте английского языка. При транслитерировании она получает полноценное звучание в русском языке.

То есть трудностей при переводе данной группы имен собственных, а именно личных имен реального английского именника, не возникает.

Аллюзивные имена собственные, представленные в английских сказках именами исторических лиц, литературными и мифологическими именами, также не представляют сложности для переводчика. Здесь действуют те же способы перевода, что и при работе с личными именами реального английского именника: *Queen Elizabeth* (Королева Елизавета), *Guy Fawkes* (Гай Фокс), *Robinson Crusoe* (Робинзон Крузо). Переводя подобные имена собственные, переводчик должен обладать национально-культурной компетенцией. Прозвища людей – исторические, уже не зависящие от контекста, и прозвища героев в художественном тексте, служащие для характеристики персонажа, передаются с сохранением семантики корневой морфемы: *William the Conqueror* – Вильгельм Завоеватель, *Alfred the Great* – Альфред Великий. Псевдонимы передаются транскрипцией, кроме тех случаев, когда являются «говорящими». Но «говорящие» имена уже не относятся к естественно созданным.

Переходя к онимизированным аппелятивам, то есть к именам нарицательным, перешедшим в разряд имен собственных, нужно отметить разнообразие сфер, являющихся источниками данного разряда имен собственных. Это и наименования предметов обихода, пищи, растительного и животного мира, профессий (*Baker* – Пекарь, *Butcher* – Мясник, *Match-man* – Спичечник, *Milkman* – Молочник, *Hatter* – Шляпник), абстрактных понятий (*Joy* – Радость, *Precious* – Золотко) и т.д.

Так как в большинстве своем онимизированные аппелятивы в английских авторских сказках представлены наименованиями животных, то клички животных либо их виды (зоонимы) переводятся, если их внутренняя форма достаточно ясна: *Piglet*, *Eaglet*, *Rabbit*, *Lobster*, *Starling* (Скворец), *March Hear* (Мартовский Заяц), *Mock Turtle* (Фальшивая Черепа). В остальных случаях они транскрибируются. Международные клички транскрибируются с ориентиром на исходный язык: *Рекс*, *Джек*.

Говоря о современной авторской сказке, нельзя не отметить тот факт, что множество онимизированных аппелятивов, даже с неясной внутренней формой, всего лишь транскрибируются. Тем самым происходит потеря значения имени для читателя. Для русскоязычного читателя такие имена, как *Маггл* (прозвище для человека, не

наделенного магическими способностями, другими словами, это простофиля, простак, недотепа, чайник), *Богарт* (привидение, призрак, домовой, гоблин) из «Гарри Поттера» не несут смысловой нагрузки, хотя на языке оригинала обладают не только номинативной, но и смысловоразличительной и эмоциональной функциями. С одной стороны, выбор способа перевода не верен. Хотя, с другой стороны, иногда интенции переводчика лежат в рамках жанра, где подобные имена создают атмосферу таинственности и загадочности.

Таким образом, при переводе естественных имен собственных в английских авторских сказках используются такие приемы, как транскрипция, транслитерация, перевод внутренней формы имени собственного. И только талант переводчика помогает избежать потерю значения имени собственного для читателя.

**ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ И ЗНАКОМСТВА
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ С ЛИТЕРАТУРНЫМ
ТВОРЧЕСТВОМ Н. В. ГОГОЛЯ**

Н. А. Мороз

В данной статье дается общий обзор восприятия и изучения творчества великого русского писателя Н.В.Гоголя в Великобритании и Соединенных Штатах Америки. Автор анализирует также историю переводов произведений мастера на английский язык.

Ключевые слова: художественное произведение, перевод художественного произведения, творчество Н.В.Гоголя, англоязычные переводы.

На протяжении уже чуть более столетия в таких англо-говорящих странах, как США и Великобритания, различными переводчиками проявляется интерес к литературному наследию Н.В. Гоголя. В англо-говорящих странах время от времени выходят статьи, монографии и очерки о творчестве этого великого писателя, нередко появляются новые тексты переводов его произведений. В числе ряда других известных произведений, поэма «Мертвые души» также продолжает интересовать как аудиторию читателей, так и группы переводчиков и издателей. Отмеченное произведение входит практически во все известные литературные сборники Н.В. Гоголя, выходящие в печать на английском языке в последние годы.

Тем не менее, несмотря на проявляющийся интерес англоязычных литературоведов и переводчиков, нельзя констатировать увлечение гоголевской поэмой «Мертвые души» со стороны широкой англоязычной аудитории читателей. В данной ситуации справедливо будет отметить имеющий место факт глубинного осознания и восприятия произведения на уровне элитарного творчества и художественной культуры.

Заметим, что основная аудитория англоязычных читателей представлена профессионалами (преподавателями иностранных языков, мировой литературы, славистики, культурологии и т.д.). Специфика данной аудитории откладывает характерные особенности и на восприятии и на понимании отмеченной поэмы в англоязычном мире.

В крупных американских и британских университетах проводятся лекции и специальные курсы, целью которых является глубокое изучение творческой деятельности Н.В. Гоголя. При этом практически все лекции и курсы содержат в своем плане изучение гоголевской поэмы «Мертвые души». Нередко эта поэма используется для практического анализа концепций интерпретации и перевода текстов художественного произведения.

Рассмотрим историю становления и развития ознакомления англоязычных граждан с литературным наследием Н.В. Гоголя и с той атмосферой и культурной средой, в рамках которой оно происходило.

Так, в период XIX - XX веков проявление интереса к русскому творчеству определялось в немалой степени характером общественных и политических тенденций, имевших место в России, и той ролью, которую представляла страна в рамках мировых исторических событий.

Отметим, что существенная составляющая истории осознания и восприятия литературы русских авторов в западных странах является некой последовательностью время от времени повторяющихся подъемов и спадов соответствующего интереса.

Наибольший интерес англоязычной, и в первую очередь, британской, аудитории к произведениям русской литературы пришелся на 10-ые годы XX столетия. В отмеченный период интерес к творчеству русских писателей вышел за рамки ограничения творчеством Тургенева, Достоевского, Толстого. В это время литературные произведения Н.В. Гоголя также становятся достаточно популярными в англоязычном мире.

Одновременно с этим, на арену популяризации литературного творчества русских авторов среди британцев, выходит известная переводчица - Констанция Гарнет. Об ее переводческой деятельности ведутся дискуссии, обсуждаются вопросы ее профессионализма, умения передавать особенности культурного колорита и менталитета русского человека. Однако, несмотря как на позитивные, так и негативные отзывы критиков, роль ее работы в ознакомлении англоязычной аудитории с русской литературой соответствующего периода трудно переоценить.

Для наглядности приведем некоторые отзывы на переводческий аспект деятельности Гарнет. По мнению популярного американского книгоиздателя Карла Проффера, комплексность и «вездесущность» трудов Констанции Гарнет оказала скорее отрицательное

воздействие на восприятие русской литературы среди англоязычной аудитории. В качестве примера рассмотрим его цитату, в которой содержится ирония над переводческим профессионализмом Гарнет. В частности, К. Проффер отмечает, что стиль Гоголя в ее переводах «невозможно отличить от стиля Толстого, Тургенева, Достоевского или Чехова» [9. С. 420].

Однако, справедливости ради, следует заметить, что большая часть отзывов на работы К. Гарнет, оставленная ее современниками – критиками, имела скорее позитивную оценку. Ее переводы были очень известными и популярными и в течение многих лет представлялись неким образцом, как для профессиональных критиков, так и для массовой аудитории читателей.

Таким образом, несмотря на существенные недостатки и пробелы в области стилистики, на которую много раз указывали критики более позднего времени, ее труды в области переводов русских литературных произведений были очень известны. По нашему мнению, данный фактор обосновывается тем, что на протяжении долгого периода (особенно это проявилось на рубеже XIX – начала XX веков), значимость русской художественной литературы в большинстве случаев была обусловлена их сущностной и содержательной компонентой. При этом эстетическая часть зачастую уходила на задний план. Прежде всего, данное обстоятельство затронуло начальный этап ознакомления англоязычной аудитории с литературными произведениями Н.В. Гоголя.

Следует заметить, что одним из первых известных переводов гоголевских произведений с русского языка на английский является вышедший в Лондоне в 1854 г. роман под названием «Жизнь в России». Данный роман был издан с подзаголовком «Заметки русского дворянина». По своей сути произведение представило собой достаточно примерное и вольное изложение гоголевского произведения «Мертвые души», что свидетельствует о большом познавательном интересе англоязычной аудитории к дальней стране с иной культурой и специфическими традициями, особенно в условиях, когда информации о ней было крайне мало.

В данном случае, как и во многих других, предпочтительную значимость играли не сюжет и стилистические характеристики произведения, сколько этнографический и идейно-тематический аспекты.

Сравнивая британское и американское восприятие произведений Гоголя, следует заметить наличие существенных отличий в данной

сфере. Так, ознакомление американской аудитории с русскими литературными произведениями отличалось, прежде всего, тем, что этот интерес в США не претерпевал таких существенных всплесков, подъемов и падений. Социальные, экономические и политические события, имевшие место в России, не влияли в существенной мере на степень интереса американцев к произведениям русских авторов. Данный факт обусловлен, прежде всего, тем, что США и Россия не являлись конкурентами в сфере художественной литературы.

В связи с этим, многие ученые замечают, что интерес к культуре и литературе русских людей в США до определенного времени имел не столько социальную, либо политическую, сколько эстетическую направленность.

Многочисленные положительные оценки русских литературных произведений со стороны американских читателей, можно также объяснить тем, что эти произведения воспринимались американцами в качестве некоего эталона морально-нравственной правдивости.

Однако уже в 1920-х годах интерес к произведениям русской литературы в США несколько уменьшился. В это время та же тенденция наблюдалась и в Великобритании. Отмеченные факторы повлекли за собой значительное сокращение издававшихся переводов русских произведений на английский язык.

Несмотря на это, уже к 1930-м годам положение немного меняется. Вместе с тем, как и в Великобритании в период начального ознакомления читательской аудитории с русскими произведениями литературы XIX века, переводы советских писателей в Америке 1930-х годов носили не столько эстетическую, сколько информативную направленность.

В последствие почти до окончания второй мировой войны ключевая роль в переводах отдавалась бытовым и социальным сторонам жизнедеятельности малоизвестной и в чем-то загадочной для американских читателей страны.

В период 1950–1960-х годов одним из известных и популярных переводчиков произведений литературы русских авторов в Соединенных Штатах Америки стал Дэвид Магаршак. Работы данного автора длительное время было принято считать, как и аналогичные труды К. Гарнет (Великобритания), эталонными и стандартными.

Тот же временной промежуток характеризуется увеличением издающихся трудов критиков, обративших внимание не только на проблемы исследования русской литературы, но также и на различные

аспекты её воздействия на англо-американские произведения литературы, на что повлияли, в числе прочих факторов, и условия имевшей тогда место «холодной войны».

Зачастую литературные произведения для перевода выбирались по политической направленности и в такой форме, что преувеличенное внимание к их содержанию отражалось на стиле изложения, который существенным образом менялся.

По замечанию Рэчел Мэй, спустя полтора столетия после того, как вышли впервые «пиратские» варианты переводов тургеневских, лермонтовских и гоголевских произведений, история переводов художественных текстов русских писателей, очертила некий полноценный и законченный круг. Так, переводы, сделанные уже в 1970-х годах, стали более профессиональными и в большей степени соответствовали требованиям научных подходов. Однако, прежде всего, они являлись не литературным феноменом, но лишь формой для извлечения информации и сведений о России [8. С. 45].

Данная тенденция способствовала тому, что ценность трудов переводчиков существенно снизилась. Это явление сопровождалось рядом характерных признаков. Так, традиционные вступительные очерки, помещаемые обычно в начало книг, редко публиковались вообще. При этом инициалы самих переводчиков печатались, как правило, маленьким шрифтом. Более того, с титульных листов их нередко помещали на вторичные страницы с оглавлением.

Продолжая анализ, можно заметить, что некоторое пренебрежение эстетической компонентой русской литературы в переводах продолжалось примерно до 1985–1987-х годов. С начала же пропаганды процесса перестройки, произошло активное развитие моды на всё, что связано с культурой, самобытностью и русским колоритом. Этот интерес коснулся и отечественной литературы.

В данный период политическая компонента и направленность некоторых произведений в значительной степени утратила свою первоочередную ценность. Более важными стали аспекты точной передачи стиля, формы произведения, его национальных особенностей, специфики менталитета русского писателя.

Яркой чертой, характерной как для американского, так и для британского литературного процесса, явилось относительно запоздалое полноценное раскрытие литературного наследия Н.В. Гоголя.

Как замечает Роял Гетман, в 30-е и 40-е годы XIX в. интерес к произведениям русской литературы еще не представлялся в полной

мере настолько неподдельным и искренним, чтобы понять и принять Н. Гоголя [8. С. 49]. И только по прошествии сорока лет, отношение к литературному наследию Н.В.Гоголя в некоторой степени подверглось видоизменению. Однако, бросающаяся для англоязычного читателя существенная «иностранность» теста, стиля, особенностей повествования и менталитета исследуемого писателя, являла собой большое препятствие в его популяризации в Великобритании и США.

Интересное замечание в данном отношении делает Е.М. Вог, который указывает, что Н. Гоголь раскрывал в своих произведениях более отдаленные времена, при этом, практически все его труды представляются в «высшей степени» русскими. Для того, чтобы читатели, литературоведы и критики дали высокую оценку его произведениям, «они должны быть переведены превосходно, чего, к несчастью, пока не произошло» [6. С. 13].

Следует отметить, что различными учеными указывается разное время выхода первых переводов гоголевских произведений с русского на английский язык.

Так, например, Д.М. Урнов в труде «Живое описание», посвященном сравнительному анализу литературных произведений Диккенса и Гоголя, утверждает, что знакомство английской аудитории с гоголевским творчеством можно отнести к началу 1840-х гг. Однако данный автор ни приводит наименований конкретных изданий и точных дат выхода соответствующих книг.

Первый перевод гоголевской повести «Портрет» с русского на английский язык, который по данным исследования Д.М. Урнова подтвержден документально, отнесен к 1847 г. В качестве первого английского переводчика «Портрета» назван Т.Б. Шоу. Публикация же его произошла в рамках популярного в то время литературного журнала «Blackwood's Magazine».

Однако противоречащую информацию мы встречаем у М.С Морщинера и Н.И. Пожарского, составителей «Библиографии переводов произведений Н.В. Гоголя на иностранные языки». Отмеченные исследователи в качестве первого перевода Гоголя на английский язык называют произведение «Вечера на хуторе близ Диканьки», указывая при этом 1850 г. в качестве даты его выхода.

Для объяснения проявившегося внимания к результатам творческой деятельности Н.В. Гоголя со стороны западных читателей, приведем поясняющую цитату из труда Белинского: «Гоголь как живописец

преимущественно житейского быта и прозаичной действительности не мог не иметь интереса для иностранцев уже по самому содержанию своих произведений. В нём всё особенное, русское...» [2. С. 23]. Похожей точки зрения придерживаются и многие другие западные переводчики и критики гоголевских произведений [10. С. 3].

Таким образом, можно заключить, что с одной стороны, своеобразие и необычность, национальный колорит гоголевских произведений привлекал переводчиков и англоязычных читателей, с другой, напротив, - отталкивал и делал малопонятным («инородным»).

Наравне с выявлением специфических критериев гоголевских произведений, делающих их интересными и необычными для читателей других стран, и соответственно, других культур, западные критики отмечают и существенную сложность, с которой неизбежно сталкиваются переводчики.

Так, например, американский критик К. Проффер очень кратко и своеобразно назвал гоголевский стиль «кошмаром для переводчика» [9. С. 418].

Анализируя взаимоотношения англоязычной литературы и гоголевский произведений, немало исследователей замечают, что в данной сфере, в первую очередь, необходимо вести речь не об определенных взаимовлияниях, но об имеющихся некоторых сходствах типологического характера. На это, в частности, указывает, В.И. Кулешов в своей работе «Литературные связи России и Западной Европы», отмечая, что сравнения Диккенса с русскими писателями - реалистами возможно и обосновано лишь в типологическом аспекте. При этом самого Гоголя и Диккенса роднит только «изображение возмущающей душу действительности, всегда проникнутое энергией и юмором» [3. С. 12]. **Этой точки зрения придерживаются и литературоведы, критики, изучающие взаимосвязи гоголевских произведений с английской литературой.**

Необходимо подчеркнуть, что авторы, рассматривающие американские связи Н.В.Гоголя, особый акцент делают, в первую очередь, на схожести сюжетных линий и тем гоголевских повестей с новеллами американских писателей-романтиков. При этом в процессе изучения английских связей Гоголя упор делается, в большинстве случаев, на поэму «Мёртвые души», рассматривающуюся в сравнении с европейскими романами.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что сравнение гоголевских произведений и литературного творчества

англоязычных авторов часто происходит по следующим ключевым аспектам: в зависимости от конкретного жанра произведения Гоголя, сравнения затрагивают американскую романтическую новеллу и английский реалистический роман.

Следует отметить, что ключевой специфической чертой гоголеведения в англоязычном мире в период 1980–2000-х годов явился существенный уход от исследования литературного наследия Н.В. Гоголя как одного целого, когда конкретные работы писателя изучались по большей части лишь в рамках всего его творчества и с позиции выявления общих черт. Самыми известными примерами данного комплексного подхода представляются труды Дональда Фэнгера, Ричарда Писа, Роберта Магуэра и некоторых др. авторов.

Не менее интересным представляется психоаналитическая концепция анализа гоголевских произведений. Данная парадигма приобрела известность и популярность в последние десятилетия. Ее яркими представителями явились такие исследователи, как Саймон Карлинский, написавший труд под названием «Сексуальный лабиринт Николая Гоголя», Дэниел Ранкур-Лаферье, выпустивший очерки «Проблема идентичности в гоголевском «Вии» и др.

Сторонникам теории психоанализа в исследовании гоголевских произведений по большей части импонировало некое родство и сходство литературных текстов данного писателя с фольклорной традицией, исходящей еще со времен древности.

Несмотря на существенные отличия во взглядах и концепциях к исследованию творческого наследия Н.В. Гоголя и переводов его трудов, большая часть британских и американских литературных критиков едины во мнении, что одной из ключевых проблем изучения произведений этого писателя является проблема их интерпретации.

Известно, что Дональд Фангер является одним из самых известных американских исследователей гоголевского творчества. В особенности часто данного автора цитировали в период 1960–1970-х годов. На сегодня имеется множество ссылок и цитат из его популярного труда «Творчество Николая Гоголя». По мнению Д. Фангера, все интерпретации в равной степени вероятны, они в той или иной мере могут быть обоснованы, однако, вместе с тем, они крайне не убедительны. По его мнению, Н.В. Гоголь сформировал «головоломку, к которой подходит множество ключей, но ни один из них не открывает» [7. С. 97]. Д. Фангер рекомендует исследовать литературу-

ные произведения Гоголя в качестве некоего «манифеста нового вида художественного изложения текста».

Заметим, что в большинстве трудов англоязычных критиков и литературоведов, касающихся гоголевской поэмы «Мертвые души», изучению и анализу подвергаются ее разные трактования в аспекте творческой деятельности писателя, мировой, а также непосредственно русской литературы. При этом почти все американские и британские исследователи поэмы затронули в своих трудах сюжетную структуру, особенности повествования. Данные аспекты зачастую выступают в качестве наименований заголовков соответствующих статей и публикаций.

Однако, даже высокий интерес литературоведов, переводчиков и критиков к произведению «Мертвые души» не повлиял на тот фактор, что вопросы, затрагивающие специфику стиля и языка Гоголя, различные особенности воспроизведения поэмы в другом социокультурном и историческом пространстве, на английском языке, были рассмотрены только в незначительной степени.

Данная позиция характерна и для русских литературоведов и критиков, занимающихся анализом жизни и судьбы гоголевских литературных произведений в англоязычных государствах. Следует отметить, что их поле интересов, сконцентрировано, в большей степени на осознании и особенностях восприятия произведений данного писателя со стороны критиков Великобритании и Соединенных Штатов Америки.

Заметим, что в отечественном литературоведении имеется широкая литературная база, посвященная исследованию связей русской литературы с англоязычной аудиторией. При этом анализ литературной деятельности Н.В. Гоголя занимает одну из выдающихся ролей.

Несмотря на внимание к гоголевскому творчеству, большая часть трудов, касающихся его анализа, носит описательную направленность, и зачастую, ограничивается классификациями критических отзывов о литературном наследии Н.В. Гоголя, общими обзорами его творческой жизнедеятельности, хронологиями ознакомления англоязычной аудитории с его произведениями, обзорами имеющихся переводов гоголевских работ.

Безусловно, перечисленные труды имеют существенную научную значимость и ценность. Однако, в большинстве имеющихся на сегодня статей, очерков и другой литературы, посвященной творчеству Гоголя, малое внимание уделяется переводческим проблемам.

В последние годы этот пробел несколько восполнен. В частности, вышли некоторые работы монографического характера, посвященные переводам произведений Гоголя. Среди них можно выделить, к примеру, труд И.И. Вороненкова, раскрывающий анализ повести «Нос» в англоязычных переводах [1], работу Ю.В. Никаноровой, посвященную непосредственно гоголевскому произведению «Мертвые души», в немецкой рецепции [5] и др.

Имеющиеся немногочисленные комплексные труды, освещающие интересующие аспекты, хотя и частично, но восполнили имеющиеся пробелы, однако полностью не решили всех проблем в исследуемой сфере.

Таким образом, можно сделать вывод, что широкому читателю на Западе имя Н.В. Гоголя действительно неизвестно, но художественная интеллигенция с каждым годом интересуется, постигает и знакомится с Гоголем все больше. Гоголь начинает соперничать с великими именами, при том, что он действительно труден для перевода, «он почти не переводим» [4. С. 24].

Список литературы

1. Вороненков, И. И. Повесть Н. В. Гоголя "Нос" в англоязычных переводах: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 141 с.
2. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т.8. Очерк «Перевод сочинений Гоголя на французский язык». С. 251.
3. Кулешов, В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1977.
4. Манн, Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души»: Писатель- критика- читатель. 2-е изд., доп. М. : Книга, 1987. 350 с.
5. Никанорова, Ю. В. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в немецкой рецепции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 223с.

List of literature

1. Voronenkov, I. I. Povest' N. V. Gogolya "Nos" v angloyazychnyj perevodah: dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2004. 141 s.
2. Belinskiy, V. G. Poln. sobr. soch.: v 13 t. M., 1955. T.8. Ocherk «Per-evod sochineniy Gogolya na frantsuzskiy yazyk». S. 251.
3. Kuleshov, V. I. Literaturnye svyazi Rossii i Zapadnoy Evropy v XIX veke (pervaya polovina). M., 1977.
4. Mann, Yu. V. V poiskah zhivoy dushi: «Mertvye dushi»: Pisatel'-kritika- chitatel'. 2-e izd., dop. M. : Kniga, 1987. 350 s.
5. Nikanorova, Yu. V. Poema N.V. Gogolya «Mertvye dushi» v nemetskoy retseptsii: dis. ... kand.filol. nauk. M., 2007. 223s.

6. Vogue, E.M. The Russian Novelists. Boston, 1887.
 7. Fanger Donald. Creation of Nikolai Gogol. Harvard, 1982. P. 121.
 8. May Rachel. The Translator in the Text: On Reading Russian Literature in English. Evanston, 1994. P. 49.
 9. Proffer, C. «Dead Souls» in Translation // Slavic and East European Journal, NY, 1968. Vol. 8. P.423.
 10. Collected Tales of Nikolai Gogol. Translated and annotated by Richard Pevear and Larissa Voronkovsky N.Y., 1998. P.3.
6. Vogue, E.M. The Russian Novelists. Boston, 1887.
 7. Fanger Donald. Creation of Nikolai Gogol. Harvard, 1982. P. 121.
 8. May Rachel. The Translator in the Text: On Reading Russian Literature in English. Evanston, 1994. P. 49.
 9. Proffer, C. «Dead Souls» in Translation // Slavic and East European Journal, NY, 1968. Vol. 8. P.423.
 10. Collected Tales of Nikolai Gogol. Translated and annotated by Richard Pevear and Larissa Voronkovsky N.Y., 1998. P.3.

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
«ПУСТЫХ» ГЛАГОЛОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ РЕКЛАМЫ)**

А. В. Николаева

Данная статья представляет собой попытку выявить специфику функционирования денотативно опустошенных глаголов в рекламных текстах. Автор приходит к выводу, что оценочный и эмоциональный компонент их значения и имеющиеся у них пометы стилистического характера делает «пустые» глаголы средством создания положительного образа товара, воздействующим на под- сознание адресата.

Ключевые слова: рекламный текст, манипуляции сознанием, значение слова, научные термины в рекламном тексте, эмоционально-оценочные и стилистические компоненты лексического значения слова.

В результате исследования особенностей функционирования денотативно опустошенных или «пустых» прилагательных (*great, perfect, amazing, wonderful, extraordinary, superb* и др.)¹, нами была сформулирована рабочая гипотеза о существовании аналогичной группы опустошенных глаголов выявить роль, выполняемую денотативно пустыми глаголами в рекламных текстах (далее РТ). Известно, что денотативно пустые слова не имеют образного представления о реально существующих материальных предметах, об их свойствах, воспринимаемых органами чувств, т.е. с ними не ассоциируются никакие образы эталонного представителя из соответствующей категории предметов или явлений действительности².

Объектом исследования данной статьи являются рекламные тексты британских и американских газет, журналов и путеводителей. Предметом исследования являются особенности функционирования денотативно опустошенных глаголов.

Под функцией в языкознании понимается роль, назначение тех или иных языковых элементов в системе языка, тексте, коммуникации³. Исследования показывают, что главная роль, выполняемая глаголом в рекламном тексте (далее РТ), – описание действия: действия

потребителя, возможности товара/услуги, их воздействия на потребителя, перемены, происходящие вследствие применения рекламируемого товара/услуги⁴.

Для иллюстрации положения о том, что денотативно «пустые» глаголы выполняют особую роль в РТ, обратимся к рассмотрению рекламного материала:

(1) *Stronger longer. With Pantene Pro-V Daily Treatment Conditioner. It improves even the most damaged hair, helping it resist further damage. And with daily use – keeps it stronger, longer. PANTENE PRO-V. For hair so healthy it shines*⁵.

(2) *Imagine heat improving the condition of your hair. Introducing ThermaSilk Heat Activated Shampoo and Conditioner. ThermaSilk goes beyond protection to actually improve the condition of your hair as you beat style, leaving your hair looking and feeling healthier.<...>*⁶

У глагола *improve* (I. to make something better, or to become better⁷), кроме сема *оценки* в денотативном компоненте значения, есть еще сема *изменение*, но нет показателей степени (до какой степени) этого изменения, поэтому сема *оценка (положительная)* является единственно значимой. Передавая лишь общую оценку и являясь по сути «пустым», глагол *improve* служит описанию некоего «хорошего» действия рекламируемого продукта.

Согласно В.Г. Гаку, у оценок и эмоций есть, кроме прочих, одна важная функция – *функция компенсации информационной недостаточности*: с одной стороны, такие слова дают понять реципиенту позицию и реакцию говорящего, а с другой стороны, позволяют говорящему тратить меньше слов⁸. И, действительно, что реципиент узнает из РТ о действии продукта? «Пустота» и привлекательность *improve* тянет за собой довольно субъективный набор представлений – *improve; helping it resist; keeps it stronger, longer; leaving your hair looking and feeling healthier*. Все это выдается за такие результаты действия данных косметических средств (шампуня и кондиционера), которые можно и не обнаружить после их использования. На наш взгляд, глагол *improve* используется в рекламных текстах не только для создания привлекательного образа рекламируемого товара, но и с целью скрыть недостаток другой, более важной информации о товаре (например, отличие от других средств этой или любой другой марки).

Денотативно «пустыми» представляются и контекстуальные синонимы глагола *improve* - *enrich* и *enhance*. *Enrich [with obj] 1) im-*

*prove or enhance the quality or value of*⁹, которые также используются в РТ (в данных примерах – в виде причастий):

(3) *Bathe easier without the tub or shower. <...> Enriched with aloe and vitamin E, each silky soft cloth is a healthy treat for thirsty skin. Take comfort with Comfort Bath*¹⁰.

(4) *KUKUI. Skin & Hair Care Collection. <...> Enhanced with vitamin E this oil quickly penetrates and moisturizes, leaving your skin silky smooth. ...*¹¹

Задачу использования в РТ опустошенного причастия *enriched/enhanced* видим в следующем: придать стилистически нейтральным существительным – *aloe (a plant with thick pointed leaves that contain a lot of liquid*¹²) и *vitamin E (vitamin – natural substances found in food that are necessary to keep your body healthy*¹³) – дополнительные свойства *ценности и качества (quality or value)*. К тому же, форма причастия *enriched* имеет еще одно значение, которое используется в науке – *[usu. as adj.] increase the proportion of a particular isotope in (an element), especially that of the fissile isotope U-235 in uranium so as to make it more powerful or explosive – enriched uranium*¹⁴. Такое использование имеет целью вызвать ассоциации с обогащенным ураном. Но *enriched uranium* не пустое словосочетание: за ним стоит конкретный вид химического элемента. А *enriched ... cloth* пустое заимствование наукообразной лексики в РТ. Такой стиль изложения характеристик рекламируемого товара Е.В. Медведева называет «псевдонаучным», цель которого – придать рекламируемому товару характер научного открытия¹⁵.

(5) *L'Oreal. Paris. It's gentle. It's minerals. It's a whole new kind of mascara. It's the beginning of flawless lash: Volume. Length. Definition. New Bare Naturale mineral-enriched mascara. <...> • 86% natural-origin ingredients + minerals <...>*¹⁶

«Научная» лексика (*minerals, ingredients, natural*) и так точно подсчитанный процент содержания не понятно каких ингредиентов природного происхождения заставляет читателя поверить в эффективность продукта и стать обладателем не просто туши, а туши, обогащенной минералами (*mineral-enriched mascara*). К такому типу глаголов относятся глаголы, имеющие в одном из своих значений пометы стилистического характера – *technical, science (e.g. activate, concentrate, energize, enrich, prolong, stimulate)*. Таким образом, глаголы (а иногда и образованные от них причастия) с опустошенным денотативным компонентом значения являются способом манипу-

лирование мнением читателя, заставляя его поверить в то, что товар представляет собой научное открытие, а, значит, его эффективность не должна подвергаться сомнению.

Кроме того, что пустыми некоторые глаголы могут быть по природе, таковыми они могут стать и в результате особого использования в РТ. Рассмотрим некоторые примеры:

() *This summer, Kids Eat, Stay and Discover the World Free. <...> Don't just book₁ a room. Book₂ an adventure. Holiday Inn*¹⁷.

Опустошение *book*₂ «наступает» вследствие использования в стилистической игре слов: *Don't just book a room. Book an adventure.*

Известно, что одной из ступеней семантического анализа лексики является изучение закономерностей ее употребления в тексте, другими словами, ее дистрибуции. Линейные отношения знаков или структурно-синтагматический аспект лексического значения языковых единиц называют валентностью (т.е. потенциальной сочетаемостью в языке). Валентность является одной из важнейших характеристик лексических единиц, которая фиксирует полную совокупность всех сочетаний (окружений, контекстов), где может встречаться данная языковая единица. Валентность (сочетаемость) выявляет в ее содержании общие, повторяющиеся компоненты¹⁸. Рассмотрим словарные статьи глагола *book* и существительных *room* и *adventure*:

book - 2. [with obj] 1) reserve (accommodation, a place, etc.); buy (a ticket) in advance¹⁹; 3. When you book something such as a hotel room or a ticket, you arrange to have it or use it at a particular time²⁰;

room - 1) A room is one of the separate sections or parts of the inside of a building. Rooms have their own walls, ceilings, floors, and doors, and are usually used for particular activities²¹; 1a – a bedroom in a home or in a place such as a hotel²²;

an adventure – 1. an exciting experience in which dangerous or unusual things happen²³.

У лексем *book* и *room* наблюдается повторение некоторых общих сем (*place, hotel, particular*), что свидетельствует о семантическом согласовании данных лексических единиц, чего нельзя сказать о *book* и *adventure*. Абстрактное существительное *an adventure* опустошает глагол. Такое употребление кажется нелогичным, но в РТ такая семантическая несовместимость представляет собой игру слов, которая способствует созданию необычного имиджа рекламируемой услуги²⁴.

Итак, денотативно «пустые» глаголы (т.е. глаголы абстрактного действия, не имеющие образного представления о реально проис-

ходящих действиях, воспринимаемых органами чувств) выполняют совершенно определенные функции в рекламных текстах. Представленные в статье «пустые» глаголы и выполняемые ими функции далеко не полный список единиц такого рода, но данное исследование позволяет сделать некоторые выводы.

Кроме того, что, как и другие глаголы, «пустые» глаголы описывают некоторое действие, лексическое значение такого глагола непременно имеет компонент положительной оценки или эмоции (*correct, enhance, improve, nourish, replenish, restore*): они не только дают понять адресату позицию и реакцию адресанта, но и скрывают недостаток более полезной информации о товаре, таким образом создавая его положительный образ. Заимствование наукообразной лексики в РТ имеет своей целью придать рекламируемому товару характер научного открытия. Глаголы типа *activate, concentrate, energize, enrich, prolong, stimulate*, участвуют в приеме создания «туманного», но чрезвычайно позитивного образа товара, который заставляет читателя поверить в то, что происхождение товара научно обосновано, а, значит, его эффективность несомненна.

Список литературы

1. Николаева, А. В. «Пустые» прилагательные в англоязычных рекламных текстах. // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 26. Искусствоведение. Филология. №30. 2008. С.108–112.
2. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика. М., 2009. С. 82.
3. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
4. Медведева, Е. В. Рекламная коммуникация. М. : Издательство ЛКИ, 2008. – С. 135.
5. Family Circle, July, 14, 1998.
6. Там же.
7. ODE - Oxford Dictionary of English, Revised Edition, Oxford University Press, 2005

List of literature

1. Nikolaeva, A. V. «Pustye» prilagatel'nye v angloyazychnykh reklamnykh tekstakh. // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 26. Iskusstvovedenie. Filologiya. №30. 2008. S.108–112.
2. Kobozeva, I. M. Lingvisticheskaya semantika. M., 2009. S. 82.
3. Vasil'ev, L. M. Sovremennaya lingvisticheskaya semantika. M.: Vyssh. shk., 1990. 176 s.
4. Medvedeva, E. V. Reklamnaya kommunikatsiya. M. : Izdatel'stvo LKI, 2008. – S. 135. Family Circle, July, 14, 1998.
5. Ibid.
6. ODE - Oxford Dictionary of English, Revised Edition, Oxford University Press, 2005

8. Гак, В. Г. Языковые преобразования. М., 1998. С.647.
9. [ODE]
10. Reader's Digest, May, 2003.
11. Spirit of Aloha, the Magazine of Aloha Airlines Jan/Feb 2007.
12. [MED]
13. Там же.
14. [ODE]
15. Медведева, Е. В. Рекламная коммуникация. М., 2008. С. 154.
16. People, August 2008.
17. Family Circle. July 14, 1998.
18. Новиков, Л. А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 94, 173.
19. [ODE]
20. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary, New Digital Edition, Harper Collins Publishers, 2008.
21. Там же.
22. [MED]
23. LDOCE - Longman dictionary of contemporary English. New ed. p. cm. Pearson Education Limited, Tenth impression, 2007.
24. Кохтев Н.Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. М. 1997. С. 54.
7. Gak, V. G. Yazykovye preobrazovaniya. M., 1998. S.647.
9. [ODE]
10. Reader's Digest, May, 2003.
11. Spirit of Aloha, the Magazine of Aloha Airlines Jan/Feb 2007.
12. [MED]
13. Ibid
14. [ODE]
15. Medvedeva, E. V. Reklamnaya kommunikatsiya. M., 2008. S. 154.
16. People, August 2008.
17. Family Circle. July 14, 1998.
18. Novikov, L. A. Semantika russkogo yazyka. M., 1982. S. 94, 173.
19. [ODE]
20. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary, New Digital Edition, Harper Collins Publishers, 2008.
21. Ibid
22. [MED]
23. LDOCE - Longman dictionary of contemporary English. New ed. p. cm. Pearson Education Limited, Tenth impression, 2007.
24. Kohtev N.N. Reklama: iskusstvo slova. Rekomendatsii dlya sostaviteley reklamnykh tekstov. M. 1997. S. 54.

**THE USE OF GAME MODELING FOR VOCABULARY
PRESENTATION AND REVISION**

M. V. Fominykh

Данная статья посвящена исследованию игрового моделирования в практике презентации и повторении лексики. Игровое моделирование – новая технология в процессе обучения студентов университетов и школ; это исследование каких-либо явлений, процессов или систем путем построения и изучения их моделей в игре.

Ключевые слова: моделирование; модель; игра; презентация лексики; повторение лексики.

There are many new technologies of vocabulary presentation and revision nowadays. We examine the technology of game modeling. First of all, we should examine the terms «game», «model» and «modeling» for future understanding and analyzing of «game modeling».

Game – is : - a form of usually competitive play with rules [3.P.486];

- a piece of fun [3.P.486];

- a secret and clever plan; a trick [3.P.486];

- a type of activity or business [3.P.486].

Model – is : - a representation of something, usually smaller than the original;

- a simple description of a system, used for explaining; calculating, etc [3.P.749];

- a system used as a basis for a copy, pattern [3. P. 749];

- a taking somebody or something as an example for the actions, plans. [3.P.749]

Modeling – is the art of making models [3. P. 749].

So, the *game modeling* – is the analysis of events, process or systems with the help of the building of models while gaming in the process of studying; the using of models for real systems characteristics determination in gaming situations.

The Vocabulary acquisition is increasingly viewed as crucial to language acquisition. However, there is much disagreement as to the effectiveness of different approaches for presenting vocabulary items. Moreover, learning vocabulary is often perceived as a tedious and labori-

ous process. Many experienced textbook and methodology manuals writers have argued that games are not just time-filling activities but have a great educational value. For example, W. R. Lee holds that most language games make learners use the language instead of thinking about learning the correct forms. He also says that games should be treated as central not peripheral to the foreign language teaching programme. There are many factors to consider while discussing games, one of which is appropriacy. Teachers should be very careful about choosing games if they want to make them profitable for the learning process. If games are to bring desired results, they must correspond to either the student's level, or age, or to the material that is to be introduced or practiced. Not all games are appropriate for all students irrespective of their age. Different age groups require various topics, materials, and modes of games. For example, children benefit most from games which require moving around, *imitating a model*, competing between groups and the like. Furthermore, structural games that practice or reinforce a certain grammatical aspect of language have to relate to students' abilities and prior knowledge. Games become difficult when the task or the topic is unsuitable or outside the student's experience. Another factor influencing the choice of a game is its length and the time necessary for its completion. Many games have a time limit, the teacher can either allocate more or less time depending on the students' level, the number of people in a group, or the knowledge of the rules of a game etc.

Game modeling is often used as short warm-up activities or when there is some time left at the end of a lesson. Games ought to be at the heart of teaching foreign languages. Also, Rixon suggests that games be used at all stages of the lesson, provided that they are suitable and carefully chosen. At different stages of the lesson, the teacher's aims connected with a game may vary:

1. Presentation. Provide a good model making its meaning clear;
2. Controlled practice. Elicit good imitation of new language and appropriate responses;
3. Communicative practice. Give students a chance to use the language [2].

To work out the puzzle, for example, students had to match idioms with their definitions. The objective of the game was for each pair to cooperate in completing the activity successfully in order to expand their vocabulary with, in this case, colloquial expressions. All students were active and enjoyed the activity. Some of their comments were as fol-

lows: “Very interesting and motivating” “Learning can be a lot of fun” etc. Students also had to find the appropriate matches in the shortest time possible to beat other participating groups. The element of competition among the groups made them concentrate and think intensively. The other group of students had to work out the meanings of the idioms by means of translation. Unlike the previously described group, they did not know the definitions. The expressions were listed on the board, and students tried to guess their proper meanings giving different options. Our role is to direct them to those that were appropriate. Students translated the idioms and endeavored to find similar or corresponding expressions in their mother tongue. Unlike the game used for the purpose of idiom introduction, this activity did not require the preparation of any aids. Fewer learners participated actively or enthusiastically in this lesson and most did not show great interest in the activity. In order to find out which group acquired new vocabulary better, we designed a short test, for both groups containing a translation into English and a game. This allowed learners to activate their memory with the type of activity they had been exposed to in the presentation.

Game modeling also lends themselves well to revision exercises helping learners recall material in a pleasant, entertaining way. All authors referred to in this article agree that even if games resulted only in noise and entertained students, they are still worth paying attention to and implementing in the classroom since they motivate learners, promote communicative competence, and generate fluency.

Recently, using the game modeling has become a popular technique exercised by many educators in the classrooms and recommended by methodologists. Many sources, including the ones quoted in this work, list the advantages of the use of game modeling in foreign language classrooms. Though the main objectives of the games were to acquaint students with new words or phrases and help them consolidate lexical items, they also helped develop the students’ communicative competence. From the observations, we noticed that those groups of students who practiced vocabulary activity with games felt more motivated and interested in what they were doing. However, the time they spent working on the words was usually slightly longer than when other techniques were used with different groups. This may suggest that more time devoted to activities leads to better results. The marks students received suggested that the fun and relaxed atmosphere accompanying the activities facilitated students’ learning. But this is not the only possible explanation of such an outcome.

The use of game modeling during the lessons might have motivated students to work more on the vocabulary items on their own, so the game might have only been a good stimulus for extra work. Although, it cannot be said that games are always better and easier to cope with for everyone, an overwhelming majority of pupils find games relaxing and motivating. Games should be an integral part of a lesson, providing the possibility of intensive practice while at the same time immensely enjoyable for both students and teachers. Our research has produced some evidence which shows that game modeling are useful and more successful than other methods of vocabulary presentation and revision.

List of Literature

1. Jonbenn, B. Plays in Teaching. OTR Press, London, 2007, 339 p.
2. Role plays URL : <http://www.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/>
3. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. OUP 1998, 1428 p.

**ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ КОННОТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ
С ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Е. О. Шаповалова

Когда переводчику необходимо воспроизвести идиому, он может использовать одну из следующих моделей перевода – эквивалент, аналог или кальку (согласно классификации Комиссарова). Но каждая из этих моделей по-разному воспроизводит коннотацию идиомы, и задачей переводчика является поиск такого приема, который сделал бы перевод наиболее близким оригиналу.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, калька.

При передаче ФЕ с ИС с итальянского языка на русский используются следующие приемы перевода фразеологизмов – фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, калька (согласно классификации В.Н. Комиссарова). Однако при передаче ФЕ с ИС зачастую приходится жертвовать передачей коннотации, чтобы точно передать заключенную во фразеологизме информацию, используя нефразеологический перевод. Например, «*Se qualcosa è in ballo, è la rispettabilità di un Paese che interpreta la guerra con le regole di un gioco Truffaldino*». – «Если уж что здесь и замешано, так это престиж страны, которая ведет войну по *жюльническим правилам*» (<http://www.rai.it>). Коннотация состоит в том, что автор статьи, делая ссылку на Труффальдино, персонажа комедии масок, то есть человека с какими-то типичными чертами человеческого характера (в данном случае – жулика), пытается дать стране отрицательную характеристику: страна, которая жульничает (www.proverbi-italiani.com). По нашему мнению нефразеологический перевод является уместным (он позволяет точно передать содержащуюся в сообщении информацию), хоть и не передает коннотацию.

Иногда удается найти фразеологический аналог, совпадающий с оригиналом и по смыслу, и по частотности употребления, и по стилистической окраске, и который вызывает примерно те же эмоции и ассоциации у русскоговорящих реципиентов. Например, «*Ora quan-*

do «Tutto il calcio» sciopera non se ne accorge quasi nessuno, prima era una tragedia nazionale. Sia chiaro: non era meglio *quando Berta filava*». – Теперь, когда ведущие телевизионной программы «Весь футбол» объявили забастовку, это практически никто не заметил. Раньше это была национальная трагедия. Пусть будет ясно: *еще при царе Горохе* не было лучше» (<http://www.espressonline.kataweb.it>).

В статье речь идет о забастовке журналистов спортивной телевизионной программы. Используя данный фразеологизм (*quando Berta filava* – досл.: *когда Берта плела*; или более «привычный» для русского слуха *при царе Горохе*), автор отсылает читателя к образу несуществующего персонажа, олицетворяющего древнюю эпоху. При переводе был использован фразеологический аналог, который подменяет коннотацию итальянского фразеологизма. Так же как и царь Горох для русских, королева Берта олицетворяет в итальянской культуре старинную эпоху, связанную с каким-то правителем, чье имя уже даже и не помнят, а взяли просто первое попавшееся, может быть когда-то даже самое типичное [1. С. 115].

Фразеологический эквивалент полностью передает и значение иностранного фразеологизма, и его коннотацию. Однако таких эквивалентов немного. Например, «EDF, come *l'asino di Buridano*, non sa se muoversi e abbandonare del tutto l'Italia o stare ferma e cercare di restarvi in qualche forma». – «Компания «Электрисите де Франс» как *Буриданов осел*: не знает, стоит ли ей действовать и окончательно покинуть Италию, либо проявить настойчивость и постараться остаться здесь хоть в каком-нибудь качестве» (<http://www.lastampa.it>).

Данный фразеологизм произошел от философского парадокса, названного по имени Жана Буридана, где был поставлен вопрос: как осел, которому предоставлены два одинаково соблазнительных угощения, может рационально сделать выбор (<http://ru.wikipedia.org>). Коннотация заключается в том, чтобы показать неспособность компании «Электрисите де Франс» принять самостоятельное решение.

Однако когда не удастся найти ни фразеологического эквивалента, ни фразеологического аналога, а необходимо передать коннотацию и сохранить образность статьи, переводчики прибегают к передаче иностранного фразеологизма с помощью кальки. В этом случае переводчик должен убедиться, что значение подобной кальки будет понятным реципиентам и не вызовет у них недоумения. Например, «Cambia la realtà e cambiano i mezzi e dunque gli uomini che possono interpretarla, governarla e domarla. E non è questione di età. E' proprio il

bis che non funziona: «*Paganini non ripete*». – «Меняется реальность, меняются средства, и, следовательно, люди, которые могут понять эту эпоху, управлять ею и укротить ее. И вопрос не в возрасте. Этот «бис» больше не работает: «*Паганини не бисцирует*» (<http://www.repubblica.it>).

Николо Паганини – один из скрипачей-виртуозов. Имя Паганини было окружено какой-то таинственностью, чему содействовал и сам Паганини, говоря о каких-то необычайных секретах своей игры [1. С. 89]. Таким образом, коннотация заключается в том, чтобы ото-слать реципиента к той неповторимости, уникальности игры Паганини; подчеркнуть то, что больше этого никто повторить не может и, таким образом, сравнить персонажа статьи с этим человеком. В дан-ном случае калька является эквивалентным способом передачи фразеологизма, так как и русскоговорящие реципиенты знают кто такой Паганини, и с его именем у них связаны примерно те же эмоции и ассоциации. А, значит, коннотация будет передана, хоть и частично.

В заключение, необходимо отметить, что при использовании фразеологического эквивалента коннотация передается полностью. Фразеологический аналог позволяет либо частично передать коннотацию, либо заменить ее. Прибегая к приему калькирования иностранного фразеологизма, переводчик передает коннотацию ча-стично. Нефразеологический прием перевода не позволяет передать коннотацию фразеологизма.

Список литературы

1. Guerini N. Dizionario italiano-russo di fraseologismi. Milano, 2004. 321 p.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. М., 2002. 436 с.
3. <http://www.repubblica.it>
4. <http://www.lastampa.it>
5. <http://www.espressonline.kataweb.it>
6. <http://www.rai.it>
7. www.proverbi-italiani.com
8. <http://ru.wikipedia.org>

List of literature

1. Guerini N. Dizionario italiano-russo di fraseologismi. Milano, 2004. 321 p.
2. Komissarov, V. N. Sovremennoe perevodovedenie. M., 2002. 436s.
3. URL : <http://www.repubblica.it>
4. URL : <http://www.lastampa.it>
5. URL : <http://www.espressonline.kataweb.it>
6. URL : <http://www.rai.it>
7. URL : www.proverbi-italiani.com
8. URL : <http://ru.wikipedia.org>

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С АРХАИЧНЫМ КОМПОНЕНТОМ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ**

Н. В. Шатрович

Данная статья затрагивает проблемы современной лингвистики, культурологии и фразеологии. Билатеральная взаимосвязь языка и культуры, отражающаяся во фразеологизмах, в том числе, содержащих архаичный компонент, определяет мировидение данного языкового сообщества, которое зафиксировано в языке. Архаизмы в составе фразеологизмов, способствуют лучшему познанию истории и культуры этноса.

Ключевые слова: фразеологизмы, языковая картина мира, архаизмы.

Проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании. Н.И. Толстой и С.Г. Тер-Минасова подчеркивали единство культуры и языка и рассматривали язык и как часть культуры (продукт духовной деятельности людей), и как проявление культуры (если понимать культуру как достигнутый высокий уровень чего-либо), и как средство передачи (трансляции) культуры в пространстве и во времени, и как коррелят (инструмент моделирования) культуры, то есть реализацию возможности фиксировать в языке (языках) все ценности духовной и материальной культуры и осмыслять эти ценности в разных аспектах. Сторонники другого подхода, в основе которого лежит гипотеза Сепира – Уорфа, убеждены, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке.

Общим для всех упомянутых подходов является то, что язык и образ мышления взаимосвязаны. С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком, и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры.

Слова с особыми, культуроспецифичными значениями отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого данного общества, но также и образ мышления. Культуроспецифичные слова представляют собой понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о различных вещах определенными способами; и они способствуют увековечиванию этих способов. По мере того, как общество меняется, указанные орудия могут также постепенно меняться и отбрасываться. В этом смысле инвентарь понятийных орудий общества никогда не «детерминирует» полностью его мировоззрение, но очевидным образом оказывает на него влияние.

Взаимосвязь языка и концептуализации действительности отражается в понятии «языковая картина мира», которая строится на изучении представлений человека о мире. Картина мира, таким образом, понимается как результат переработки информации о среде и человеке. Наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Поскольку языковая картина мира, представленная совокупностью множества языковых миров (внешнего, являющегося отражением внеязыковых реалий, и внутреннего, преимущественно оценочного, аксиологического) есть результат обобщающе-систематизирующей и расчленяюще-классифицирующей деятельности человека в процессе познания им реального мира, применительно к каждой классификации можно говорить об иерархии языковых картин мира, причем каждому миру соответствует не только своеобразие языковых (речевых) средств (в ядре во многом стандартных), но и некое концептуальное ядро.

Таким образом, человек живет в условиях социально-психологического многомирья, ограниченного своеобразием его деятельности, общественных связей, характера личности и т.п. У каждого мира есть специфические речевые сигналы, которые выражены в словах-концептах, в лексике и фразеологии, в пословицах и поговорках, крылатых словах и выражениях.

В действительности, нет сомнения в том, что каждый народ создает свою культуру, свои национальные культурные ценности в сфере духовной и материальной, в том числе постепенно формирует свою языковую картину мира, учитывающую его культурные достижения. Эта национальная специфика воплощается в лексике, в националь-

ной фразеологии, а также в известной степени в грамматической структуре соответствующего языка, отражая национальный менталитет.

Фразеологизмы (ФЕ) играют особую роль в создании языковой картины мира. Они – «зеркало жизни нации». Природа значения ФЕ тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. ФЕ приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают ее, выражают к ней отношение. Своей семантикой ФЕ направлены на характеристику человека и его деятельности.

Таким образом, мы можем предположить, что план содержания ряда лексических единиц и ФЕ включает некий особый компонент, который несколько условно может быть назван национально-культурным [4. С. 38].

Языковая картина мира, отраженная во ФЕ, создается разными красками, наиболее яркими из которых, с нашей точки зрения, являются мифологемы, образно-метафоричные слова, архаизмы и историзмы и т.д. Каждый конкретный язык включает в себе национальную, самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира.

Лексическим единицам, принадлежащим к слою устаревших слов, присуща некоторая абстрактность, умозрительность. Сейчас это семантические составляющие некоторых языковых единиц; раньше же **« умозрение », « абстрагирование » существовали на уровне сознания** – как особенности мировосприятия. Следовательно, устаревшие слова несут следы иного мировоззрения, иной картины мира.

Ушедшие из языка слова и выражения являются осязаемыми нитями, связывающие нас с культурой и историей народа и его языка, без знания которых невозможно объективно оценить и понять языковую картину мира данного народа. Архаизмы часто бывают включены в состав ФЕ, что способствует получению фоновых знаний о быте, культуре, традициях и обычаях этноса. Так, в составе ФЕ *la mie de pain* (дословный перевод – «хлебная крошка») используется архаизм *la mie*, чьим современным синонимом является «*une miette*». Естественно, что крошка хлеба была слишком маленьким количеством еды, для того, чтобы накормить семью, всегда достаточно многочисленную в эпоху Средневековья, таким образом, впослед-

ствии, ФЕ « *la mie de pain* » приобрела значение «незначительный, не имеющий особой ценности».

Таким же образом, ФЕ *échauffer la bile à qn* (подогревать желчь), употребляющийся в ситуации, когда человек очень раздражен. Присутствие этого образа желчи, закрепленного в языковой картине мира, отражают средневековые представления о медицине.

ФЕ *c'est là où le bât nous blesse*, которая переводится как «вот, где находится проблема», соответствует русской ФЕ «вот, где собака зарыта». Данная ФЕ включает в свой состав архаизм «**le bât**», означающий деревянную конструкцию, которая закреплялась на спине вьючного животного и использовалась для перевозки грузов. Образ вьючного животного закрепился в системе языка как отражение традиций и быта и стал применяться по отношению к человеку, который должен разрешить сложную задачу. Ex. *Ce bon enfant dauphin est fils d'Allemande et voilà bien où le le bât nous blesse* (Наш славный маленький дофин – сын Немки, и в этом вся проблема).

Картина мира французского этноса характеризуется зооморфностью, направленностью на животных, рассмотрение их в качестве меры вещей, что в сочетании с антропоцентричностью создает своеобразный образ мира. Так, ФЕ *à la queue leu leu*, включает в свой состав архаизм *un leu*, устаревшую форму слова «*un loup*» (волк). Животные выступают в качестве эталонов культурно-национального мировидения. ФЕ *coudre la peau du renard à celle de lion* (дословно – пришить шкуру лисицы к шкуре льва), означающее «совмещать хитрость и силу», основано на образах животных, используемых в качестве эталонов для описания человеческих качеств, что свидетельствует о существенной роли представителей животного мира в жизни населения страны.

ФЕ, также как и отдельные слова, могут быть связаны и с народными поверьями и суевериями. Например, ФЕ *nouer l'aiguillette* (дословно – завязывать иголку), включающий в себя архаизм «**l'aiguillette**» (предмет в форме маленькой иголки), хранит закрепленные в этнической языковой картине мира следы средневековой магии. Согласно народным поверьям, для того, чтобы помешать браку и лишить мужчину силы, ворожеи завязывали тонкую нить узлом, произнося определенные магические формулы.

Таким образом, архаизмы отражают некоторую систему ценностей этноса в определенную эпоху, характеризуют особенности мышления, мировосприятия, обычаев и традиций языкового сообщ-

щества в тот или иной период исторического развития. Устаревшие слова, оказывающие существенное влияние на формирование языковой картины мира, связаны с историей этноса, социальными устоями и народными поверьями, религиозными верованиями, которые и определяют специфику менталитета этноса.

Список литературы

1. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской культурологии и этнолингвистике. Москва : Языки русской культуры. 1995. 367 с.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация // Филологические науки. 2001. №4. С. 110–118.
3. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры. М. : Прогресс. 1994. 437 с.
4. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. №6. С. 37–49.

List of literature

1. Tolstoy, N. I. Yazyk i narodnaya kul'tura: ocherki po slavyanskoy kul'turologii i etnolingvistike. Moskva : Yazyki russkoy kul'tury. 1995. 367 s.
2. Ter-Minasova, S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya // Filologicheskie nauki. 2001. №4. S. 110–118.
3. Gumbol'dt, V. Yazyk i filosofiya kul'tury. M. : Progress. 1994. 437 s.
4. Dobrovolskiy, D. O. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika vo frazeologii // Voprosy yazykoznaneya. 1997. №6. S. 37–49.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Г. Г. Фефелова

В данной статье автор рассматривает орфографические принципы русского правописания, анализирует два ведущих принципа правописания, дает обоснование выбора одного из принципов. В отличие от морфологического принципа, ознакомление с фонематическим принципом орфографии можно связать с началом обучения правописанию. Основным принципом русской орфографии является фонематический, ему подчиняется 85% написаний. Фонематический принцип не только позволяет формировать орфографическое действие сразу на основе всеобщего принципа письма. Он устанавливает связи между отдельными правилами правописания, вскрывает их единые основания. Фонематический принцип обладает большими объяснительными возможностями, чем морфологический.

Ключевые слова: орфография, морфологический принцип, фонематический принцип.

Орфография, как раздел науки, является составной частью методики обучения русскому языку, которая неразрывно связана с другими науками, такими как лингводидактика, педагогика, психология, где черпает принципиально важную для себя информацию. Обучение орфографии – один из аспектов освоения языка, традиционно принимаемый в качестве самого трудного. Оно может быть реализовано только при успешном овладении знаниями и умениями, которые формируются при изучении других сторон языка: фонетики, орфоэпии, словообразования, морфемики, лексики, грамматики.

Эти знания являются лингвистической основой успешного овладения орфографией. Кроме этого, современная орфография имеет ряд понятий, на которых базируется овладение правописанием. К ним относятся: орфография, орфограмма, написание, буквенная орфограмма, орфограмма-дефис, слитное написание, раздельное написание, орфограмма-черточка (перенос), проверяемая орфограмма,

непроверяемая орфограмма, вариант орфограммы, тип, вид и опознавательный признак орфограммы, ошибка, орфографический словарь, правила, принципы орфографии. Главными из них являются: орфография, орфограмма, принципы орфографии, орфографическое правило, условие выбора орфограммы, опознавательные признаки орфограмм.

Современная орфография состоит из пяти основных разделов: единообразное написание значимых частей слова; раздельное, полуслитное и слитное написание слов и их частей; употребление прописных букв; правила переноса слова; правила употребления сокращений.

Принцип, определяющий выбор буквы, считается ведущим принципом. В отечественной науке нет единого мнения по этому вопросу. В первой четверти XX в. завершились горячие споры о том, какой принцип русской орфографии является ведущим: фонематический или морфологический. Возобладала точка зрения А.И. Томсона, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Д.Н. Ушакова, обосновавших морфологический принцип в качестве ведущего в русском правописании.

Вместе с тем в последнее время в обучении правописанию определился новый подход, согласно которому наша орфография рассматривается как основывающаяся на фонематическом принципе, основоположником которого является В.К. Третьяковский. В работе «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой» (1748) автор убежденно отстаивает принципы фонетического письма. Позднее сторонники фонетической орфографии смогли лишь немного добавить к его аргументации в пользу письма «по звонам». В.К. Третьяковский спорит против сложившейся к тому времени орфографической традиции, против сторонников письма по морфологическому принципу. Доводы его весомы; на многие из них в ХУШ в., при определенном уровне языковедения, и невозможно было дать ответ. Например, он сопоставляет слова *мороз - морозы, пишу - писание*. Если в слове «мороз» вместо *с* пишется *з*, то почему в «*писание*» вместо *с* не писать бы *и*? Это отвечало бы морфологическому принципу - добиваться неизменного облика корня. Однако ясно, что орфограмма «*пишание*» (для слова «*писание*») невозможна; этим, по мнению В.К. Третьяковского, доказано, что перенос букв из производящих в производные слова (или из одной формы слова в другую) последовательно осуществлять нельзя; в таком случае надо писать «*морос*» – *морозы*, отказавшись от уравнения корней.

Ответить на подобные аргументы языковедение XVIII в. не могло; чтобы опровергнуть доводы В.К. Тредиаковского, надо было создать теорию, разграничивающую позиционные и непозиционные чередования; это было сделано гораздо позднее. Поэтому сторонники морфологического начала в орфографии более констатировали сложившееся положение вещей, чем обосновывали его рациональность и пригодность для русского письма.

Позднее (1928г.) идею о фонематическом принципе сформулировал Н.Ф. Яковлев. Затем она получила развитие и обоснование в работах В.Н. Сидорова, А.А. Реформатского, Л.И. Зарецкого, Р.И. Аванесова, И.С. Ильинской и др.

В последние годы внимание к этой концепции было привлечено в связи с работами М.В. Панова, Л.Н. Булатовой, П.С. Жедек, С.М. Кузьминой, В.В. Давыдова и др. Основные положения фонематического принципа, вытекающие из фонологической теории, могут быть сформулированы следующим образом:

1. Во всяком звуковом (алфавитном) письме единицей, отображаемой на письме, является фонема, то есть абстрактная звуковая единица, представляющая ряд позиционно чередующихся звуков.

2. Фонема обозначается на письме в соответствии с правилами графики, принятыми в данном языке, по своей сильной позиции.

3. Отсюда следует универсальный способ определения орфограммы, то есть буквы, обозначающей фонему в слабой позиции: она заключается в приведении слабой фонемы к сильной позиции путем построения пара-дигматического ряда для морфемы, в состав которой входит фонема [5. С. 16].

Новый фонематический этап теории правописания связан с развитием лингвистики, а именно с появлением раздела фонетики - фонологии, единицей которой выступает фонема, а не звук, как в фонетике.

Психологические исследования показали, что наиболее благоприятные условия для построения учебных программ складываются при такой организации обучения, когда уже на начальном этапе в учебном материале выделяются фундаментальные понятия, вокруг которых концентрируется весь теоретический материал и которые лежат в основе формирования практических навыков [3. С. 134]. Применительно к орфографии это возможно при фонематической трактовке ведущей закономерности русского правописания.

В отличие от морфологического принципа ознакомление с фонематическим принципом орфографии можно связать с самым на-

чалом обучения правописанию. Кроме того, при фонематическом подходе устраняется большая часть недостатков традиционного обучения орфографии: орфографическая слепота подавляющего числа учащихся, непонимание связей между отдельными правилами, их обобщенное представление.

Согласно фонематическому принципу звуки «как единицы устной речи связаны с буквами, единицами письменной речи, через посредство мельчайших незнакомых единиц языка – фонем» [8. С. 87]. Фонема – единица функциональная. Звуки, представляющие одну и ту же фонему, акустически могут быть разными. И наоборот, один и тот же звук может быть реализацией («представителем») разных фонем.

Так, например, звуки [о/а/ъ] в корне слов «вода», «водянка», «водяной» - позиционные «представители» фонемы <о>, а звуки [а/а/ъ] в корне слов «глаз», «глазок», «глазомер» «представляют» фонему <а>, так как фонема называется и обозначается буквой по своему основному звучанию: по сильной позиции.

Из фонематического принципа вытекают три обобщенных правила, на которых базируется русская орфография. 1. Безударные гласные обозначаются той же буквой, что и под ударением в той же части слова: «*тропинка*» - потому что «*тропы*», в «*корзинке*» - потому что в «*руке*» и т.д. 2. «Сомнительные» согласные обозначаются теми же буквами, что и перед гласными (сонорными и в): «*глаз*» - потому что «*глаза*», «*колоски*» - потому что «*колосок*» и т.д.

3. Мягкость согласного перед мягким согласным обозначается в том случае, если она сохраняется и перед твердым согласным или на конце слова: «*бантик*» – потому что «*бант*», «*встанька*» – потому что «*встань*».

Все три правила по сути своей идентичны: они учат проверять вариант фонемы ее основной реализацией, той, которая дана в сильной позиции. Раскрыть учащимся общую природу трех главных правил орфографии - значит поднять на высший уровень осознания устройство правописания. В то же время это позволяет организовать отработку орфографических навыков на основе единого алгоритма орфографического действия.

Следовательно, основным принципом русской орфографии является фонематический. Сравним две формулировки главного принципа русского правописания. «Фонематическое письмо – это такое, в котором одни и те же буквы алфавита обозначают фонему во всех

ее видоизменениях, как бы она ни звучала в том или ином фонетическом положении. В результате получается то, что каждая морфема, коль скоро она содержит одни и те же фонемы, пишется всегда одинаково» [6. С. 57]. «Ведущим принципом русской орфографии является морфологический. Он основан на одинаковом написании (независимо от их произношения) морфем – значащих частей слова. Например, корень *дом* во всех случаях обозначается этими тремя буквами, хотя в словах *домашний* и *домовой* звук [о] корня произносится по-разному. [да]-*машний*, [дъ]-*мовой*. То же наблюдается в приставке *от-*, пишущейся с буквой *т*, несмотря на ее произношение: *отпуск* – [от] и *отбой* – [ад]...» [7. С. 148].

Морфологическая и фонематическая трактовки ведущего принципа правописания едины в том смысле, что обе фиксируют одну и ту же особенность русского письма: постоянный буквенный состав каждой значимой части слова. Но при анализе этого факта они оказываются как бы на разной глубине. Морфологический принцип не проникает за рамки морфемного уровня: он лишь констатирует, что каждая морфема сохраняет единое написание, но не объясняет происхождения этого явления. Фонематический же принцип обосновывает единообразие буквенного «образа» каждой части слова тем, что на письме передается не звуковой, а фонемный состав морфем и базируется на понимании фонемы как функциональной единицы. Звуки, представляющие одну и ту же фонему, акустически могут быть разными. И наоборот, один и тот же звук может быть реализацией разных фонем.

Фонематический принцип устанавливает связи между отдельными правилами правописания, вскрывает их единые основания.

Поскольку сильную позицию фонемы нужно искать в той же морфеме, где была слабая, в орфографическое действие непременно включается операция выяснения тождества морфем в проверочном и проверяемом слове. Причем это требование относится не только к корням, но и к окончаниям. А так как окончание – часть слова, которая является носителем грамматических значений, ориентация на фонематический принцип обеспечивает действительную связь всех языковых уровней в обучении правописанию.

Фонематический принцип обладает большими объяснительными возможностями, чем морфологический, и при обучении на фонемной основе постоянно возникают условия для постановки вопроса «Почему?». Например, можно спросить: «Почему буква выбирается

по гласному звуку под ударением, а не по безударному?» Ответ в этом случае не может ограничиться формальной ссылкой на то, где «лучше слышится». Ответ на подобный вопрос потребует наблюдения и выводов о «поведении» звуков в различных фонетических условиях, выяснения, в каком «случае звуки лучше справляются со своей главной работой по различению слов» и т. п. А это значит, что создаются предпосылки не только для улучшения орфографической подготовки учащихся, но и для развития их мышления и познавательных способностей. Переход с морфологического уровня на фонематический вносит существенные коррективы в методику обучения орфографии.

Список литературы

1. Бельдиян, В. М. Основы дидактики лингвистики. Омск, 2007.
2. Голев, Н. Д. Освоение морфематического принципа русской орфографии: к типологии орфографической способности детей // Детская речь как предмет лингвистического исследования: материалы междунар. конф.. СПб. : Наука, 2004. С. 50–54.
3. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986. 240 с.
4. Давыдов, В. В. Виды обобщения в обучении. Логико-психол. проблемы построения учебных предметов. М. : Педагогика, 1972. 423 с.
5. Жедек, П. С. Из опыта обучения закономерностям русской орфографии // Пособие для учителей. М. : Просвещение, 1974. С. 16–44.
6. Ильинская И. С. Современное русское правописание // Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та им.

List of literature

1. Bel'diyan, V. M. Osnovy didaktologii lingvistiki. Omsk, 2007.
2. Golev, N. D. Osvoenie morfematičeskogo printsipa russkoy orfografii: k tipologii orfograficheskoj sposobnosti detey // Detskaya rech' kak predmet lingvističeskogo issledovaniya: materialy mezhdunar. konf.. SPb. : Nauka, 2004. S. 50–54.
3. Davydov, V. V. Problemy razvivayushego obučeniya. M., 1986. 240 s.
4. Davydov, V. V. Vidy obobsčeniya v obučenii. Logiko-psihol. problemy postroeniya učebynyh predmetov. M. : Pedagogika, 1972. 423 s.
5. Zhedek, P. S. Iz opyta obučeniya zakonomernostyam russkoy orfografii // Posobie dlya učiteley. M. : Prosvesčenie, 1974. S. 16–44.
6. Il'inskaya I. S. Sovremennoe russkoe pravopisanie // Učenyje zapiski Mosk. gor. ped. in-ta im. V.

- В. П. Потемкина. М., 1953. Т. 12. Вып. 2. С. 8.
7. Кайдалова А. И. Современная русская орфография. М. : Высш. шк., 1976. 272 с.
8. Кузьмина, С. М. Теория русской орфографии: Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М. : Наука, 1981. 265 с.
9. Репкин, В. В. Формирование орфографического навыка как умственного действия // Вопросы психологии. 1960. №2. С. 135–141.
- P. Potemkina. M., 1953. T. 12. Vyp. 2. S. 8.
7. Kaydalova A. I. Sovremennaya russkaya orfografiya. M. : Vyssh. shk., 1976. 272 s.
8. Kuz'mina, S. M. Teoriya russkoy orfografii: Orfografiya v ee otnoshenii k fonetike i fonologii. M. : Nauka, 1981. 265 s.
9. Repkin, V. V. Formirovanie orfograficheskogo navyka kak umstvennogo deystviya // Voprosy psikhologii. 1960. №2. S. 135–141.

ABSTRACTS

Avramenko Y.I. Natural Gift is the Mastership of Word

In the article the vital issue of the day is discussed - the status of literary language and the influence of different human life's spheres on it. In this article the role and the potential of contemporary fiction is also considered. Besides these problems, the article gives current viewpoints about human skill to have a way with words.

Keywords: literary language, fiction, language of fiction, skill to have a way with words.

Agamyan E.Y. Interactive as a Polyfunctional Means of Radio Broadcasting

The article is devoted to the consideration of the problem of interaction of information within the principle of reversible connection from the position of radio broadcasting. The author operates with such a category as "interactive of self-governance".

Keywords: interactive, radio, information

Bulatova E.M. Semantic Field of Relation in Phraseological Systems of Russian, English and Czech

This article is devoted to the comparison of the phraseological units of the semantic field of relation in Russian, Czech and English. The description is given within the framework of the semantic analysis with elements of lingvocultural study.

Keywords: comparative linguistics, semantic analyses, sister languages and non-sister languages, category of relation, phraseology

Bulycheva V.P. Genre Characteristics and Means of Imagery in the Texts of the English Textbook on Economics

It is traditionally believed that the text-book is characterized by precision, logicity, but is devoid of imagery. While studying a lot of economic text-books I came to the conclusion that nowadays scientists resort to various expressive means rather often. The present article deals with the structure of the text-book as genre and the presence of figurative means in it.

Keywords: textbook, image, metonymy, metaphor, allusion, epithet, phraseological unit, proverb

Burkova O.M. Fine-art Role of “Golden” Colour in Poetry by S.Esenin and its Translations into Byelorussian

Article analyzes the role of “golden color” in original and translated poetry written by S. Esenin. Discovered specifics in translation of words meaning “golden color” in Byelorussian language.

Keywords: «golden color», original and translated poetry, S. Esenin, Byelorussian language.

Dyakova T.V. Means of Translation of Natural Proper Names in English Authorial Fairy-tales (Based on Fairy-tales by A.Miln, P.Trevers, J.Rolling, L.Carrol)

The article highlights the major types of translation of natural proper names in English fairy-tales. Natural proper names can be classified as the following: typically English names, allusions and the names transferred from common names into proper ones. The most widely spread ways of translation are transcription, transliteration, and work with the inner form.

Keywords: authorial fairy-tale, means of translation, natural names

Zhdanova E.V. Psycholinguistic Image of the Russian Human in the story “Drama na okhote” by A.P.Chekhov

This article is devoted to the problem of description of psycholinguistic type of a person who belongs to Russian linguaculture in literature. The communication behavior of people of different types is pointed out, their verbal and nonverbal characteristics.

Keywords: psycholinguistic type, communicative personality, communicative behaviour, Russian linguistic culture

Fominyh M.V. The Use of Game Modeling for Vocabulary Presentation and Revision

The article is about game modeling and its using for vocabulary presentations and revision. Game modeling is the new technology of education in universities and schools; the analysis of events, process or systems with the help of the building of models while gaming in the process of studying; the using of models for real systems characteristics determination in gaming situations.

Keywords: Modeling; model; game; vocabulary presentation; vocabulary revision.

Ilova E.V. Linguosemiotics of Thetre in Social Play (Based on Notions of Thetre Set and Theatrical Topos)

Theatre and theatricality penetrate into every sphere of human life. As a result of the transference of the theatrical linguosemiotics into social spheres positive connotation of theatrical lexical units is changed into negative, this change being the subject of the article.

Keywords: linguosemiotics, theatricality, positive/negative connotation, social play, demonstrative communication

Kamyshva O.S. Monometaphorical and Polymetaphorical Models with Target Spere “Music” in Russian and English Fiction Literature of 20th Century

The research work is devoted to the musical metaphors, which express objects and processes of musical art in Russian and English literature. The musical metaphors were classified according to the theory of monometaphorical and polymetaphorical models.

Keywords: fiction literature of 20th century, monometaphorical model, polymetaphorical model, metaphor

Kvashnina E. N. Social parametrical norm in the Estimation of the professional language person

Article is devoted the description of social parametrical norm in an estimation of the professional language person.

Keywords: social parametrical norm, the professional language person.

Kuryachaya O.G. Functional-sense Peculiarities of Notions of Characters on Author’s Speech (Based on Materials of “Donskie Rasskazy” by M.A.Sholokhov)

The article is devoted to the problem of representation of character’s inner world in author’s speech by means of nominative form of the character in “DON STORIES” of Soviet writer M.A.Sholokhov. There are some the most typical examples in the article.

Keywords: nominative form of character, author’s speech, character-referent, literary text.

Kushneruk S.P. Non-terminological Multicomponent Units of Documental Texts (to the Problem of Court Linguistic Expertise of Documents)

The article is devoted to the clichés and documental formulae used in modern texts of documents; roles and speech variants of these units are under analysis in aspects of loyal investigations.

Keywords: cliché, documental formula, text of document, loyal linguistic investigation.

Lavrova N.A. About Some Reasons of Marginality of Contamination

The article touches upon several reasons for marginality of contamination as a word-building pattern. The investigation reveals that the active usage and typological status of other models, such as clippings, abbreviation and composition, render contamination pleonastic and redundant, because ultimately it can be conceived of in terms of the other patterns, mentioned above. Despite this fact, in comparison with other languages, both genetically related and not, contamination is more typical of English than of German, Croatian and Hungarian.

Keywords: contamination, clipping, composition, pleonasm.

Maletina O.A. Lingostylistic Explicators of Creation of Image in the Novel “Tender is Night” by F.S. Fitzgerald

The article is aimed to analyse images, stylistic and lexical means used in «Tender is night» written by F. Fitzgerald. The most important images in the fiction are images of characters, because they help readers to understand the sense of a book. There are many portrait descriptions which help to create an image. It is necessary to analyse portraits, stylistic and lexical means, which are used to create images in order to understand better what the author wants to tell us. Stylistic and lexical devices create a peculiar atmosphere and characters which lead to our penetration into the sense of a novel.

Keywords: linguostylistic explicators, image, F.S.Fitzgerald, autobiographic novel

Malych D.S. Gender Stereotypes in the Language (Marital Announcements)

The article is devoted to the analyses of gender stereotypes based on the material of marital announcements

Keywords: marital announcements, gender stereotypes, gender

Maryanchik V.A. Axiological Metatext in Media-Political Discourse

In the article is described the metatext of the media-political discourse. In the context of the metatext is accentuated an axiological metatext. As a result of analysis of the metatext there are delineated verbal values. In the work mentioned four groups of the means of the axiological metatext. The groups were analysed on the example of the texts of election canvassing.

Keywords: a media-political discourse, a political value, a verbal value, an axiological metatext

Moroz N.A. History of Translations and Acquaintance of English-speaking Audience with Literary Art by N.V.Gogol

The article gives a brief analysis of studying N.V. Gogol and his masterpieces in English-speaking countries – Great Britain and the USA. The author of the present article reveals the history of his art works in English.

Keywords: art work, translation of art works, Gogol's creative work, English translation.

Nikolaeva A.V. Peculiarities of Functioning of “Empty” Verbs in Advertising Texts (Based on English Advertisements)

This article is an attempt to reveal the peculiarities of functioning of denotatively “emptied” verbs in ad texts. The author concludes that evaluative and emotional components of their meaning as well as stylistic marks make “empty” verbs the means of creating positive image of product influencing recipient's subconsciousness.

Keywords: advertising text, manipulation of consciousness, meaning of word, scientific terms in advertising text, emotionally evaluative and stylistic components of lexical meaning of word

Pivovarchik T.A. Paradigm of Explications of Modus of a Speaker as a Subject of Speech in the Russian and Byelorussian Speech Etiquette

In accordance with the traditions of comparative pragmatics is analyzed the selection of the means of the explication of that speaking as the subject of speech in the Russian and Belorussian speech formulars. Are revealed six methods “of the correction” of the priority of the speaking as subject of speech in the side of his strengthening or weakening in ac-

cordance with the nature of speech situation and the communicative intentions of collocutors. Analysis makes it possible to reveal differences in the nation-cultural ideas about the socially approved model of behavior.

Keywords: modus of speaker, subject of speech, speech etiquette, comparative pragmatics

Pogrebnyak Y.V. Theoretical Modeling of Interiorized Discourse

The article is devoted to the study of interiorized discourse which we consider as the reflection of inner speech of a character in the text of fiction work

Keywords: theoretical modeling, interiorization, discourse, G.Ostin

Rentz T.G. Semantics of Smile in Novelistic Communication

The article provides descriptions of the main functions of a smile in romantic communication. The attention is mostly paid to its semantic value in different communicative emotional situations created by romantic partners at different stages of their relationships. The semantic differences of a smile are determined by communicative intention and behavioral style, emotional mood and emotional perceptiveness of the partners.

Keywords: romantic communication, nonverbal codes, communicative emotional situations, a smile.

Savelyeva U.A. Image Presentation about Betrayal in the Russian Linguistic Culture (Based on the Works of Fiction Literature)

The article in question presents analysis of image-bearing conception of betrayal in Russian linguo-culture done on the example of works of literature. Considering the books much referred to in Russia when regarding betrayal, the author comes to a conclusion that the image of a betrayer is shown in the development and is characterized by such attributive elements as «someone who is hiding true motives», «someone who is hypocritical», «calculating and evil».

Alongside this the analysis of acts and looks of the traitor reveals that most of the literary images are symbolic and disclose collective subconscious level of perceiving betrayal.

Keywords: archetype, archetype dual category, lexical and phraseological units, linguistic culturology, myth, evaluation, precedent name, precedent phenomenon, process of socialization, fiction work, emotionally evaluative world picture

Tulebaeva S.A. Personality of al-Farabi in the Context of Language and Dialogue of Civilizations

Article is devoted consideration of the person of the well-known thinker and the philosopher of the Middle Ages al-Farabi in a context of language and dialogue of civilisations. The language person of the scientist and its contribution to development of philosophy of language and logical-grammatical researches is analyzed.

Keywords: language and dialogue of civilizations, medieval Arabic Muslim culture, Arabic language, philosophy of language

Fefelova G.G. Linguistic Didactic Foundation of Teaching the Russian Orthography

In this article the author considers the orthographical principles of the Russian orthography, analyses two leading principles of orthography, gives foundation for the choice of one of the principles. Differing from the morphological principle the acquaintance with phonematic principle of orthography may be linked with the beginning of teaching orthography. The main principle of the Russian orthography is phonematic, it commands 85% of spelling. Phonematic principle allows not only formation of orthographical action immediately on the basis of common principle of writing. It establishes a link between single rules of orthography, reveals their single foundations. Phonematic principle owns greater explicatory abilities than morphological.

Keywords: orthography, morphological principle, phonematic principle

Shapovalova E.O. Means of Transfer of Connotation of Phraseological Units with Proper Names from Italian into Russian

When the interpreter needs to reproduce an idiom he can use one of these modes of translation – equivalent, analog or calque (according to the classification of Komissarov). But each of these modes reproduces differently the connotation of idiom, and the task of interpreter is to find a mode that could make the translation more close to original.

Keywords: phraseological unit, phraseological equivalent, phraseological analyses, calque

Shapovalova N.G. Communicative Characteristics of Virtual Model Personality “Padonak”

In article the detailed characteristic of the communicative person “padonka” on a material of such sites of “counterculture” as www.udaff.com, www.fuck.ru, www.padonki.org, etc. is given

Keywords: the communicative person, the virtual person, the Internet communications.

Shatrovich N.V. Phraseological Units with Archaic Component in French as the Reflection of Ethnic Cultural Situation

The article given touches upon the problems of contemporary linguistics, culturology and phraseology. Bilateral interrelation of language and culture, reflected in phraseological units, including those containing archaic component, defines the world view of the given language community which is fixed in the language. Archaisms in phraseological units promote a better cognition of history and culture of ethnos.

Keywords: phraseological units, language world picture, archaisms

Yudina Y.G. Representation of Comparison as a Model of Image Thought in the Language of Fiction Literature at the End of 20th – the Beginning of 21th Centuries

This article is devoted to description of peculiarities of image-bearing representation in the belle-letters style texts of the end of the 20th century and the beginning of the 21st century. Comparative constructions (which contain both “subject of the speech” and “introduced image”) serve as the material for analysis. The procedure of analysis is based on correlation of conceptual and image-bearing content of simile.

Keywords: image, image representation, comparative construction, comparison

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авраменко Юлия Игоревна – ассистент кафедры перевода и переводоведения Магнитогорского государственного университета.
Магнитогорск, пр. Ленина, 114.
ius3@yandex.ru

Агамян Елена Юрьевна – аспирант кафедры социологии управления Сибирского университета потребительской кооперации.
630087, Новосибирск, пр. К.Маркса, 26.
agamjanl@mail.ru

Булатова Екатерина Михайловна – ассистент кафедры английского языка факультета филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
katja_bulatova@mail.ru

Булычева Вера Павловна – ассистент кафедры английского языка Астраханского государственного университета.
414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
nauka.bvp@mail.ru ; logos@aspu.ru

Буркова Ольга Михайловна – преподаватель кафедры языков Белорусской государственной академии музыки,
220030, Респ. Беларусь, Минск, ул. Интернациональная, 30.
bo2004@tut.by

Дьякова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
tatyana_dyakova@yahoo.com

Жданова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры европейских языков факультета международных отношений Пятигорского государственного лингвистического университета.

357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9.
zhdanova-elena@yandex.ru

Илова Елена Викторовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
elenailova@rambler.ru

Камышева Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры английского языка и методики его преподавания Шадринского государственного педагогического института.

641800, Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3.
tatanam@shadrinsk.net.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
lena-kv@mail.ru

Курячая Оксана Григорьевна – соискатель кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училища им. А. К. Серова.

Кушнерук Сергей Петрович – доктор филологических наук, доцент Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
sp_kushneruk.mail.ru

Лаврова Наталия Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета.

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1, стр. 1.
lavruscha@gmail.com

Малетина Оксана Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.

okmaletina@yandex.ru, okmaletina@mail.ru

Малых Дарья Сергеевна – преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

454084, Челябинск, пр.Победы, 162-в, к. 110.

Марьянчик Виктория Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.

marvik69@yandex.ru

Мороз Наркиза Абриковна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права.

625000, Тюмень.

narkiza-moroz@mail.ru

Николаева Анастасия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Стерлитамакской государственной педагогической академии.

453103, РБ, Стерлитамак, ул. Парковая, д. 15.

stasy79@list.ru

Погребняк Юлия Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Волгоградского государственного педагогического университета.

new_life@mail.ru

Пивоварчик Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

230023, Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22.

PivovarchikT@mail2000.ru

Ренц Татьяна Гавриловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Волжского гуманитарного института (филиал) Волгоградского государственного университета 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
trents@yandex.ru

Савельева Ульяна Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и современных технологий обучения Астраханского государственного университета.
414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
ulyana_saveljeva@mail.ru

Тулубаева Самал Абаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения ЕНУ им.Л. Н.Гумилева.
samaltu@mail.ru

Фефелова Галина Геннадьевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы УГ-НТУ.
ufa-ugntu@mail.ru

Фоминых Мария Вячеславовна – ассистент кафедры германской филологии Российского государственного профессионально-педагогического университета.
7maria12@olympus.ru

Шаповалова Елена Олеговна – ассистент кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета.
454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
megarchelische@mail.ru

Шаповалова Надежда Геннадиевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и культуры Саратовской государственной академии права.
Lingua-mobilis@rambler.ru

Шатровиц Наталья Владимировна – старший преподаватель Челябинского государственного педагогического университета, кафедра

французского языка.
454080, Челябинск, пр. Ленина, 69.
natusia@chel.surnet.ru

Юдина Юлия Игоревна – аспирант кафедры русского языка, ассистент Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
judithaid@mail.ru